ПИОНЕР

Октябрь

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1936 г.

10

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

„Кандидов и сын"—*главы из романа Льва Кассиля. Рис. Б. Винокурова* 3
Победители глубин 27
Два стихотворения—*Н Кончаловская и С. Михалков. Рис. П. Митурича* 30
Товарищ Серго—*М Д Орахелашвили* 32
Известия Географического общества „Компас" № 6 48
Дед Бородоед—*рассказ М. Лоскутова. Рис. А. Каневского* 61
Рембранд ван Рин—*Путешествие в века—В. Поддубная* 66
Растения на войне—*проф. Г. Боссе* 71
Испания в огне 77
ПОЧТА:
Пасионария—*письмо Амайи Руис Ибаррури* 80
Тайные сборы—*письмо Георга В.* 81
В Мадриде—*письмо Майо Т.* 83
Листовки—*письмо Лени Н.* 84
Испания—*стихи Кости Сергеева* 85
Моя родина—Советский союз—*письмо Ми* 86
Мой отец—*письмо Лели К.* 86
Будем смелыми—*письмо Наташи Агеевой* 87
Аладдин и волшебная лампа—*арабская сказка. Обработал М. Салье. Рис. Ю. Кискачи* . . . 89
Двадцать шесть лет на паровозе—*рассказ М. Обухова* 107
Научный телеграф 110
Талисман—*А. С. Пушкин* 114
Вещи Пушкина—*Н. Ашукин* 115
Спорт 117
Система в числах—*Я. Линский. Рис. А. Каневского* 120
Биоскоп 123
Спичечное мекано 125
Задачи, загадки, игры и фокусы 126

На обложке: картина художника М. Гурвича „В школу"

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в издательство „Правда".

Адрес: Москва, 40, ул. „Правды", 24, комн. № 216.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

ПИОНЕР

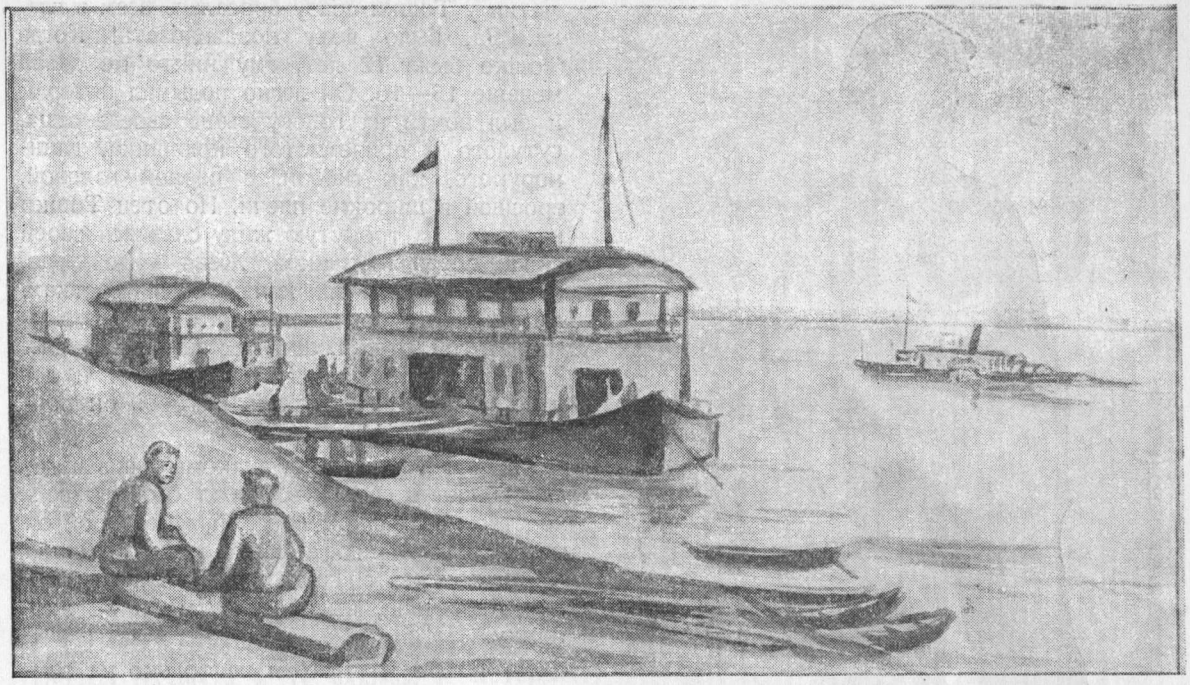
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

П 29
34

№ 10
ОКТЯБРЬ
1936

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“



„Кандидов и сын“

Главы из романа „Вратарь республики“

Лев Кассиль *Рис. Б. Винокурова*

Глава I. Коробчатый змей

Женя Карасик всю жизнь завидовал Антону. Это была зависть восторженная и неизлечимая. Тошка и Женя были ровесники и в детстве жили по соседству. Но высокий брандмауер разделял их. Дворы соприкасались задами, а дома, поворотясь друг к другу черными ходами, выходили на разные улицы. Парадное крыльцо докторской квартиры смотрело на мощеную тенистую улицу — Большую Макарьевскую. Разболтанная калитка двора, где жил со своим отцом-грузчиком Тошка, хлопала на всю Бережную улицу, по горло сидевшую в песке.

Улицы враждовали между собой. На перекрестках устраивали «сшибачку», выходили стенка на стенку. И Тошка был первым заводилой в этих стычках. От его рук, размашистых и скорых на драку, крепко доставалось противникам с Макарьевской. Пространство вокруг Тошки кишело, казалось, его кулаками, с такой быстротой он раздавал налево и направо зуботычины, оплеухи, тумаки, разы, лещи... Рослому не по летам Тошке завидовал не только докторов Женя, как звали Карасика в детстве: ему завидовали мальчики даже с соседних улиц. Даже на самой Базарной площади — и там ребята знали и боялись Тошку.

Во-первых, грузчиков Тошка был лихой биток. И его литок — его свинчатка, раскрашенная химическим карандашом, наводила ужас на игроков в бабки во всей округе. Его заветная и заговоренная свинчатка рядами косила «козны». В лапту никто не ловил таких высоких маточек. Противники умирали от зависти, когда, крикнув «Дай маточку!», Тошка у самой земли, изловчась, брал падающий на него с огромной высоты мячик. Когда же он бил, отпастись было не мыслимо. Но главное — у него от рождения один вихор был совсем белый. Что бы там ни шипели враги о шель-

Тошка Кандидов.

мах, которых сам бог метит, и они признавали: человек, столь таинственно отмеченный природой, не мог быть обыкновенным. Правда, у Жени Карасика тоже были свои особенности. Одна бровь была раз'единенная, затем, он мог двигать ушами. А на языке у него было столько извилин и ложбинок, что когда папа, собираясь прописать Жене касторку, щупал его лоб и просил показать язык, он всегда восклицал: «Типичная географическая карта!» Но раздвоенность брови надо было искусно поддерживать, слюнявя лоб и приглаживая волоски. Ходить вечно с высунутым языком, как цепной Полкан в жару, было рискованно и неприлично, а беспрерывно шевелить ушами было неподсилу даже такой выдающейся личности, какой считал себя Женя Карасик.

Таким образом, все эти замечательные статьи таились под спудом и пропадали даром, в то время как необыкновенность отметин у Тошки сразу бросалась всем в глаза. Да, было чему позавидовать! Когда Тошке было 12 лет, ему никто не давал меньше 15—16. Он легко подымал пятерик и был почти на голову выше своего отца, сутулого и приземистого крючника, длиннорукого, как гиббон, с черной головой, вросшей в широкие плечи. Но отец Тошки несмотря на тронутую жилу славился своей силой среди грузчиков. Женя видел раз, как, балансируя на качающихся мостках, легко ступая согнутыми ногами, сведенными натугой, отец Тошки нес на спине рояль. Тошка унаследовал силу отца, рост и дородство покойной матери, которой он почти не помнил.

Женя и Тошка были знакомы лишь издали. Тошка всегда чувствовал свое превосходство над мелкой породой, к которой он причислял и Женю, а Женю предостерегала от знакомства с Тошкой гувернантка Эмилия Андреевна, бывшая в доме и за экономку.

Но Тошка властвовал не только на земле. Он был полон неожиданностей и никогда не мог довольствоваться чем-нибудь одним. Завидущие глаза были у Тошки. Пресытившись уличными победами и вообще земными успехами, он однажды продал свои знаменитые козны—бабки—и через несколько недель завладел небом над всем кварталом: его змеи летали выше других и трещали громче остальных. Голуби его гонной охоты летали неутомимее прочих и дружнее всех. Змеи и голуби составляли все богатство Тошки. У него была всего одна пара протертых о крышу штанов, но зато он владел не менее чем 12 парами самых лучших голубей. Здесь были лихие турманы, чеграши, пышные бантастые. Зобатые, напыженные голуби, похожие на Чичикова, разгуливали по притолку открытого летка. Ворковали москвичи и ступали мохноногие, как битюги, чернопегие. А около них топтались, похлопывая крыльями, переминаясь с ноги на ногу, как извозчики на морозе, ручные сизари тошкиной охоты. И вся улица с завистью смотрела, как разом, тесной стайкой, снимались тошкины голуби и кружились высоко в небе, словно чаинки в стакане. А Тошка длинным шестом, как ложкой, мешал в небе. И свистеть так, как Тошка, никто из ребят не умел.

Замечательный, молодецкий посвист Соловья-разбойника извлекал Тошка из двух пальцев, засунутых в рот. И любители, заслышав этот единственный в своем роде

свист, с уважением глядели в небо и говорили:

— Тошкин гон, гляди, какого турмана играет!

А знаменитые тошкины турманы забирали в высоту, складывали крылья и камнем падали, штопорили вниз, чтобы над самым коньком крыши вдруг расправить сжатое к комок тельце и крутым винтом снова взвиться в небо. Не даром же любого соседнего голубя мог сманить своей стаей Тошка.

А змеи его!.. Большие, конвертом, с барабаном и телеграммами, взбегающими по нитке наверх. Змеи лезли плоской своей грудью прямо на ветер, козыряли, взмывали вверх. Немножко раскосые, с длинной тряпичной косой, они похожи были на китайцев.

Женя тоже пытался мастерить змеев. Папа, по его просьбе, подарил ему книжку, в которой все было рассказано: и история змеев, и какие планочки, бумажки, веревки нужно. Но Женю всегда влекли необыкновенные размеры и те формы, к которым книжка советовала приступать лишь после того, как простые виды будут пройдены и испытаны. Женя выдумывал красивые очертания. Он с жаром расписывал, раскрашивал змеев. Змеи были очень хорошими в руках, но летать они не летали. Ветер, едва приняв змея из женины рук, с размаха швырял его о крышу, дырявя и круша хрупкое сооружение...

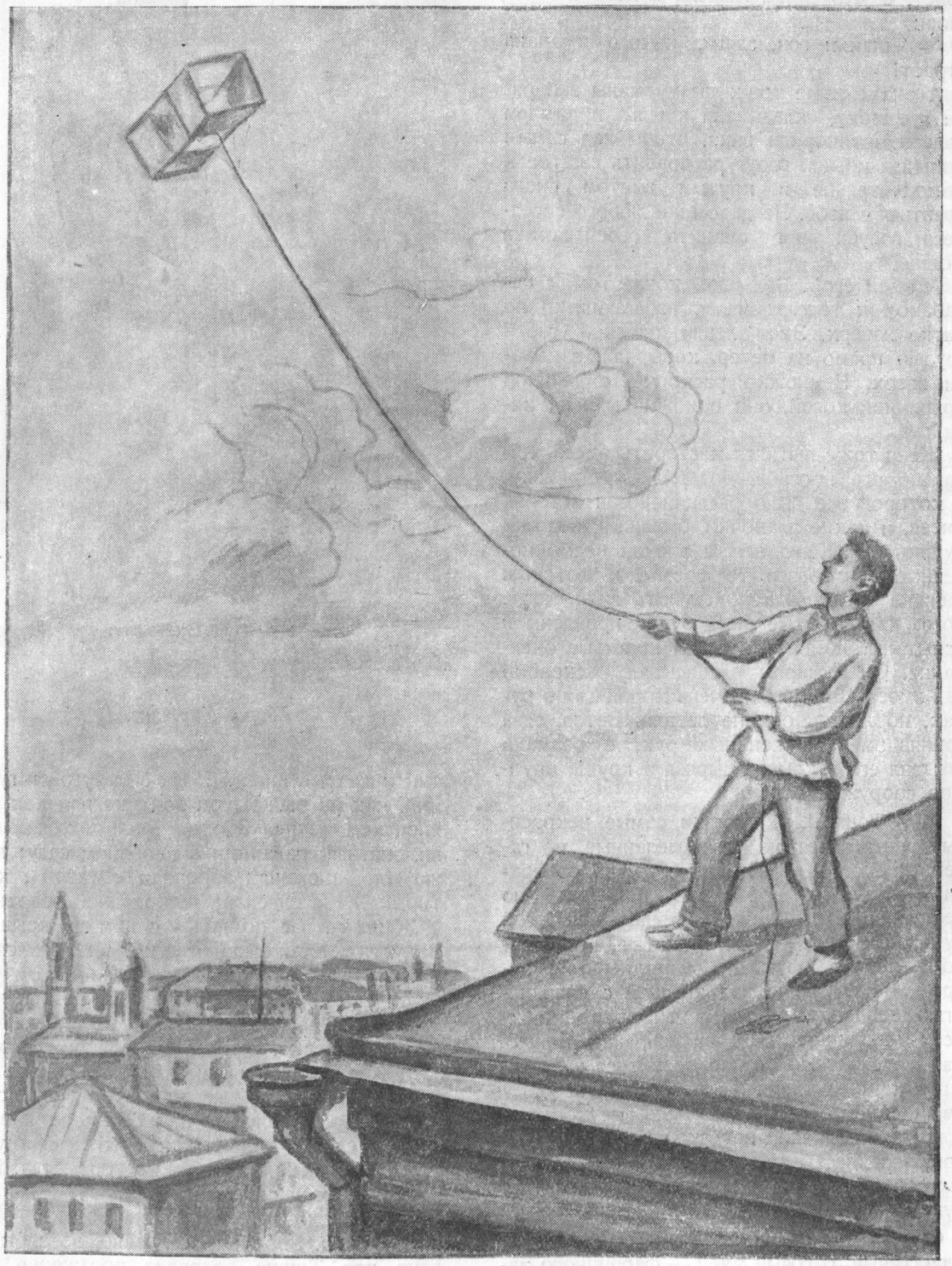
А у Тошки!.. У Тошки самые некрасивые, чорт знает из чего сделанные, из газет клейстером склеенные змеи взбирались по ветру легко, как пожарные по лестнице. Какой-нибудь «монах», простой бумажный кулечек со шпагатным хвостиком, просто фунтик, наполненный ветром, и тот вилял над крышей с солидностью цепного барбоса, в то время как у всех мальчиков змеи вились, как мальки над отмелью. Но стоило появиться над двором какому-нибудь другому залетному змею, как тотчас взвивалась неутомимая тошкина гаечка на веревке, взлетала ракетой, перехлестывая нить чужого змея, и вот уже он, плененный, трепыхался в тошкиных руках.

Однажды папа привез Жене из Саратова невиданный, готовый змей — фабричного изготовления. Это был совсем необыкновенный змей — коробчатый! На двух крестообразных распорках держались четыре планки. На концах их был растянут крас-

Женя Карасик.

ный и желтый шолк. Шолк был тугой и гулкий, как на раскрытом зонтике или как на японском веере. Стоймя змей походил на лимонадный паланкин в народном саду; лежа, он напоминал аэроплан «Вуазен», который Женя видел на шоколадной обертке.

Женя тотчас помчался с ним на крышу. Запустить змей было нелегко. Он тыкался в крышу, гремел и куралесил. Но потом он вдруг струной напряг нить и взошел на небо. В хорошо просиненном небе, где пеной сбились облака, высоко над двором стоял бесхвостый и нарядный змей. Он легонько трещал, ссаживался назад, потом снова совался вверх и вперед, как оса у оконного стекла, словно долбил какую-то невидимую стену. Это был час женина торжества. Во всех дворах завистливо задирали головы, на всех крышах сидели мальчики. Только Тошки не было. Впрочем, все равно, всем было ясно, что Тошка потерпел поражение. И вдруг из-за амбарного мезонина на тошкином дворе взвилась гайка. Она летела, как черный метеор, оставляя тонкий нитяный след, развертывая на лету бичевку. Женя



Высоко над двором стоял бесхвостый и нарядный змей.

обмер. Но гайка не долетела до нити его змея.

— Сматывай, мотай! — кричали мальчики.

Женя стал поспешно накручивать нитку на вертушку. Змей не давался, подтаскивать его надо было умеючи. Змей рвался, тянул нить, водил из стороны в сторону, как большая рыба на лесе. И тут второй раз, словно гадюка, вскинулась и прянула тошкина бичева с гайкой. И шпагатина легла на нить, гайка перекинулась, скользнула вниз. Напрасно Женя, перехватывая по очереди обеими руками нить, подтягивал свой змей. Подрагивающая шолковая коробка канула в глубину тошкиного двора. Женя не выдержал и заревел на всю улицу. Тошка для пущей обиды своим окающим говорком закричал:

— Эй, плакса, три копейки вакса!.. Эй, ведерко подставляй под трубу-то водосточную, полную наберешь!

Всхлипывая, Женя побежал жаловаться папе. Доктор очень не любил, когда подаренные им игрушки ломались или терялись. Он в таких случаях огорчался куда больше чем сам Женя. Услышав о похищении змея, папа поднял очки на лоб, посмотрел на Женю и сказал:

— Ну вот, дари вам...

Дворник Родион был послан на тот двор. Вскоре он вернулся, неся в одной руке коробчатый змей, другой рукой он держал за локоть похитителя. Женя невольно попятился. Так вот он, легендарный Тошка, гроза квартала, он стоит на враждебном дворе! Босые ступни в коросте от пыли, широкие грузчичьи штаны, не доходящие до лодыжек, желтая выгоревшая рубашка распояской и знаменитый седой клок.

— А откуда я знаю? — оправдывался Тошка. — Что ль написано на нем, что купленый?.. А сломато тут — это не я, так и было.

Тут надо пояснить, что мальчишеская этика накладывала табу на купленые родителями вещи. Наставить синяков, заманить и угнать голубку, забрать все козны, перехватить чужой змей — все это было можно, все это разрешалось. Но разбить очки у близорукого сынишки соседнего портного, порвать рубаху товарищу и противнику, украсть шапку, — словом, вовлечь в расходы и навлечь родительский гнев — это считалось недопустимой подлостью. Женя не раз использовал это правило. У него были часы-браслет, и в драке он всегда держал левую руку у самого больного места «под ложечкой». Ударить по часам никто не решался.

— Ну вот и разбирайтесь тут сами, — сказал дворник Родион и пошел на кухню, чтобы получить у Эмилии Андреевны обещанную рюмочку.

Мальчики остались одни. Оба молчали.

— А это починить можно в два счета, — сказал Тошка, показывая пальцем на змея издали, но не трогая его. — И будет фасон шик-маре. Кусачки есть?

Кусачки нашлись. Повреждение было мигом исправлено. Вскоре мальчики очутились снова на крыше. Вместе запустили змей, и по очереди держали тугую, гудящую нить.

Тошка стал хвастаться, что он сделает змей, который будет поднимать человека. «Только бы крепкие бичевки достать».

— А правда, у тебя заводной паровоз есть, даже задним ходом может? — спросил потом Тошка.

Принесли паровоз. Паровоз мог действительно ходить и задним ходом. Это вконец доканало Тошку. Чтобы как-нибудь поддержать себя, он предался приятным воспоминаниям:

— Эх, как вчера один мальчишка с вашей улицы ко мне все лезет и лезет... Я кэ-эк дам ему. Он так и полетел. Пускай не лезет сам.

— У тебя мама есть? — спросил Женя.

— Нет, она в Астрахани померла на барже, от холеры. А у тебя?

— У нас мама живая, только она с папой характером разошлась,—отвечал Женя.

— Без матери, эх, и плохо, — сказал Тошка.

— Да, отсутствие матери весьма отражается, — сказал Женя часто слышанную от взрослых фразу.

Некоторое время оба молчали. Женя показал Тошке свои книги. Книжки были очень интересные и красивые. Красные, с золотом, с картинками, от которых нельзя было оторваться. Там были нарисованы рыцари, короли, путешественники и корабли.

— А я, хочешь, за три версты, какой пароход, отгадаю! — сказал Тошка.

— Ну да, как раз!

— А вот тебе и как раз, айда на пристань!

Мальчики пошли на Волгу. По дороге Тошка всячески занимал Женю и старался блеснуть своими необыкновенными познаниями в самых различных областях.

Родион вернулся, неся в одной руке коробчатый змей, другой рукой он держал похитителя.

— А вот отгадай, — говорил он внезапно. — На дубу три ветки, на каждой по три яблока, сколько всего?

— Ну, девять, — с чувством полного своего превосходства отвечал Женя.

— Эх, ты, а на дубу разве яблоки растут? А еще гимназист!

Женя был уязвлен. Он решил доказать Тошке, что в гимназии тоже кое-чему учат.

— Скажи государь, а потом по одной букве откидывай, — сказал он Тошке.

— Ну, а что будет? — недоверчиво спросил Тошка.

— А ты вот скажи.

— Государь, — начал Тошка, — государь, осударь, сударь, ударь.

Бац!..

Женя с опаской, но увесисто ударил Тошку в плечо.

— Ты что? — удивился Тошка.

— А ты сам сказал — «ударь».

Женя был отомщен, а Тошке эта шутка очень понравилась.

— Как, как? Это здорово!—сказал он.— Ну, а теперь ты говори: «И я с ними». Как я что скажу, то ты и говори — и я с ними. Вот пошли ребята в лес...

— И я с ними, — сказал Женя.

— Нарвали там цветов.

— И я с ними.

— Пошли домой.

— И я с ними.

— Положили цветы на лавку.

— И я с ними.

— А свиньи подошли и стали есть.

— И я с ними, — не удержался Женя.

— Эх, со свиньями-то?! — торжествуя воскликнул Тошка.—Со свиньями, со свиньями, а еще докторов сын!

— А у нас десятичные дроби уже учат,— сказал посрамленный Женя.

— Это что, а ты вот отгадай. Как это может быть: раздался выстрел, и щекатурка обагрилась кровью.

Женя не знал, как и почему это может быть. Тогда Тошка об'яснил, что кровью обагрилась щека турка.

— Так пишется же штукатурка! — возмутился Женя.

— Мало что пишется, на то и игра, — сказал Тошка.

Чтобы Тошка не очень зазнался, Женя спросил:

— А скажи вот, чем ты в жизни хворал?

Тошка задумался:

— В по за то лето я на ставу купался и паршу схватил. Там вода поганая.

— Это что! — сказал Женя. — А я вот краснухой болел, потом корью и дифтеритом, даже два раза... один раз даже крупом настоящим...

Женя торжествовал.

Глава II. Пароходы

Потом они сидели на берегу. У пристани пахло воблой, дегтем и рогожей. Стояла землечерпалка-грязнуха, как называл ее Тошка. Она издавала то гусиный, то верблюжий крик и беспрерывно поднимала и опрокидывала себе в глотку до краев полные чаши.

В береговых чайных граммофоны вопили: «Я умираю с каждым днем» и «Приноси мне хризантемы». На галлереях сидели разопревшие бородачи, а над их головами люди в белых фартуках жонглировали кипящими чайниками, подносами и салфетками. Внизу, засунув головы в торбы, качали головами мухортые извозчичьи лошади в синих и белых рыцарских попонах с красными сердцами по углам. К пристаням тянулись обозы. Лошади ломовиков в соломенных шляпках и мочальных передниках были похожи на папуасов. У пристани стоял страшный гомон: лошади ржали и фыркали, пароходы голосили, ломовики ругались длинно и неутомимо, скрипели мостки, по которым вереницей всходили на баржи грузчики. На головах грузчиков были надеты мешки, и грузчики были похожи на гномов. А на пристани крючники, волочившие что-то длинное и очень тяжелое, пели сдавленными, трудными голосами, выдыхая на последнем слоге:

— А-эй, еще!

— А ну давай! Разок еще!..

— Еще разок!

— Пошла, давай!

— А ну взялись!..

— А ну еще...

— А ну-ка враз...

— Сейчас пойдет!

— Еще чуток...

— Пошла-а-а-а-а!..

Поодаль стояли нефтяные баки Нобеля— красные, серые и зеленые, похожие на гигантские формочки для песчаных куличей. Около них длинные, широкие, как улица, с наклоненными мачтами, с домиками посередке стояли нефтянки «Вэга», «Омега», «Дельта». Тревожные красные надписи были начертаны на баках и домиках: «Огнеопасно», «Не курить».

На порожней барже сидел сонный распоясанный водолив, в широких стоптанных лаптях, обвисших портах и розовой рубахе, он глядел на сверкавшую ширь реки и от нечего делать переговаривался во всю глотку с проходившими мимо, за версту от него дощаниками.

— Э-э-эй! С чем едете? — вопрошал он, подходя к борту баржи.

— Тес во-о-о-зим! — отвечали те.

— Почем брали?

— Дуб еловый — руб целковый; клен с осиной — руб с полтиной!

— Бестолочь, дурохлеб! — орал обиженный водолив. — Толком просят!!

— Мотню подбери, распустеха! — кричали с дощаника.

— Смотри у меня, молчи лучше!

— Сам-то хлебало-то сомкни, растопырился: га-га-га!..

На якорях, носом против течения, стояли высокотрубные широкобокие буксиры. Но мальчики не смотрели на них. Они интересовались лишь пассажирскими пароходами. Буксирные пароходы были ненастоящие. Та же копотная и чумазая шла на них береговая жизнь. Сушилось белье на поручнях. Женщина выливала из ведра помои за борт — и по глади реки плыли об'еденные арбузные корки, шелуха и всякая дрянь.

Мальчики терпеливо ждали, когда подойдет настоящий, пассажирский пароход. И вот раздавался где-то за песками сперва встречный гудок, а потом показывался и сам пароход двухэтажный и долгожданный, он оглашал берега торжественным подходным гудком и медленно подваливал к пристани.

Тошка заранее, по гудку еще, издали угадывал имя парохода.

— «Кавказ и Меркурий» идет, — говорил Тошка. — Восточного общества «Кашгар» или «Маргелан».

Пароход подходил, и Женя видел на всех спасательных кругах надпись: «Кашгар» — «Восточное пароходство».

Так началась дружба, и через три дня Женя не мог уже представить, что было когда-то время, когда они не водились с Тошкой. Тошка стал вскоре непреложным авторитетом для Жени. Тошка у Жени с языка не сходил.

— В этом году в низовье на арбузов урожай хороший, — говорил вдруг за обедом Женя, когда Эмилия Андреевна подавала на третье арбуз.

— А ты откуда знаешь? — удивлялся отец.

— Так Тошка говорит,—отвечал Женя.

— Подумаешь, авторитет — твой Тошка! — говорил отец.

Мальчики подолгу шатались на берегу, сидели на пристани, качались на привязанных лодках. Скоро и Женя начал различать пароходы издали. Выяснилось, что пароходы только для непонимающих похожи один на другой. На самом деле у каждого были свои особенности, как у Тошки седая прядь, как у Жени язык—географическая карта. Так, пароходы общества «Русь» имели гудок, напоминающий шаляпинский бас в граммофоне береговой чайной. На трубе русинских пароходов был белый круг с буквой «Р». Задний флаг был не на корме, а на верхней палубе. И лодка висела не на мачте, как у всех, а была повешена над кормой, горизонтально.

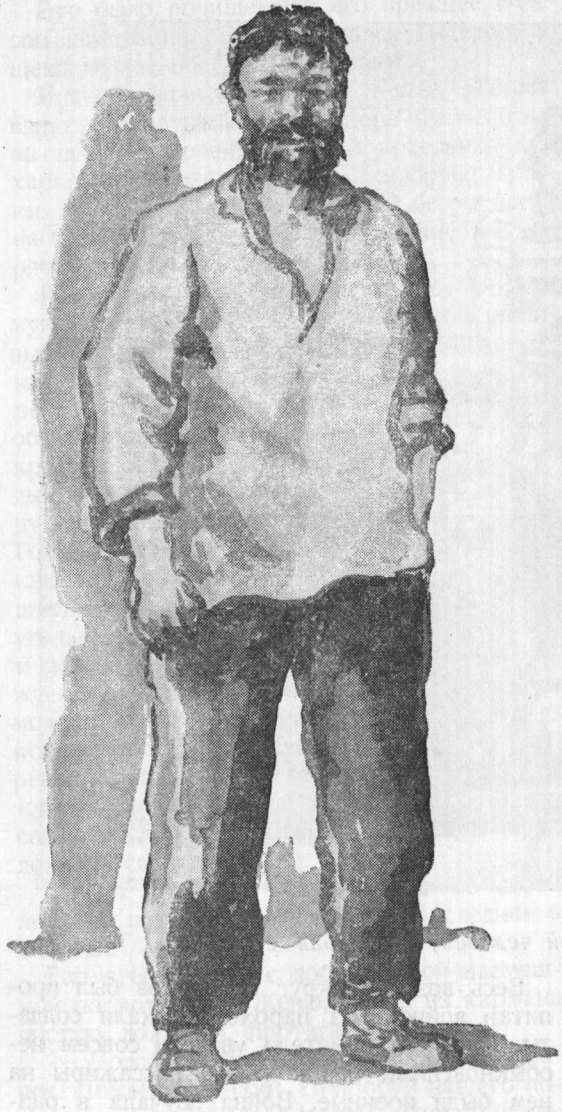
Самолетские пароходы были окрашены в розовый цвет, имели на трубе красный поясной просвет и широкую белую полосу вдоль всего борта. Большей частью они назывались по именам писателей: «Гончаров», «Крылов», «Мельников-Печерский», «Тургенев». И «Тургенева» можно было узнать издали по стеклянному колпаку над рубкой первого класса и золотой звезде на носу. На «Тургеневе» ездил по Волге сам царь. Царь, видимо, ничего не понимал в пароходах, иначе бы он выбрал «Кавказ и Меркурий». Если розовый пароход был короче обыкновенного, значит, это был самолет второй линии, ходящий не ниже Саратова. Тогда он мог называться «Князь Серебряный», «Иоанн Калита».

Пароходы общества «Волга», вольские, как называл их Тошка, распознавались по особому знаку на полукруглом кожухе колеса и имели голос заливчатый, как у певчего в Троицкой церкви. Назывались эти пароходы аристократически: «Графиня», «Княгиня», «Царица» и т. д.

Были еще и презренные, грязные «купцы», пароходы Купеческого общества. Они не имели никаких особых признаков, и это тоже было их отличием.

Были пароходы старого американского общества, «Зевеки», как их называли на Волге. У них колеса были не сбоку, как у всех пароходов, а сзади, и были похожи эти пароходы на плавающие водяные мельницы. Назывались они «Ориноко», «Миссури».

Названия однотипных пароходов можно было угадать по количеству пожарных ведер на крыше. По волжской традиции, количество ведер соответствовало числу букв в названии. Редкой и особенной удачей считалось увидеть пароход «Фельдмаршал Суворов» или теплоход общества «Кавказ и



Кандидов-отец.

Меркурий» с круглым окном. «Фельдмаршал Суворов» был в то время последним и единственным двухтрубным пассажирским пароходом на Волге, а полукруглые окна в роскошных салонах первого класса были лишь на теплоходах самой последней стройки: «Петрограде», «Царьграде».

— Теплоход! — восклицали мальчики, увидев издали приближающуюся белую громаду. — Волны сзади идут, значит, не колесный. За капитанской рубкой белая трубочка, значит, не «Бородино».

— Спереди палуба приподнятая! — перебивал Женю Тошка.

— Круглое окно! — восклицал Тошка.

— «Эрзерум»!—решили оба.

И подходил «Эрзерум».

Вскоре мальчики знали уже все расписание. Им было известно, в какой день придет любой из пароходов. И, заслышав издали гудок парохода, не глядя, они знали уже его имя.

Они подолгу просиживали у пристаней. Когда приходил пароход с круглым окном (разумеется, из-за «купца» или «самолета» второй линии не стоило и беспокоиться), они с восторгом наблюдали, как вышедшие за покупками пассажиры, услышав три свистка своего парохода, бросали торговаться, совали наспех деньги торговцам и спешили на пристань, роняя огурцы, расплескивая молоко из крынок, хотя всякому мало-мальски грамотному человеку известно, что три гудка — это лишь второй свисток парохода, а пароход уйдет после третьего, который состоит из четырех гудков — одного длинного, тягучего и трех отрывистых. Да потом еще будут два коротких пискливых, призывающих отдать носовую и кормовую чалки. Но пассажиры во всем этом ничего не смыслили и волновались из-за пустяков.

— Тебе кем бы хотелось быть? — спросил раз Тошка.

— Капитаном, — не задумываясь сказал Женя. — А тебе?

— И мне. Капитану хорошо: ездит бесплатно, и ему обед даже в каюту подают.

— И форма красивая, — сказал Женя.

Иногда Женя восторгался удивительной силой грузчиков, взваливавших себе на закорки чудовищную кладь.

— Вот силачи! — говорил Женя.

— Да, потаскай вот по копейке с пуда-то! — пояснял Тошка.

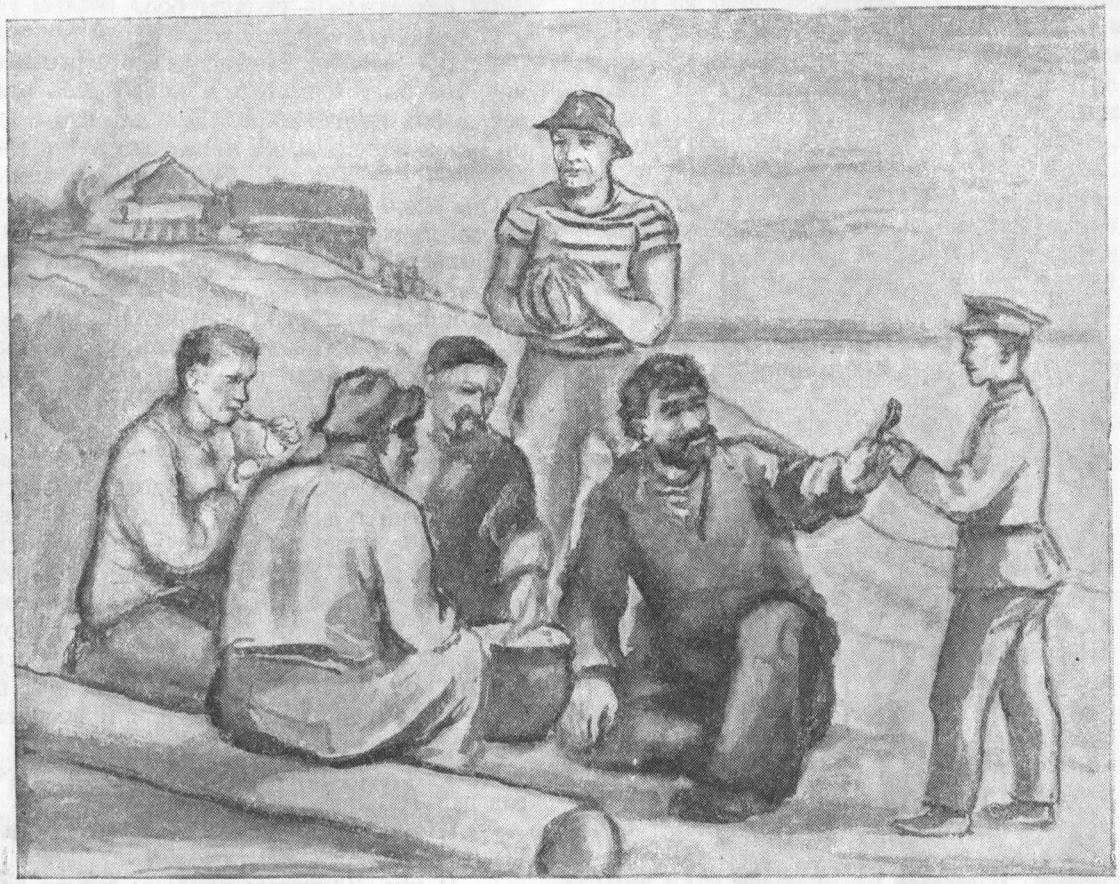
Буксирные пароходы носили часто имена своих хозяев: «Башкиров», «Бугров», «Василий Лапшин».

— Подумаешь, — сказал как-то Тошка, когда мимо приятелей прошлепал пароход с купеческой фамилией, — назвался за свои деньги... Это мало радости... Знаешь, Женька, нет, я не капитаном буду, а вроде каким-нибудь великим моряком, и чтобы после через меня пароход назвали «Кандидов».

Он мечтательно прищурился, как бы представляя себе эту полукруглую надпись.

— Скажем, «Антон Кандидов», чтобы по всей Волге знали.

Надо заметить, что эти честолюбивые мечты появлялись у Тошки после прочтения



— Подсаживайся к нам, молодой человек, похлебай с нами.

тех красивых книг, которые Тошка увидел у Жени.

Тошка учился в начальном училище и презрительно отзывался о гимназистах. Но на самом деле он мучительно в душе завидовал Жене. Тошке нравился этот худенький мальчик, деликатный, но неуступчивый. Он испытывал к Жене странную и непривычную нежность. Тошка знал очень много скверных вещей и мерзких слов, но он сгорел бы со стыда, если бы только Женя, узнал, что такие слова сидят в тошкиной голове.

Тошка быстро перечитал все книги, имевшиеся у Жени. Новые книги они читали уже вместе. Книги повествовали о славе, о битвах, о любви. Последнее не очень интересовало мальчиков. Почти на каждой странице люди целовались, об'яснялись в любви, страдали, и редко выпадали в книжках, рекомендованных отцом, счастливые странички, где герои дрались, путешествовали и воевали.

Весь воздух вокруг мальчиков был пропитан войной. На пароходах ехали солдаты. Однажды приятели увидели совсем необыкновенный пароход: все пассажиры на нем были военные. Война звучала в разговорах на берегу, на пристанях, в школах, войной были полны газеты. На войну уезжали, на войне пропадали знакомые люди. И когда мальчики читали «Войну и мир», они выпускали все, что касается мира, и читали только о войне. Книги поразили воображение Тошки не только замечательными событиями, драмами, приключениями, о которых там говорилось, но и непривычным звучанием слов, которыми все это было рассказано. И скоро Тошка стал щеголять целыми фразами, вычитанными и крепко засевшими в его голове. Особенно нравилась ему одна. Он употреблял ее во всех случаях жизни, произнося одним духом: «Пер бако! Это львенок, а не ребенок. Клянусь душой! О боже мой, удар был верен, я умираю».

Это было почище чем его прежнее «Фасон шик-маре» или «Раздался выстрел, и щека турка обагрилась кровью».

Иногда, зачитавшись с Женей, Тошка вдруг спохватывался, что пора нести отцу на пристань обед, который артельная кухарка варила на дворе, где жил отец Тошки. И тогда он вместе с Женей бегом несся на берег, таща каравай черного хлеба и горячий котелок с похлебкой.

Грузчики, потные, с лицами, выбеленными мукой, как у циркачей, в необ'ятной ширины портах и лаптях, садились на берегу в кружок. Некоторые, сперва наклонясь над рекой, споласкивали волжской водой лица, обнаруживая загар чугунного отлива. Перекрестившись, они принимались за еду. Каждый вынимал деревянную ложку, просоленную и навсегда пропахшую луком. Отец Тошки, бывший в артели старшиной, или, как его звали грузчики, тамадой, разрезал широким ножом каравай на равные трехугольные краюхи, пробовал похлебку, солил и первым зачерпывал ложкой горячую жижу. За ним совали свои ложки другие. Ели молча, строго и вдумчиво. Когда в чугуне показывалось дно и супное мясо, отец разрезал ножом мясо на части и, стукнув ложкой по краю горшка, возглашал: «По мясам!» И так же, поочереди, каждый брал ложкой свою порцию.

Тошка приходил также всегда со своей ложкой, но по юности лет был последним в очереди.

Раз отец Тошки с добродушной насмешкой посмотрел на Женю, вынул из кармана чистую ложку и, протягивая, сказал:

— Подсаживайся к нам, молодой человек. Похлебай с нами. Попробуй нашего питания: не густо, да здорово. Компания неподходящая, но мы болтать не станем. Ничего, сойдет.

Говорил он так же окая, как и Тошка. Он был родом с верховьев Волги. Грузчики засмеялись, очистили место для Жени. Женя всегда немножко робел перед этим человеком, с могучими, чересчур длинными руками и черными глазами, за насмешливым добродушием которых таилось какое-то умное знание, которого грузчик, видимо, не выдавал каждому встречному.

Конфузясь, Женя полез ложкой в общий чугунок. Он ел обжигаясь, не доносил до рта и половины ложки, думая о том, как ужаснулись бы папа и Эмилия Андреевна, если бы застали его за этой трапезой. Но похлебка показалась ему необычайно вкусной. Потом отец-тамада брал за хвост воблу и бил ее с размаха о лапоть или о булыжник, чтобы она сделалась помягче, сдирал с нее золотистую кожу, разрывал пополам, как стручок, выдавливал сухую икру. После ели арбуз, купленный тут же, на берегу. Отец Тошки замечательно умел выбирать арбузы. Он подкидывал и шлепал их снизу, как ребенка, брал за поросячий хвостик и смотрел, не зеленый ли он, потом поднимал обеими руками арбуз на уровень лица, прикладывался ухом, давил и слушал, откладывая арбуз в сторону, брал новый, перебирал так штук пять—шесть и уверенно говорил: «Этот...»

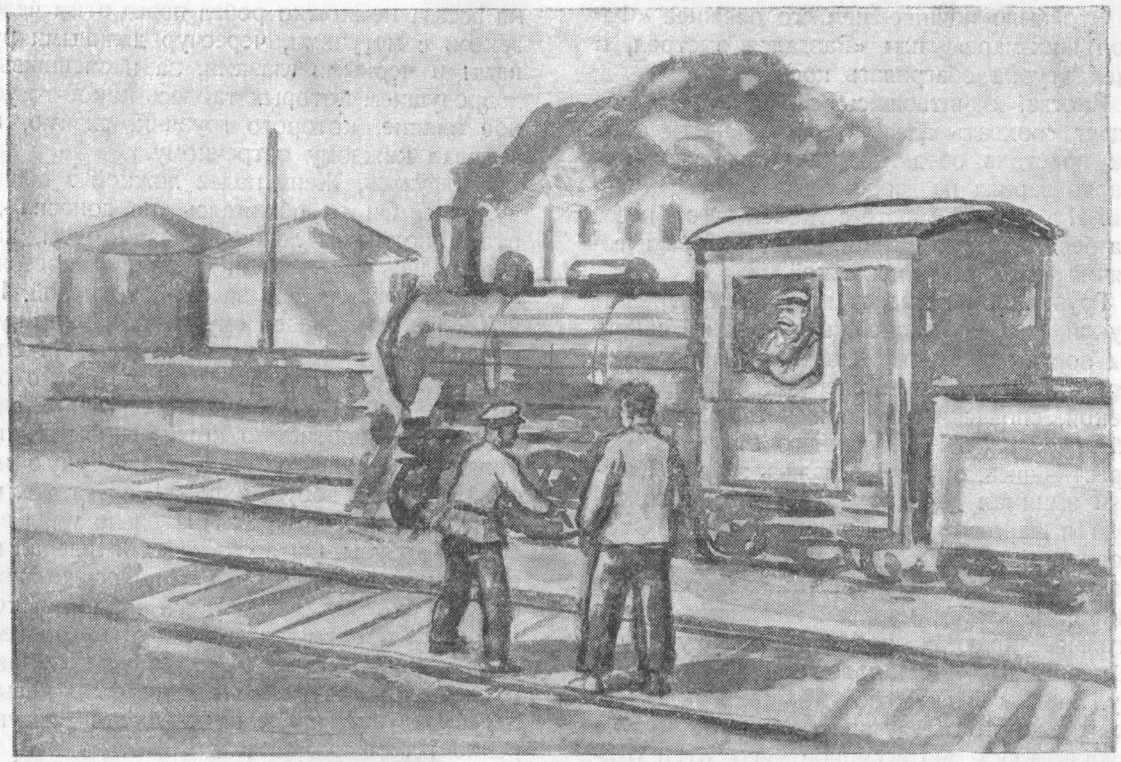
Он клал арбуз на колени, вытирал нож о хлеб, всаживал его в корку и делал движение на себя. Сразу по всему арбузу шел треск, трещина опережала разрез. Подцепив на кончик ножа, отец вынимал красный сахарный сочащийся клин с черневшими в нем семечками. Потом он разрезал арбуз на доли и стряхивал косточки. Каждый брал долю и губами, зубами, носом, щеками по уши уходил в хрусткую, водянистую сладость. Арбуз всегда ели с хлебом.

Женя никак не мог привыкнуть к этому. Тамада уговаривал его:

— Арбуз хорошо с хлебом идет. Без хлеба какая это пища, одна сладость! Арбуз—это наши коренные харчи. И для промытия внутренностей хорошо тоже. С него гонит...

Глава III. Полоса отчуждения

К пристаням и амбарам со стороны нефтяных баков подходила железнодорожная ветка. За глухим забором в выемке находилась таинственная зона всяческих запретов. Туда нельзя было ходить. На забор нельзя было лазить, и место там, за забором, так и называлось строго и потусторонне: полоса отчуждения. Между тем там происходило, должно быть, нечто очень интересное. Из-за забора вверх вырывался вдруг черный масляный дым или полыхали клубы пара. Иногда казалось, будто там стукались одна о другую разом много пустых бутылок, высокими голосами кричали паровозы. Мальчики давно уже собирались проникнуть в это запретное местечко. Конечно,



Паровоз стоял совсем близко от ребят.

до знакомства с Тошкой Женя и помышлять об этом не мог.

И вот они отправились. Тошка знал, как пробраться туда незаметно. Со стороны баков, там, где железная дорога выходила на берег, ограждений не было. Там они попали в полосу отчуждения. Это была мертвая проталина на волжском берегу, где ребята всегда привыкли видеть кряжистые осокори, золотистые пески, траву. Казалось, что это место из'ято из ведения природы. Суровые надписи «Не курить», «Посторонним вход воспрещен» касались, повидимому, деревьев, травы, свежего воздуха. Ни травинки, ни листочка не было здесь. Земля была испорошенная, золистая и ржавая, похожая на нюхательный табак. Кругом пахло железом и керосином, лежали кучи шлака. Даже деревянные шпалы были просмолены и старались скрыть, что когда-то они росли и зеленели. Мальчики заблудились в длинных улицах из глухих и слепых товарных вагонов. Они пробирались между чугунными колесами цистерн, похожих на паровозы, которые обкарнали спереди и сзади. Вдруг приятели увидели перед собой настоящий паровоз.

Это был маневренный локомотив. Стрелочник с маленьким колчаном на боку, в котором вместо стрел были зеленые и красные флажки, поднял рожок. Звук у рожка был детский, игрушечный. Самый рожок был похож на те, что нарисованы на почтово-телеграфном знаке. Паровоз коротко отозвался. В топке его усилились дрожь и гуд. Из цилиндра медленно вышел голый поршень, весь в масле. Масло на стали живо напомнило Жене насос папиного велосипеда. Потные колеса локомотива медленно повернулись, паровоз мягко двинулся. Потом опять пропел младенческий рожок. Паровоз легонько рявкнул и бережно прикоснулся своими буферами к буферам переднего вагона дожидавшегося состава. Тарелки буферов сошлись, как сходятся ладони играющих к капустку. И сейчас же пошел бутылочный разноголосый перезвон по всему составу. К ужасу Жени, под паровоз бросился человек. Он юркнул под самые буфера, набросил тяжелую сцепку на крюк, что-то свинтил и выскочил невредимым на свет божий.

— Вот молодчина!

Паровоз стоял совсем близко от ребят. Они чувствовали его жар, слышали самоварное клокотанье, банный запах пара. Же-

ня был начитанным мальчиком. Он совсем недавно прочел книжку о Стефенсоне. Он принялся об'яснять Тошке устройство паровоза.

— Вот видишь, — говорил он, — это дымогарная труба. Вот тут дымовая коробка. Это вот сухопарник.

— Ну, ну, дальше вали! — раздался голос сверху.

На мальчиков смотрел высунувшийся из окошка будки машинист. У него были длинные пышные усы, такие белые, словно он из обеих ноздрей выпустил, подобно паровозу, две струи пара.

— Молодец, молодец! — продолжал машинист. — Чай, не в гимназии этому выучился? Вроде, там это по программе не учат.

— Я сам про это читал, — об'яснил Женя.

— А вы чьи такие, что тут? — заинтересовался машинист.

Ребята назвали себя.

— О-о! — заулыбался машинист, и усы его совсем распустились. — Григория Аркадьевича, доктора, Михайла Егорыча, тамады, вот вы кто такие. Ну, а на паровозе никогда не катались?

— Нет. А на пароходе сколько раз!..

— Мы все пароходы наизусть выучили,— наперебой заговорили мальчики.

— То — пароход, а хотите на паровозе?

Хотят ли они ехать на паровозе?! Многим ли удавалось в своей жизни ездить на паровозе в будке машиниста? Сколько таких счастливцев на свете, раз—два и обчелся! Машинист помог им влезть по стальной, скользкой лесенке. Наверху, еще не совсем веря своему счастью, Женя и Тошка первым делом увидели два ряда оскаленных белых зубов и два сверкающих белка. Это был кочегар, улыбавшийся ребятам.

В будке было очень жарко. Машинист отпил из жестяного чайника, стоявшего на деревянной полке под окошком, очень домашней и совершенно не вяжущейся со всем железным машинным обиходом. Опять донесся звук рожка. Машинист за что-то потянул, и паровоз засвистел, заголосил с невероятной силой. Мальчики едва не оглохли, но не подали и виду. Машинист взялся за рычаг. Кочегар поддал жара в огненное нутро локомотива. Из открытой топки на мальчиков полыхнуло нестерпимым жаром. Вдруг все заходило ходуном, под ногами задрожало и заскрежетало. Какая-то долго сдерживаемая сила вырвалась на волю.

— Ах-ах-ах!.. Ха-ха! — сказала паровозная труба.

Локомотив мягко взял с места и пошел, пошел, дав задний ход, таща состав, чуть-чуть стуча. Так, пятясь, локомотив вывел вагоны на другой путь. Здесь он опять звонко и молодцевато гаркнул, опять пошел перезвон буферов, как будто несколькими молоточками вразброд ударили по цимбалам, и локомотив пошел передним ходом, подталкивая перед собой вагоны.

У крутого берега состав остановился. Тут Женя и Тошка стали свидетелями уже подлинных чудес. Паровоз легонько подталкивал последний вагон к краю обрыва, на маленькую площадку. Раздавались звонки, и вагон проваливался с огромной высоты вниз, в Волгу. Это был паром, огромный плавающий вокзал Рязано-Уральской железной дороги с мощным под'емником для вагонов. На пароме вагоны переправлялись через Волгу. Все это было так интересно, необыкновенно, что мальчики готовы были уже изменить своим пароходам и сделаться в будущем не капитанами, а паровозными машинистами. Но нужно было выяснить еще один существенный пункт железнодорожной службы.

— А у паровозов названия бывают? — спросил Женя.

— А как же, — сказал машинист,—разной марки системы, допустим, «Кукушка», «ОВЭ», «Щука».

— Нет, это что, а вот как у пароходов «Князь Серебряный», «Фельдмаршал Суворов», «Княгиня»?..

— Мы, железнодорожники, народ норовистый, — отвечал машинист,—гордый: лучше уж кукушкой или овечкой чем по начальству да по князьям. Хотя я так полагаю, что придет время, когда и для паровозов, возможно, подходящие имена найдутся.

— А папаня так говорит насчет пароходов, — вмешался Тошка.

— Ну, вот видишь,—сказал машинист,— а нос наружу не высовывай, а то отхватит. И не полагается мне, по циркуляру, посторонних возить.

— Подслушивать — непорядочно, — сказал отец.

Глава IV. Машинист назначает на восемь

Когда ребята досыта накатались и каждый по разу даже тянул за ручку, заставляя паровоз свистеть, машинист помог им слезть недалеко от пристани.

— Папаню увидишь,—сказал он на прощанье Жене, — скажешь: Семенов, машинист, запомнишь? Семенов просил прием на восемь часов перевести. Он знает, не забудешь?

Женя в точности передал поручение машиниста Семенова папе.

— Хорошо, — сказал доктор, — я знаю.

— А ты его послушаешься, папа?

— Кого послушаешься? — удивился отец.

— Машиниста Семенова?

— Иди и не путайся не в свои дела, — сказал папа и ушел в кабинет.

Женя редко приставал с расспросами к

отцу, потому что и папа никогда не вмешивался в дела сына. Женя учился очень хорошо и никаких хлопот по этой части доктору не доставлял. Доктор был человеком очень уважаемым в городе, он вел образ жизни замкнутый, но его все знали. Все знали, что он работал раньше в земстве, имел неприятности с полицией, а потом приехал сюда, в город. Вскоре после этого от него ушла жена, мать Жени: бежала с богатым гуртовщиком, переправлявшим из-за волжских степей огромные стада. Всем домом заправляла старая бонна Эмилия Андреевна. Отец часто и надолго запирался в своем кабинете, а на утро вставал с опухшими глазами, опаздывал в больницу и старался не смотреть на Женю. Иногда вечером, не зажигая огня, он подходил к роялю и играл. Женя тихонько входил, садился рядом. Доктор вставал, целовал Женю в лоб и уходил к себе. Он редко говорил с Женей о политике, но Женя сам стал очень рано читать газеты, и дома слово «царь» звучало совсем не так, как в гимназии, словно с титула сдирали всю позолоту.

Была война. Люди говорили о политике с оглядкой, но Женя уже научился понимать, что белые места в газете, оставшиеся на месте вырезанных цензурой сообщений, говорят гораздо больше чем напечатанные строчки. Женя уже знал, что такое «гласные думы» или «гласный надзор», и давно не путал этих понятий. Но то, что показывал ему Тошка, то, с чем сталкивался Женя во время своих похождений с приятелем, очень многое ему об'яснило, многое раскрыло по-настоящему. Раньше об этом он читал или слышал. Это казалось ему невероятным, а Тошка запросто подводил его к этим вещам и людям, говоря: на, смотри: вот какие штучки бывают в жизни!

На другой день после путешествия в полосе отчуждения доктор заявил Эмилии Андреевне, что он будет принимать в восемь. Прием был давно окончен, Эмилия Андреевна очень удивилась, а Женя подумал: «Значит, послушался машиниста».

Ровно в восемь пришел машинист Семенов. За ним вскоре позвонил с парадного пленный чех Балабуж, затем пришли еще трое: двое в солдатской форме, один в чесучевом пиджаке. И вдруг ввалился тошкин отец, Михайло Егорович Кандидов — тамада артели грузчиков. Каждый входил и спрашивал у Эмилии Андреевны:

— Доктор принимает?

— Доктор? — недоверчиво переспрашивала экономка. — Войдите.

«Странно, — думал Женя, — что это они все заболели в один день? Никогда у папы не было такого большого приема». Женю неудержимо влекло заглянуть в кабинет или хотя бы послушать, о чем там говорят. Он уже подошел на цыпочках к двери. «Дышать невозможно»,—услышал он голос одного из пациентов. Должно быть, доктор выслушивал его. Как вдруг дверь распахнулась, вышел папа, схватил Женю за плечи и повел в детскую.

— Подслушивать — непорядочно, — сказал отец. — Подслушивают филеры, понял? Шпики. Ты знаешь, что такое врачебная тайна?

— Они вовсе не больны, они все здоровы, — обиделся Женя. — Что я маленький, что ли? У вас там сходка, вот и все.

— Женя, ты знаешь, что я живу в полном отчуждении от политики.

— Подумаешь, полоса отчуждения! — сдерзил Женя. — Что я не слышал, как там машинист кричал: «Кровавый произвол!», «Европейская бойня!», «Дышать невозможно!».

— Я просто даю им право пристанища, — сказал смущенно отец. — Сам я, ты знаешь, вне политики.

Удивительно красивые и веские слова знал папа: «право пристанища»! Это, пожалуй, даже почище чем полоса отчуждения. Женя помнил это слово—«пристанище». Он слышал его еще в раннем детстве, когда отцу пришлось внезапно менять место работы и переходить в этот город. Но сегодня Женя почувствовал какую-то грозную и таинственную общность, связывающую таких разных и как будто незнакомых людей, как машинист Семенов, грузчик Кандидов, чех Балабуж и доктор Карасик. Он вдруг уловил какую-то связь между казармами, стоящими за городом, где над далеким горизонтом дирижировали ветрянки, между пристанями, где пели бурлацкими голосами «Разок еще», и полосой отчуждения, где запрещено было расти траве и где висели надписи «Огнеопасно».

Глава V. Война и мир

Мальчики попрежнему увлекались книгами. Читали Фенимора Купера и Луи Буссенара и возмущались, что даже такие замечательные писатели никак не могут обойтись, чтобы не испортить хорошую книжку какой-нибудь любовной историей. Даже в электротеатре «Эльдорадо», где шли картины с достаточным количеством драк, убийств и путешествий, и там все-таки люди тоже переживали и целовались гораздо больше, чем надо бы... В конце концов мальчики решили, что без этого, очевидно, нельзя. Все герои рано или поздно влюблялись — придется и им заняться этим. Решив это, они не откладывали дело в долгий ящик. Надо было спешить: каникулы кончались, приближались занятия.

Перебрав в памяти всех знакомых девчонок, они остановились на толстушке Рае Камариной с Большой Макарьевской улицы. Жене показалось, что она похожа на ту, что нарисована в книжке Майн-Рида «Пропавшая сестра». Кроме того она считалась на всей улице непобедимой по части скакалки: она могла прыгать сто раз без передышки и ни разу не запутаться. Ни одна девочка на Большой Макарьевской и на Бережной не могла это проделать. Познакомиться не представляло как будто никакого труда. Но Женя и Тошка четырнадцать раз прошли мимо скамеечки, где сидела Рая. Знакомая скакалочка лежала, свернутая, рядом. Каждый раз они решали, что сейчас обязательно заговорят с девочкой, но как только они подходили к скамейке, вся решимость исчезала и они проходили мимо. Наконец, в пятнадцатый раз, когда Антон сказал: «Ну, это в последний раз»,—Женя, покраснев, сказал:

— Вы не дадите, пожалуйста, нам на минутку вашу скакалочку?

— Извините за беспокойство, — добавил тотчас Тошка, — только попробовать.

— Вы не подумайте, мы сейчас же отдадим, — сказал Женя.

Рая дала им свою скакалку — толстый белый шнур с лакированными деревянными ручками на концах, но она продолжала глядеть в сторону, как будто все это ее не касалось. Тогда мальчики проявили нарочно полное неуменье скакать. Они топтались на месте, путались в веревке, нарочно валились в пыль. Вскоре Рая стала улыбаться, потом она засмеялась и сказала:

— Надо не так, дайте я вам покажу, как надо.

Через несколько минут уже Женя и Тошка как можно быстрее раскрутили скакалочку, так что ее почти не видно стало. Веревка, выгнувшись и мерцая в воздухе, описывала большой круг, а Рая, легко вбежав в него, ловко заскакала, ни разу не зацепившись. Она прыгала вперед и назад и обеими ногами сразу, на одной ножке и боком. Свистящая веревка подсекала ее у земли и тотчас проносилась над головой, а она все прыгала, прыгала, прыгала.

Мальчики поняли, что они не ошиблись в своем выборе. На другой день они появились у дверей Раи с букетом георгин и астр. Затем над двором Камариных появился необыкновенного вида змей. Он был сделан в форме сердца из розовой бумаги, и на нем были инициалы «Р. К.». Все это Рая должна была видеть, кое о чем догадываться, но не знать. Боже упаси, чтобы она узнала по-настоящему! Если бы она осмелилась спросить, не влюблены ли в нее мальчики, оба побожились бы, что ничего подобного у них и в мыслях нет.

В рассказах и в романах мальчиков больше всего поражало бесстыдство героев: как это можно поцеловаться, а потом на другой день встретиться и ничего: посмотреть в глаза и даже поздороваться?! Ну еще сделать признание скороговоркой, про себя, это еще туда-сюда, но и то, как же хватит смелости потом встретиться?!.

К тому времени выяснилось, что во двор к Рае Камариной слишком часто ходит пятиклассник Бугров Федор, племянник того Бугрова, имя которого было написано на одном буксире. Решено было его немедленно отвадить.

В тот же вечер Тошка подстерег Бугрова на углу Большой Макарьевской. Бугров Федор шел в начищенных ботинках, в белой летней фуражке и благоухал одеколоном «Ландыш».

— Ты чего это на нашу улицу ходишь? — спросил его Тошка.

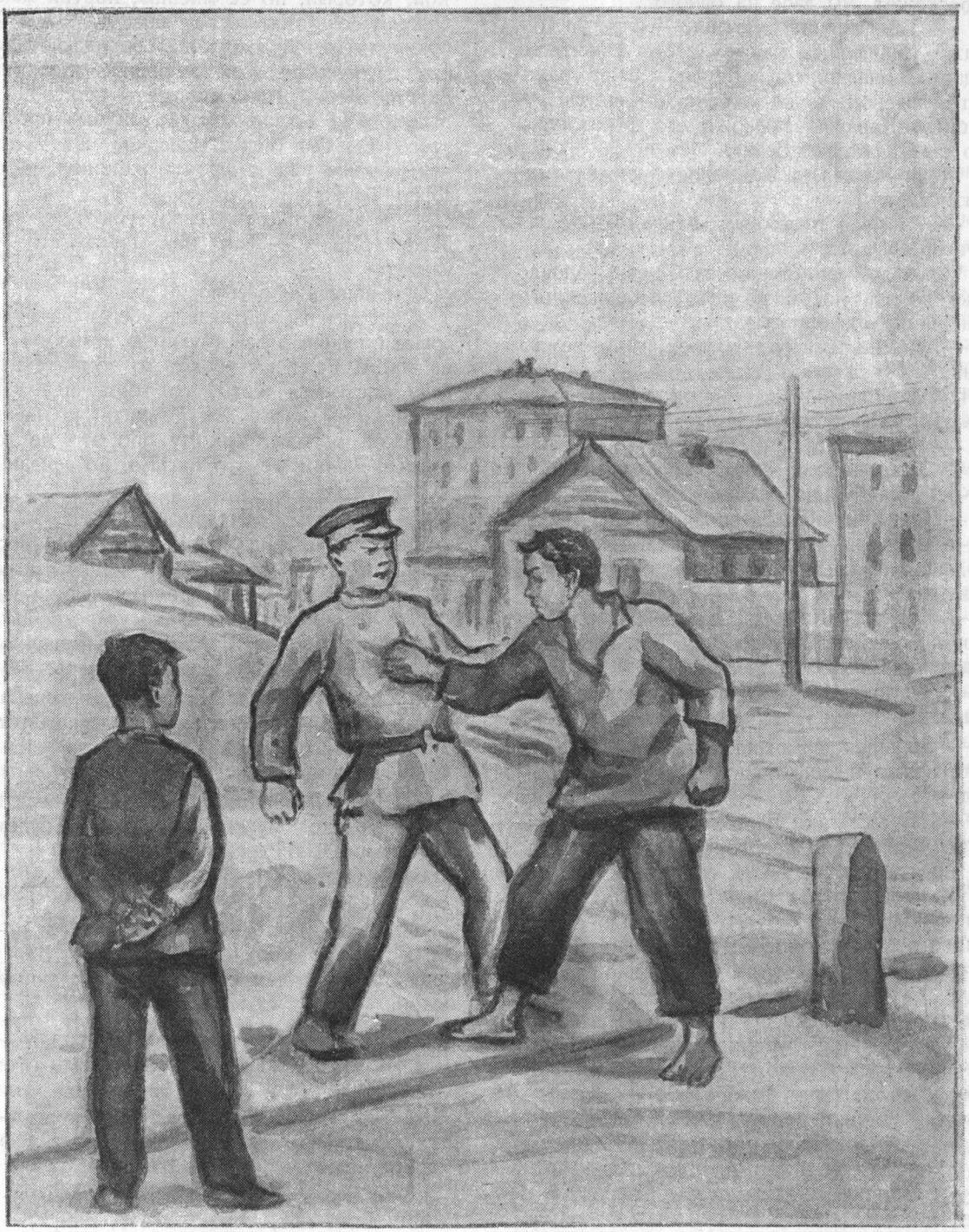
— А твое какое дело?—отвечал рослый Бугров, упираясь плечом в плечо Тошки.— Твое какое дело? Твоя улица?

— Узнаешь, чья, когда получишь.

— Чего?

— Чего, чего, села баба на чего, да поехала в село и говорит: «Чаво?»

Бац!..



— Ударил, кажется? — спокойно спросил Тошка.

— Ударил, кажется? — спокойно спросил Тошка. — Женька, отойди за ради бога, а то скажет, мы двое на одного...

— Так, значит, ударил? — спросил он, даже удивившись как будто. — А кого ты ударил, знаешь, чувствуешь? «Пер бако! Это львенок, а не ребенок. Клянусь душой!..» Карасик, подержи его фуражку, а то еще замараю: белая.

Женя принял на хранение фуражку гимназиста.

— Галах в рогожных штанах, — сказал Федор Бугров.

Через две минуты, когда Тошке надоело уже возить носом по пыли поверженного соперника, он спросил:

— Знаешь теперь, на чьей улице землю ешь?

Гимназист молчал. Тошка еще немного повозил его носом по земле.

— Ну!

— Знаю, — пробормотал побежденный.

— Какая улица?

— Большая Макарьевская.

— Врешь, — сказал Тошка. — Говори: Большая Кандидовская улица, повтори три раза.

— Большая Кандидовская, — сказал Бугров,—Большая Кандидовская, Большая Кандидовская.

— То-то... Иди, Женька, почистить его сзади.

— Большая Кандидовская... Здорово! Это, пожалуй, еще поинтереснее чем пароход.

— Нет, все-таки пароход интереснее: он всюду бывает, во все города заходит, его все видят, а улица — на одном месте.

Но, чтобы твоим именем назвали улицу или пароход, — для этого надо было стать или богатым мукомолом, вроде Макарьева, Бугрова, или знатным фельдмаршалом, вроде Суворова. Первое казалось решительно невозможным, да и звучали эти имена в устах отца-грузчика и отца-доктора одинаково враждебно. Гораздо почетнее, интереснее и легче было стать фельдмаршалом. Мальчики решили бежать на войну. Тогда многие мальчики бежали на войну. Все уже было готово: и перочинный ножик, и сухари, и даже старые ефрейторские погоны, которые где-то раздобыл Тошка, выменяв их на книжку «Рейнеке-Лис», которую Женя пожертвовал для этой цели.

Жене очень жалко было расставаться с папой, но Эмилия Андреевна забрала в доме слишком большую власть. Она пыталась даже помешать дружбе Жени с Тошкой, который, по ее мнению, портил мальчика. А если так, то вот вам! Женя решил покинуть отчий дом, как говорилось в таких случаях во всех хороших книжках. Затем, Женя решил написать прощальное письмо Рае Камариной. Антон был против этого. Он был менее доверчив чем Женя.

— Лучше уже с фронта напишем, — говорил Тошка.

— А вдруг нас там сразу убьют? — возражал Женя. — Так она ничего и не узнает.

Они написали письмо:

«Рая! Мы на той неделе убегем на передовые позиции в действующую армию, т. е. на войну. Если нас убьют, то помните нас, если останемся живы, то тогда еще увидимся, а мы вас будем помнить до нашей братской могилы. Никому про это не говорите. Разорвите это письмо. До свиданья на веки.

Два известных вам друга».

Раина мама была пациенткой женина папы. На другой день доктор вошел в комнату Жени, где в это время мальчики изучали «Путеводитель по государственным железным дорогам Российской империи». Папа вошел и закрыл за собой дверь.

— Слушайте, Женя, Антон, — сказал папа, — давайте будем мужчинами. Отвечайте прямо: вы хотели бежать?

Мальчики молчали.

— Ну, — продолжал доктор, — воевать могут только мужчины, давайте будем мужчинами. Собирались вы бежать?

— Откуда вы взяли... — начал Тошка.

— Собирались, — сказал Женя.

Тогда папа взял их обоих за руки и повел к себе в кабинет. Там сидел Балабуж — пленный чех с лицом, изглоданным тоской.

— Скажите им, — попросил доктор.

— Ай, млоды люди, — тихо и уныло сказал Балабуж.

Больные глаза его с красными, припухшими веками заглянули мальчикам словно в сердце.

— Это очень худо дело... Кровь вон, душа вон. Бога нет, человека нет, капут, — негромко говорил Балабуж. Слова не давались ему. Он страдал, вставал, ловил слова руками в воздухе, и от этого рассказ его становился еще страшнее.

— И нет за что! — восклицал он и скла-

дывал худые немощные пальцы в кулак. — За чужого пана, за пана добро.

Мальчики слушали, подавленные и сконфуженные.

— Я читал в газете... — начал было Женя.

Но Тошка перебил его:

— Молчи ты, Женька, мало что в газетах пишут!

Глава VI. Осклиз

Все тревожнее становился шопот, которым люди сообщали друг другу то, о чем не писалось в газетах. Наступала осень, навигация подходила к концу. Люди говорили о несданных военных поставках. На Волге спешно грузили баржи. На пристанях работали днем и ночью. Толковали о каких-то забастовках, и на волжском берегу слышалось глухое, грозное ворчанье, похожее на далекий приволжский гром. А люди говорили с оглядкой, быстро умолкая.

Раз, после уроков, Женя пошел на пристань, где ждал его Тошка. Еще на базаре он услышал какой-то недобрый гомон, доносившийся с берега. Его обогнали два крючника. Они шли так быстро, что кожаные потники бились у них по спинам. Женя услышал страшное береговое слово — «осклиз».

У пристани стояла толпа: ломовики, грузчики, половые из чайной. Женя протискался вперед и увидел тошкиного отца. Посиневшая голова его была судорожно заведена за спину. Огромный ящик, расколовшись при падении, валялся рядом. Доски расщепились. Десятки консервных банок раскатились во все стороны.

— Осклиз, — говорили вокруг.

— Становой хряснул. Позвонки с натуги тронулись, осклиз.

В пыли, на корточках, сидел Тошка. Его трясло так, что слышно было, как лязкают зубы.

— Папаня,—трясясь, тихо говорил Тошка, — папаня, ты что?

— Все жадность человеческая одолевает, — сказал откуда-то сзади, из-за широких спин грузчиков, человек монашеского облика. — Чрезмерно силой своей злоупотреблял...

— Ох, ты, богова душа, — грозно обернулись к нему, — помолчи, пока не пришибли! Жил человек горбом, с горба и помирает.

— Прощай, Михайло Егорыч, — сказал сиплым голосом старый грузчик. — Прощай, тамада!

Сзади загремела извозчичья пролетка. Раздались голоса: «Доктор приехал, доктор...»

Женя увидел отца, быстро пробиравшегося сквозь толпу. Стало очень тихо. Доктор, которого все в городе звали по имени и отчеству, быстро оглядел собравшихся, и те разом, словно сговорившись, отступили, расширив круг. Отец наклонился над неподвижно лежавшим Кандидовым. Женя не видел, что делает отец, но слышал его негромкий, ровный и повелительный голос:

— Ну-ка, кто-нибудь, вот так...

И вдруг тошкин отец дернулся, открыл свои черные цыганские, как будто посеревшие глаза.

— Доктор... — сказал он, не говоря, а выдыхая каждое слово. — Григорий Аркадьевич... за Тошкой тут без меня... не оставьте. Чего, если надо, пропишите... а если потребуется, то и того...

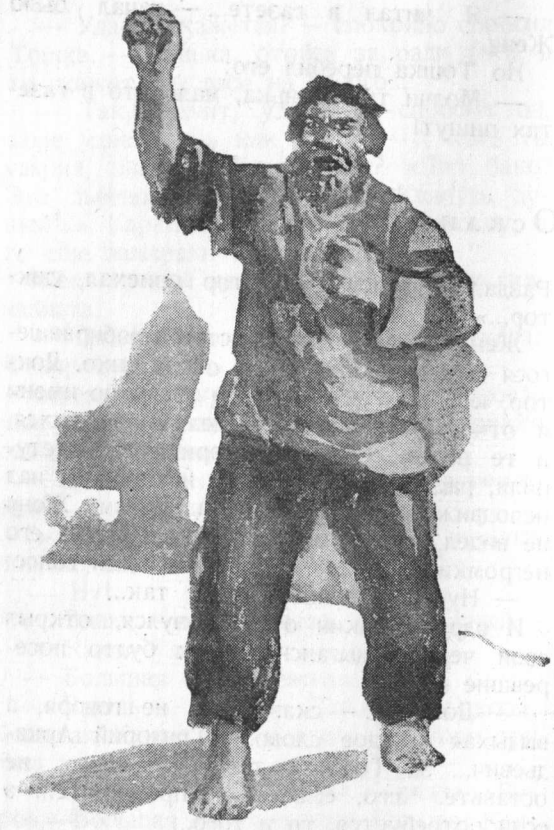
И внезапно не переставший трястись Тошка вдруг вскинулся, выгнулся, упал, стал кататься по земле и зубами хватать пыль... И дальше все произошло в одно мгновенье. Доктор едва успел распорядиться и при помощи грузчиков уложить умирающего на подводу. К телеге подскочил вдруг в разорванной рубахе рыжий бородатый крючник...

— Народ! — закричал он. — Гляди своими глазами! Нет жизни людям. Загубляют: не на фронте, так здесь пропадем. Холеры нет, так морят. Как скотину навьючат... не под силу, жилы рвутся!

Лямки потника соскочили с его плеч на локти. Казалось, что у грузчика связаны руки сзади.

— Бей! — закричали за его спиной.

Доктор схватил притихшего Тошку и Женю, втащил их в пролетку. Извозчик погнал лошаденку. Они покатили, слыша за собой вой и шум, по временам взрывающийся треском. Навстречу им бежала с базара толпа. Топая сапожищами, придерживая на ходу шашки-селедки, верещали свистками городовые. Вдруг прерывисто и протяжно застонали пароходные гудки; у Троицы забили в набат. Пролетка была уже



— Народ! — закричал он. — Нет жизни людям!

наверху, когда, оглянувшись, Женя и Тошка увидели, как на пристанях рубили чалки и канаты. Пароходы впопыхах отваливали. И мимо пролетки, по крутому взвозу, прыгая через булыжники, грохоча и раскалываясь, промчалась тяжелая бочка с соленой рыбой.

Прискакал, стоя в фаетоне, пристав. Полицейские сбегали вниз к пристаням. Грузчики оказались прижатыми к мосткам и к воде. Тогда опять вперед выскочил краснобородый, крючник. Схватив со сложенной рядом груды арбуз покрупнее, он, занеся над головой, с остервенением бросил его в пристава. Арбуз перелетел через фаетон, ударился о берег, треснул и разбрызгался во все стороны. И сейчас же в городовых тучей полетели арбузы, дыни. Падавшие арбузы раскалывались, словно черепа. Мягко шлепались дыни, и зернистая жижа вытекала из них.

Щелкнул револьверный выстрел. Извозчик еще пуще погнал лошадь. Больше Женя и Тошка ничего не видели.

Михаил Егорыч Кандидов, тамада, умер через час в больнице. От непосильной тяжести у него оказался сдвинутым позвонок. Тошка ночевал на этот раз в квартире доктора. Ночью набат снова перебудил всех. На улице было светло. Мимо окон бежали люди. Мальчики слышали их голоса: «У баков горит!», «Галахи подрались...», «Красного петуха пустили...»

Женя ясно представил себе краснобородого крючника, кинувшегося в бой. А через полчаса мальчики услышали протяжный вой сирены. Это пришел из Саратова быстроходный пожарный пароход «Самара», про который на Волге была даже сложена песенка:

«Эх, «Самара», качай воду...»

Утром сказали, что из-за борта «Самары» в эту ночь торчали не только брандспойты, но и пулеметы.

Утром Тошка ушел.

— Куда же ты? — спросил его Женя.

— В артель, — сказал Тошка.

Михаила Егорыча Кандидова хоронили украдкой, за счет полиции. Опасались, что обычные похороны могут вызвать новые волнения в городке. Из близких допустили лишь Тошку. Тошка продал своих лучших чеграшей и на эти деньги нанял певчего от Троицы, того самого, который имел голос, похожий на гудок парохода «Общества на Волге».

После похорон Тошка с Женей пошли на свое излюбленное место у пристани.

Важно дымя, мимо них прошлепал большой желтый буксир. На колесном кожухе жирными буквами было написано: «Торговый дом Борель и сыновья». Прежде всегда мальчики смеялись, видя этот пароход, и, сложив ладони трубой, кричали с берега: «Эй, Борель и свинья!» А сегодня Тошка вдруг часто заморгал красными глазами и сердечным голосом сказал Жене:

— Нет, лучше пускай у моего парохода название будет «М. Кандидов и сын». Можно ведь так написать на круге.

— Кто же напишет?

— А Бореля кто написал? Купчина какой-то—и все.

— Так это его же пароход.

— Без тебя знаю... А папаня говорил: погоди, время подойдет, не за рубь, а за честь пароходы называть будут.

Доктор пытался устроить Тошку в гимназию на бесплатное обучение. Благотворительный комитет устроил это. Женя помог Тошке подготовиться. Но директор гимна-

зии наотрез отказался принять Тошку как неблагонадежного.

Однажды ночью, поздней осенью, доктор, Женя и Тошка сидели на лавочке у парадного крыльца. Они говорили о звездах. Женя, только что прочитавший Фламмариона, называл звезды с такой же точностью, с какой отгадывал пароходы. Тошка даже позавидовал ему. Голубей своих в небе Тошка отлично различал каждого по полету, по повадке, но в звездах он путался.

— Там, может, люди тоже,— сказал Тошка.— Вот кто первый долетит, все вызнает, вот знаменитый станет на весь мир...

В эту минуту мимо лавочки, где они сидели, очень быстро прошло трое людей. Несмотря на холодный и сырой вечер они шли без шапок, в одних рубахах. Тошка разом замолчал и поглядел на Женю. Доктор и Женя тоже заметили прошедших и насторожились. Не прошло и трех минут, как послышался топот. Пробежали двое городовых.

— Господин доктор, вы, извините, не заметили тут... не проходили трое?

Женя уже открыт было рот, но вдруг почувствовал, как рука отца крепко, до боли сдавила его локоть.

— Нет,— сказал доктор спокойно,— мы тут давно сидим, никого не было.

— Прошу,— шаркнул полицейский, откозырял, и оба затопали обратно.

Некоторое время все трое сидели молча, потом Тошка, переглянувшись с доктором, зашептал:

— Эх, Григорий Аркадьевич, здорово вы как! Вот ловко вы их! Вы тоже какой смелый, оказывается!

— Я, правда, никого не видел,— сказал доктор.

— Да, да, не видел,— не унимался Тошка,— не видел, а сам подмаргивает мне... не видел, хитрый!..

Доктор, крайне довольный, скромно насвистывал вальс из «Графа Люксембурга».

Глава VII. Турманы и змей

В феврале, когда ошеломляющая весть вошла во все дома и из всех дворов повалили на улицы бесконечные толпы людей, Женя встретил Тошку на площади. Тошка шел со своей артелью рядом с красноборо-дым и нес красное знамя.

Тошка очень вырос за эту зиму. Стал еще сильнее и плечистее. Летом он работал в артели наравне со всеми, и даже матерые крючники удивлялись его силе и выносливости. Змея он забросил, но голубями занимался попрежнему. Он подружился с солдатами, ходил на все митинги и часто таскал с собой в казармы Женю. В казармах спорили о политике и ругали Временное правительство такими словами, что Тошка конфузился и старался не смотреть в эти минуты на Женю. Это не мешало ему так же сердито, хотя и другими словами, крыть Временное правительство, Керенского и всю буржуазию.

Потом, он вдруг пропал, словно сгинул. Женя ходил к нему домой, но застал там лишь бестолкового и сонного жильца, которому, уезжая, Тошка поручил своих голубей. Осенью 1917 года, в октябрьские дни, Тошка опять появился.

Бежавшие из Саратова юнкера пытались укрепиться на этом берегу. В городке загорелся бой. Отец не велел Жене выходить на улицу и даже приближаться к окнам. Над крышей дома что-то грохало и рвалось, обдавая все нестерпимым громом и полыханьем. Потом вдруг кто-то крепко застучал в парадное. Эмилия Андреевна схватила Женю и затискала его в угол, за буфет. Отец, бледный, пошел открывать. Вошел патруль солдат. У всех на шинелях были красные повязки. Впереди патруля с винтовкой стоял Тошка.

— Здравствуйте, Григорий Аркадьевич,— сказал потупившись Тошка.— Мы квартал очистили, теперь глядим, не спрятался ли кто. Доктор за нас, товарищи,— продолжал уверенно Тошка, обращаясь к красногвардейцам,— он как тогда фараонов ловко проводил.

По выражению докторова лица было довольно трудно судить, за кого он стоит в данную минуту.

— Я полагал бы, что неприкосновенность мирного населения...—начал он.

Но в это время громовой оранжевый вспых оглушил и ослепил всех.

— Вот беда,—сказал один из красноармейцев,— это ведь наша батарея содит... не знают, что квартал уже отбит. Связи нет.

Необходимо было поднять над кварталом

красный флаг. Но влезть на крышу было невозможно. Юнкера засели на колокольне Троицкой церкви и тотчас начинали обстреливать крышу из пулемета.

— Стойте-ка, — сказал вдруг Тошка. — Сейчас. Мне только на наш двор перелезть.

— Я не могу допустить, — сказал доктор.— Как можно под огонь... почти ребенка.

— «Пер бако! Это львенок, а не ребенок. Клянусь душой!» — продекламировал Тошка, подмигнул Жене и выскочил на улицу.

— Что он такое выдумал? — спросил доктор.

— Да что-то сообразил, — отвечали ему.— Малый с головой.

Красногвардеец осторожно подошел к окну и выглянул из-за простенка.

— Глядите! — сказал он.

Тошкина голубятня открылась как ни в чем не бывало, и знаменитые турманы, чераши, москвичи выпорхнули в октябрьское серое небо, потрясенное орудийными ударами.

Женя, нарушив запрет, прижался к стеклу и увидел, что из-за слухового оконца высунулся Тошка. Он размахивал огромным шестом-пугалом, на котором вместо обычной грязной тряпки вился на этот раз чей-то красный шарф. Но, конечно, наивная тошкина хитрость никого не провела. Раскаленная струя из пулемета ободрала штукатурку на карнизе дома, раздробила кирпичный гребень брандмауера, по которому разом пошел розоватый пыльный дымок. Тошке пришлось быстро убраться на чердак.

— Не прошел номер,— сказал высокий красногвардеец.

Все молчали. Прошло минут пять. Тошка не появлялся. Но вдруг над двором взметнулся и пошел забирать вверх самый большой тошкин змей, розовый, в форме сердца с памятными буквами «Р. К.». И по нити, туго натянувшейся между небом и крышей, побежала бумажная телеграмма с приколотым к ней красным платком. Но Тошка был слаб в расчетах: перетяжеленный змей, резко козырнув вниз, зацепился длинным хвостом за водосточную трубу. Чтобы отцепить его, надо было пробраться к краю крыши. И Тошка выполз, прижимаясь лицом к холодному, ржавому железу кровли. Он добрался до самого стока. Что-то стучало и лязгало о крышу, летела во все стороны железная окалина. Вот опять что-то рассыпалось по железной крыше, и брызга от расплавленной пули ужалила Тошку в шею. От боли и страха у него поплыли в глазах красные и белые круги... Но на кругах, показалось Тошке, было написано: «Кандидов и сын». Зажмурившись, Тошка пополз дальше.

Когда Тошка заполз за скат крыши, Женя перестал его видеть. В комнате все молчали, уставясь в окно. И вдруг из-за крыши выскочил, метнулся в сторону и вознесся кверху большой змей. Посередине сердца бумага была пробита в двух местах пулями. И опять по туго натянутой между небом и крышей нити побежала телеграмма, таща за собой алый лоскут.

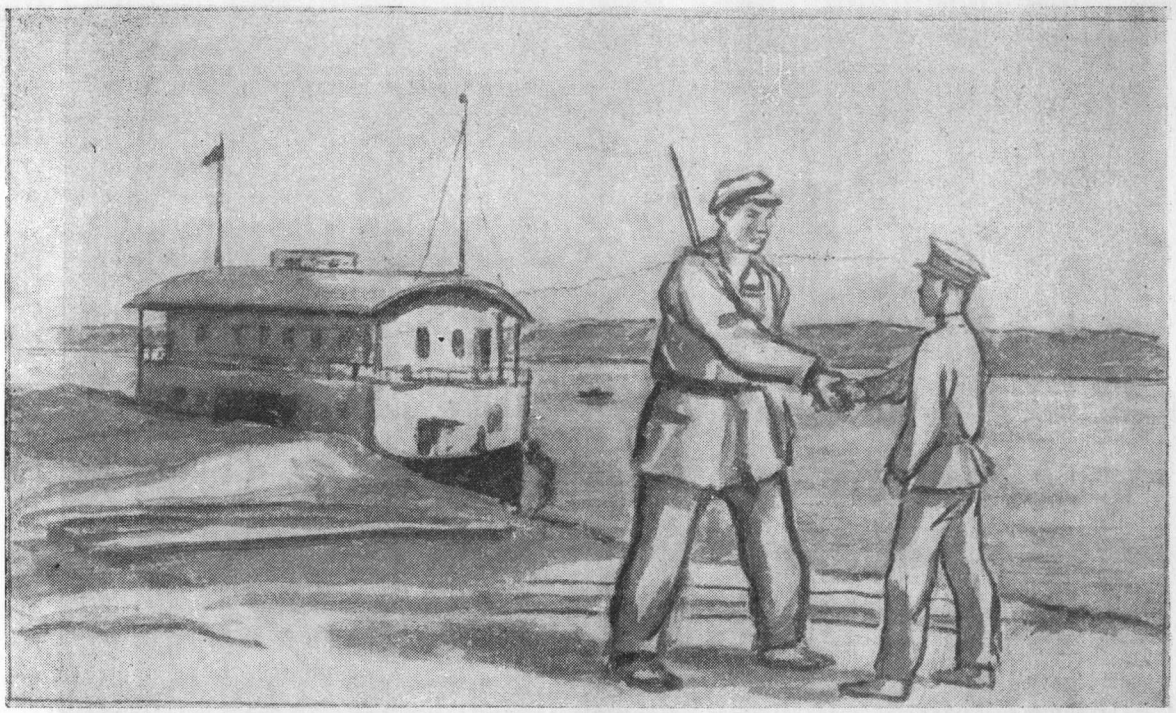
Глава VIII. Пароход отваливает

Весной Женя провожал Тошку. Маленький отряд собрался у пристани. Здесь были грузчики, железнодорожники, слесаря с темными неотмываемыми кругами вокруг глаз.

Тошка расхаживал с винтовкой за плечами, с красной повязкой на рукаве. Он сплевывал семечки и говорил баском, к которому сам еще не совсем привык. От этого внезапно в голосе его, как в сломанной шарманке, неожиданно проскакивал смешной пискливый звук.

Отряд шел на чехов. Ждали парохода. Никакого расписания теперь давно уже не было. Пароходы приходили и уходили, когда им вздумается. Отгадывать их стало гораздо труднее. Тошка уверял Женю, что за ним пришлют обязательно теплоход с круглым окном.

И вот показался пароход. По густому мычащему гудку, которым он просил уйти по добру, по здорову сунувшуюся наперерез лодку, приятели сразу определили, что это не теплоход... Это шел пароход общества «Самолет». Но почему-то он был белого цвета. Когда пароход несколько приблизился, мальчики совсем растерялись. Судя по передним стеклам рубки, по двухсветным каютам, это должна была быть «Великая княжна Татьяна Николаевна». Но



— Прощай, Евгений! — До свиданья, Антон!

для такого длинного названия слишком мало ведерок было на палубе. И впервые мальчики не смогли отгадать пароход. Пароход подваливал, и можно было прочесть уже надпись на круге: «Спартак».

— Переименовали,—догадался Женя.

— Может, когда-то и на меня переименуют,—сказал Тошка и поднял с земли вещевой мешок.

Женя завидовал Антону. Хорошо, что хоть не теплоход пришел, а то бы Тошка совсем зазнался. Но все-таки Тошка был счастливец и герой.

— Эх, я бы тоже...— вздохнул Женя.

— Нос не дорос,— сказал Антон.

Женя надулся.

— Ну, рассерчал уже,—сказал Тошка,— шутя ведь это. Я ведь здоровый, большой мужик, видишь... а ты вон какой. Ты развивайся, тогда тоже примут.

Раздалась команда, отряд строился. Тошка на секунду замешкался.

— Слышь, Женя, чего это только я тебе хотел сказать?.. Забыл вот. Ну, ладно, после когда-нибудь. Прощай, Евгений.

— До свиданья, Антон. Напиши про все.

— Ты газеты читай,— закричал с пристани Тошка, — там про все будет!

— Ну, а о тебе-то самом?

— Не беспокойся, и про меня увидишь!

Оркестр на «Спартаке» заиграл «Смело, товарищи, в ногу...» Отряд прокричал ура. Пароход сразу дал третий свисток и ушел. Женя долго стоял на берегу. Антон махал ему с кормы удаляющегося парохода.

Женя очень внимательно читал газеты, но прошел год, прежде чем папа принес утром газету, напечатанную на оберточной желтой бумаге, и сказал:

— Женя, смотри, приятель-то твой отличился.

Женя вырвал у него из рук желтый листок, едва не разорвав его, и прочел, что молодые бойцы из отряда имени Спартака: Чубченко, Беркович и Кандидов — во главе с комиссаром Кротовым совершили геройский поступок, угнав от белых большой пароход, груженый боеприпасами и продовольствием. Нигде только не было сказано, что пароход переименован. Возможно, что его и не переименовывали вовсе.

Потом пошли тяжелые, голодные дни. Папа уехал на фронт. Кругом был тиф. От Тошки писем не было. Каждый день приносил новые события, знакомства с новыми людьми. У Жени появились новые товарищи. О Тошке же не было ни слуху, ни духу.

Вот спускается водолаз.

Победители глубин

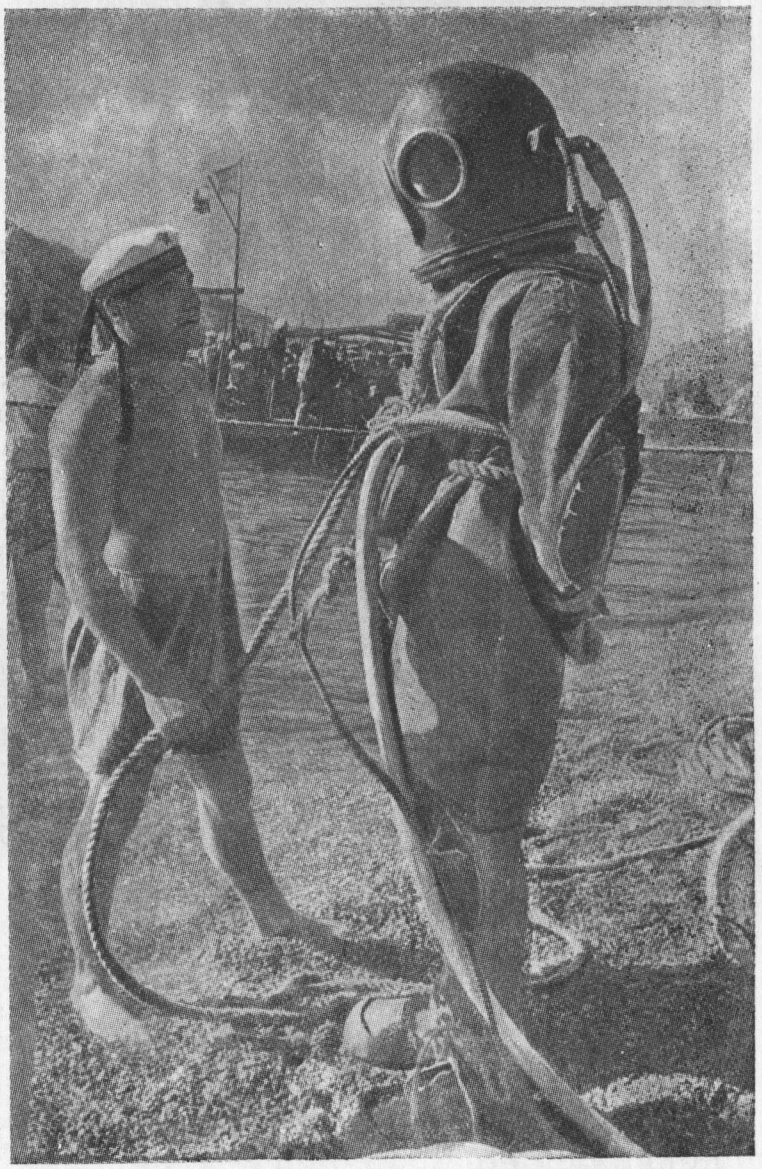
Фотографии Я. Полякова

Что это за люди — эпроновцы, которые совершают столько замечательных подвигов?

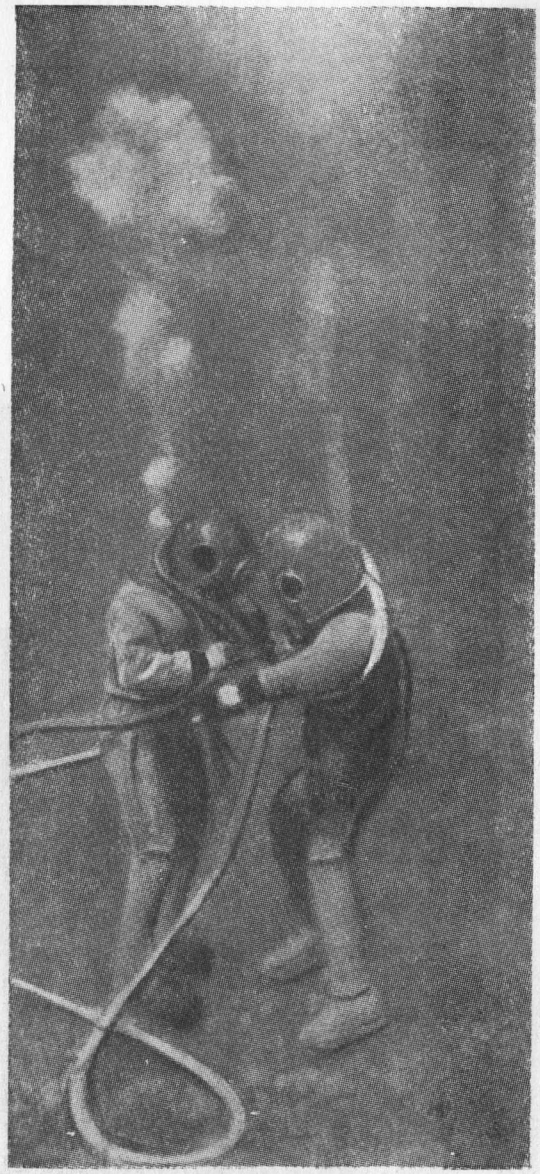
Вот два эпроновца стоят на берегу. Они оба—водолазы, только один в полном подводном снаряжении, а на другом трусы и бескозырка—больше ничего. Сразу видно, что оба здоровые и сильные ребята. Вон какая грудь и какие ноги у того, который в трусах! А тот, который в скафандре, тоже силач: он стоит как ни в чем не бывало, а на груди у него болтается что-то вроде сумочки. Эта «сумочка» вся из свинца. Сзади, на спине, еще такая же «сумочка», а на ногах свинцовые калоши по сто кило весом.

Больше двухсот кило весит водолазный костюм. Но эта тяжесть—пустяки по сравнению с той, которая навалится на водолаза, когда он пойдет под воду. Там, под водой, слабому, больному человеку делать нечего: его раздавит вода.

Но этого мало. Вон сколько всего накручено на водолазе. Толстая белая кишка—это шланг, по которому водолазу качают воздух. Веревка потоньше—сигнал, на ней спускают и поднимают водолаза, этой же веревкой он подает сигналы, когда работает без телефона. Тоненький черный кончик — телефонный кабель.



Перед спуском.



На дне за работой.

На первом фотоснимке (стр. 26) видно, как спускается водолаз: расставил руки, чтобы не опрокинуться, внимательно смотрит на концы, чтобы не запутаться, а сам в это время головой открыл клапан в шлеме, и весь лишний воздух из скафандра пузырьками летит кверху. За воздухом все время приходится следить: мало воздуха — задохнешься, а много — вынесет как пробку на поверхность или вовсе разорвет весь водолазный костюм.

Вот тут видно, как два водолаза работают под водой. Они заняты важным делом, а про воздух не забывают. Он так и подымается над их головами фонтанами пузырей.

Здесь снят спокойный момент работы. Но бывает, что приходится работать где-нибудь в трюме затонувшего корабля, на быстром течении, среди развалин подводного сооружения, которые, того гляди, оборвутся и задавят. Водолаз должен быть внимательным, ловким и смелым. А ко всему тому водолаз должен уметь делать всякое дело: ведь под водой приходится быть и грузчиком, и инженером, и подрывником, и плотником.

Вот поэтому в школы Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) набирают самых способных, сильных, самых здоровых призывников, долго их обучают, тренируют. Эпроновцы все такие: здоровые, сильные, ловкие и умные,—и не мудрено поэтому, что самое трудное дело, за какое бы они ни взялись, им удается.

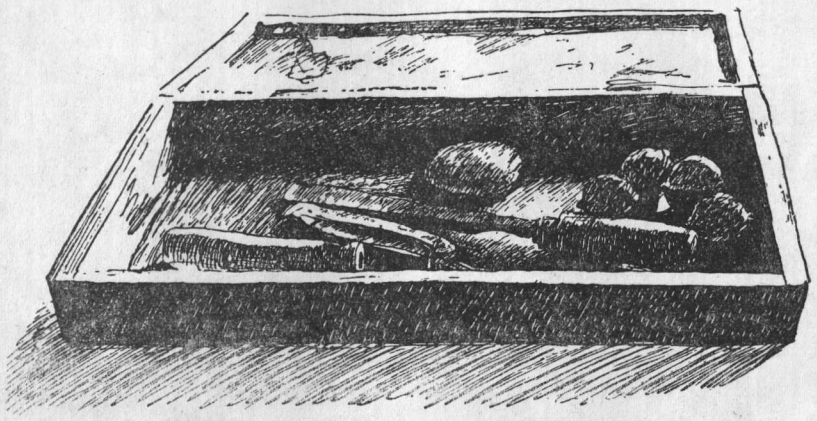
Балаклавская школа ЭПРОН на параде.

Два стихотворения

(Из Стивенсона)

Наталия Кончаловская и Сергей Михалков

Рис. П. Митурича



1

Любимые вещи

Вот ящик.
Расстаться я с ним не могу:
Любимые вещи
Я в нем берегу.

Орехи
Такие, что их нипочем
Нельзя расколоть
Ни одним кирпичом.

Свисток.
Я не слышал такого свистка!
Я сам его вырезал
Из тростника.

Я целое утро
Его мастерил,
Мой ножик со мной
Выбивался из сил.

Однажды
Я к берегу моря пошел,
Я в море купался
И камень нашел.

Пусть все говорят мне,
Что камень — пустяк.
Я твердо уверен,
Что это не так!

Но больше всего
Из любимых вещей
Горжусь я
Железной стамеской своей.

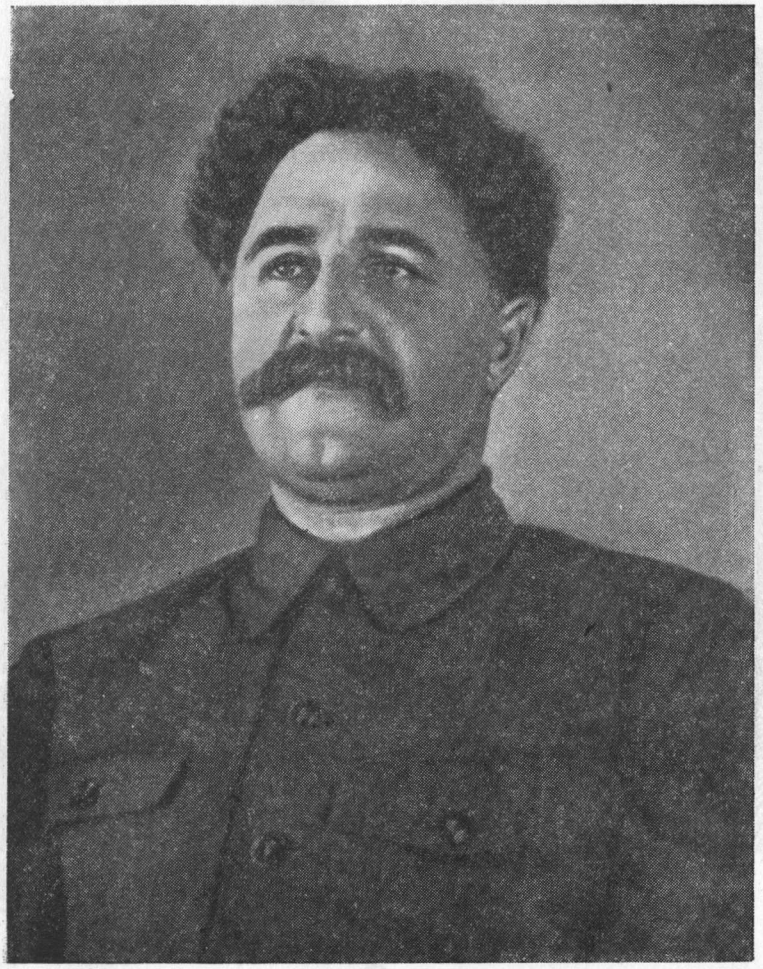
Знакомый столяр
Мне ее подарил.
Он ею работал —
И трубку курил.

2

Моя страна

Уже на улице темно,
И занавешено окно.
Под лампой взрослые сидят,
Играть со мною не хотят.
Тогда с ружьем наперевес
Я ухожу в дремучий лес,
И между стульев, под столом
Я храбро лезу напролом.
Темно и страшно, но зато
Здесь не найдет меня никто.
Я следопыт. Охотник я.
Вокруг меня страна моя.

Направо — горные хребты,
Налево — черные кусты,
А там ручей, к нему толпой
Приходят львы на водопой.
Сквозь паутину в темноте
Я к ним ползу на животе,
Но что мне делать, если я
Индейца встречу у ручья?
Но тут кончается игра.
Мне говорят, что спать пора.
Я засыпаю и во сне
Хочу, чтоб это снилось мне.



Товарищ Серго

М. Д. Орахелашвили

О замечательной жизни товарища Орджоникидзе рассказал группе наших читателей старый большевик, заместитель директора Всесоюзного института Маркса—Энгельса—Ленина М. Д. Орахелашвили. Этот рассказ мы помещаем в нашем журнале.

Гудауты

В 1905 году в Гудауты приехал новый фельдшер. Гудауты — это небольшое местечко на Кавказе, на Черноморском побережье, кругом горы, леса, в лесах кабаны, медведи. Место как будто довольно глухое и было бы совсем глухим, если бы не море, которое связывает Гудауты и с Батумом, и с Новороссийском, и со всеми портами Черного моря, а когда нужно, то и с заграницей через Босфорский пролив.

Но в 1905 году Гудауты были не глухим местом, а напротив,—бурливым и беспокойным. Весь Кавказ был в огне, как и вся Россия. И в Гудауты с окрестных гор, из

селений на скрипучих арбах, запряженных буйволами, с'езжались крестьяне, давно копившие злобу против царских уездных начальников, полицейских, против своих помещиков.

Абхазский народ волновался, и то там, то здесь, то одно, то другое селение поднималось на борьбу с царем.

Молодой фельдшер попал в Гудауты в эту горячую пору. Он только что кончил в Тифлисе фельдшерскую школу и с горячностью, со страстью принялся за работу. Где только фельдшеру ни нужно бывать? Его встречали и в больнице, и на базаре, и на пристани. Сегодня он здесь, завтра — в дальнем селении. Он встречается с портовыми рабочими, с крестьянами, расспрашивает, убеждает, говорит горячо. Нет, таким голосом, с такой страстью, с такой горячностью не говорят фельдшера о тех немудреных болезнях, которые им приходится лечить! Тут что-то не то. И молодым фельдшером заинтересовалась гудаутская полиция. Да и было чем интересоваться: молодой, девятнадцатилетний фельдшер Григорий Константинович Орджоникидзе уже около 2 лет был членом партии большевиков. Партийная кличка его была Серго.

Профессия фельдшера давала ему только возможность зарабатывать себе средства для существования, настоящей же его профессией была революция. Он принадлежал к тем самоотверженным, отдавшим себя до конца делу рабочего класса людям, которых Ленин называл «профессиональными революционерами».

Ленин говорил, что сбросить царя и капиталистов сможет только партия, костяк которой состоит из таких «профессиональных революционеров».

И конечно, как только Орджоникидзе приехал в Гудауты, он сразу же организовал группу революционеров из портовых рабочих и крестьян.

Революция половодьем разливалась по стране. И вот эта группа людей, которая вчера еще была тайной организацией, сегодня уже открыто выступает на митингах, и полиция, вчера только подозревавшая, что фельдшер Орджоникидзе занимается революцией, сегодня видит, как он открыто выступает на митингах и зовет людей на вооруженное восстание. Полиция его видит и слышит, а взять не может. Взять не может потому, что революция на гребне и попробуй только тронуть этого молодого горячего вожака, как все эти, слушающие его портовые рабочие и крестьяне, спустившиеся с гор, по бревнышкам разнесут полицейский участок.

Так было не в одних только Гудаутах, а во всей стране. Это не только околоточные да городовые не смели тронуть революционеров, это сам царь боится нос высунуть из своего Зимнего дворца в Петербурге. Трон его шатается и вот-вот упадет. Спасая свою власть, чтобы успокоить народ, царь выпускает манифест, где обещает всякие свободы: свободу слова, собраний, митингов, парламент и т. п.

Скольких людей успокоила эта царская бумажка! Сколько людей поверило, что царь и вправду даст народу обещанную свободу! И вот царский манифест доходит до Гудаут. Его расклеили на заборах и на столбах. Его читает Серго. И каждое слово поднимает в нем бурю: каждое слово лживо, каждое слово — обман, каждое слово — предательство! Тут же, сразу, не теряя времени, надо рассказать народу, чего стоят лживые обещания перетрусившего царя. И здесь же, вскочив на арбу с дранью, Серго собирает вокруг себя митинг. Он говорит речь. И каждое слово Серго будто плетью хлещет по царскому манифесту, по надеждам на царские свободы.

Не верить царю! Добывать оружие! Держать наготове охотничьи винтовки, даже наточить дедовские кинжалы, организоваться под руководством партии большевиков— вот что нужно делать, чтобы получить настоящую свободу. Восстание — вот единственный путь.

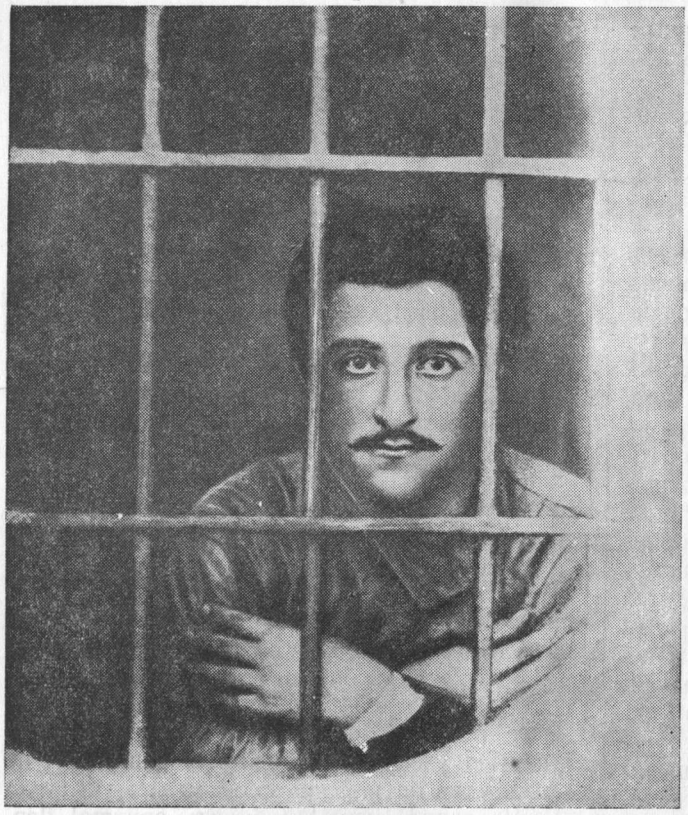
Гудаутские большевики стали вооружаться. Партия оказалась права: на другой день после манифеста полицейские уже громили еврейскую бедноту в Одессе и Кишеневе, расстреливали митинги в Петербурге и Томске...

За оружие!

На юге ночь наступает сразу: только что было светло, солнце зашло — и все вокруг будто накрыли одеялом. Идешь по берегу — ничего не видно, только слышно, как шумит море. В октябре оно уже бурное.

Темной, октябрьской ночью Серго с десятью товарищами пробирались из Гудаут в Гагры. Под Гаграми, в потайном месте, закопано оружие.

В 1905 году не один десяток фелюг — парусных шхун — под флагами чужих стран пристал в укромном месте к кавказскому берегу. С судов выгружали тяжелые ящики, и люди, похожие на контрабандистов, быстро переправляли таинственный груз в ус-



Тов. Орджоникидзе в баиловской тюрьме в 1908 году

ловленное место. Иногда это и были именно контрабандисты, которым все равно, что везти, лишь бы хорошо заплатили. Иногда это были революционеры, которым приходилось играть роль контрабандистов.

В царской России нелегко было достать оружие в большом количестве. Революционерам приходилось добывать его заграницей. Большевикам оружие нужно было для того, чтобы вооружить массы, и они добывали его всеми возможными путями.

Осенью 1905 года социал-федералисты, партия грузинских дворянских интеллигентов, подвезли к Батуму оружие. Жандармы пронюхали про это. Поэтому федералисты отвели пароход к Гаграм и там выгрузили, зарыв в усадьбе одного абхазского князя. Они привезли оружие не для того, чтобы вооружить массы,—никаких масс за ними и не было,—они собирались поодиночке убивать представителей царской власти.

Серго узнал об этом оружии. Он приехал к социал-федералистам и стал убеждать их, чтобы они отдали оружие большевикам. Он доказывал им, что они ничего не добьются, подстреливая из-за угла царских чиновников поодиночке. На место убитого царь посадит другого, и все будет продолжаться, как было. Серго уговаривал их — они не соглашались. Он нажимал на них, угрожал. Тогда они уступили часть оружия, которое по праву принадлежало рабочим и крестьянам.

Это оружие Серго вместе с десятью своими партийными товарищами ночью откопали и на баркасе повезли в Гудауты. За выгрузкой их настигли жандармы и казаки. Они схватили Серго и его товарищей и отправили в сухумскую тюрьму. Это был первый арест Орджоникидзе. Ему пред'явили обвинение по 126-й статье: за попытку свержения царского строя. По этой статье, ему грозила либо каторга либо вечное поселение в Сибири.

У грузин в то время была поговорка: «В Сибирь провожать — человека потерять» Грузинам, людям южного солнца и теплого моря, царская Сибирь представлялась, и не без основания, ледяным адом, откуда человек уже не возвратится.

Однако до суда Серго отпустили под денежный залог. Нашлись люди, которые внесли за него большие деньги. Партия предложила Серго скрыться, ему достали подложный паспорт, он уехал заграницу и пробыл там до лета 1907 года.

Орел и орленок

1907 год был страшным годом в России. По утрам, в предрассветной мгле, на задних дворах полицейских участков стучали молотки: тюремные плотники под начальством городовых сколачивали виселицы для революционеров, захваченных царским правительством. Этот зловещий стук раздавался по всей стране, чуть ли не в каждом городе, и Баку был, пожалуй, единственным, в котором царь не осмеливался еще

строить виселицы. Бакинских рабочих от виселицы на время избавляла их большевистская организованность и нефть. Бакинская нефть принадлежала не только капиталистам, но и великим князьям из фамилии Романовых. Сам наместник царя на Кавказе граф Воронцов-Дашков был тоже владельцем нефтяных промыслов.

В черном городе, в Баку, вся земля пропитана нефтью. Он весь как пороховой погреб: одной спички довольно, чтобы занялся нефтяной пожар. В Баку народ был горячий — сам дышал огнем. Попробуй, тронь его — загорятся такие нефтяные пожары, каких не потушишь в полгода. А нефть — богатство. Сгорит — пропадет. И Воронцов-Дашков побаивался пока трогать бакинских рабочих. На расстрелы и виселицы они, чего доброго, отвечали бы пожарами нефтяных фонтанов и вышек.

В Баку работало в то время много боевых большевиков. Там были такие люди, как Степан Шаумян и Алеша Джапаридзе, — впоследствии бакинские комиссары. В Баку летом 1907 года приехал для работы и товарищ Сталин.

1 мая на горе Степана Разина, в Балаханах, собрался большой рабочий митинг. Но казаки окружили гору и несколько раз бросались штурмом на рабочих. Рабочие три раза отбрасывали казачьи отряды. Тогда казаки позвали на помощь полицейских. Полицмейстер мобилизовал всех городовых этого района. И соединенными силами им удалось разогнать митинг и захватить его главарей. В числе захваченных был и Серго. Но он назвался вымышленной фамилией Кучхишвили. В полиции его допрашивали и так и этак, не добились никакого толку, не опознали и, подержав в тюрьме месяц, выпустили. Но в ноябре того же года полиция наконец расшифровала, кто такой был этот Кучхишвили.

Серго арестовали и посадили в знаменитую баиловскую тюрьму, которую построил на свои деньги миллионер-нефтяник Тагиев. Эта тюрьма была для многих молодых революционеров своего рода партийным университетом.

Не успели засадить Серго в эту тюрьму, как туда попадает весь актив бакинских большевиков во главе с товарищем Сталиным. Здесь началась дружба Сталина с Серго, здесь Серго получил от Сталина первые уроки. Сталин старше Серго на семь лет. Он на шесть лет раньше вступил в партию. Сталин был уже орлом, когда Серго был еще орленком.

Большевики продолжали бороться и в тюрьме. Они воевали с тюремным начальством, они добивались сносных человеческих условий для заключенных, не только для политических, но и для уголовных, которых содержали в тюрьме как скот.

Большевики устраивали политические споры с меньшевиками, эсерами и анархистами. Сталин и Серго и тогда их клеймили предателями революции.

В этой же баиловской тюрьме годом позже Сталин показал пример величайшего презрения к царским тюремщикам. В первый день пасхи рота солдат Сальянского полка пропускала сквозь строй политических заключенных. Пропускала сквозь строй — это значит, что каждый заключенный, проходя между двумя шеренгами, получал столько ударов. сколько было в роте солдат. А было их 150 — 200 человек.

Сталин прошел сквозь строй, не согнувшись, с поднятой головой, с раскрытой книгой в руках и с полным презрением к тюремщикам. Таков был товарищ Сталин уже в те годы, когда судьба свела с ним Серго и когда началась их крепкая дружба, которую они пронесли через всю жизнь.

Суд приговорил Серго к вечному поселению в Сибири.

„Прощай, Потоскуй!..“

Серго попал в Приангарский край, и местом жительства назначили ему село Потоскуй. Можно себе представить, какое это было веселое место, если ему дали такое название! Но Серго через все эти этапы, через все пересыльные тюрьмы привез в село Потоскуй столько горячей энергии, что ее не могли заморозить самые лютые сибирские холода. Молодой человек, грузин, большевик с горячей кровью, он ни минуты не оставался без революционного дела.

Он сразу стал организовывать политических ссыльных, устроил общество ссыльных Приангарского края и уже по дороге туда по этапу отмечал в своей памяти этапы будущего побега. Не прошло и трех месяцев, как Серго сказал: «Прощай, Потоскуй!..»— и бежал вверх по Енисею, на лодке, дальше пешком и на лошади, наконец, по железной дороге. И вот он снова в Баку, под горячим кавказским солнцем.

Но что было делать партийной организа-

ции Баку с этим неуемным человеком, который приехал в город, где его знала каждая полицейская собака, где его каждую минуту должны были снова схватить и отправить в такое место, откуда бы он уж никогда не возвратился. Серго был нужен партии, революционная работа ждала его везде, и партия послала его в Персию, нынешний Иран. Там продолжалась персидская революция, которая началась под влиянием русской, и нужен был человек смелый, решительный, знающий народные массы.

Муштехид Серго

Бакинские большевики направили его на революционную работу в Персию.

И здесь медицина пригодилась Серго: он пошел фельдшером в армию восставших. Серго появился в Энзели — в маленьком персидском городишке у Каспийского моря, а оттуда перебрался в г. Решт. И скоро «гурджи» Серго—а «гурджи» по-персидски значит грузин — стал известен всему трудовому люду. Среди иранцев в ватных халатах и куполообразных шапках выделялся Серго в своем костюме «социал-демократа»: синяя косоворотка, брюки на выпуск и чусты — грузинская обувь из козьей или воловьей кожи, у которой всегда сминались задники. Это особенность такой обуви.

В этой одежде он совсем не походил на персидского святого. В Персии были религиозные фанатики, которые иногда бесстрашно говорили правду в глаза сильным мира. Их называли муштехидами. Муштехид — это святой и всеведущий. Это высшая степень похвалы. Муштехидом называли и Серго. Но слава Серго поднялась еще выше, когда муштехиды изменили народу и единственным защитником его остались революционеры во главе с «гурджи» Серго.

На Востоке, где закон никогда не оберегал человека, личная храбрость бедняка, который должен защищать себя сам, почитается особенно высоко.

Серго устраивал забастовки.

Что такое забастовка в персидском городе? Там ведь не было фабрик и заводов, это были города мелких ремесленников. Каждый из них работал в своей лавчонке, на базаре. А базар был жизненным центром города. И во время забастовки ремесленники закрывали базары, школяры уходили из школ и вся эта шумная масса возбужденных людей Востока ходила по улицам с черными флагами.

Всех этих людей, обиженных и угнетенных своими персидскими богачами и русскими офицерами, всех этих людей, плохо разбирающихся в том, что происходит вокруг, нужно было повести за партией большевиков. А ведь это не были сознательные бакинские рабочие и даже не портовые рабочие Гудаут, это были ремесленники, одиночки, одурманенные религией и тысячью восточных предрассудков. Кроме того дело портили еще меньшевики, которые не хотели настоящей революции, хотя на всех базарах кричали о ней; портили дело и дашнаки, армянские националисты, которых называли маузеристами за то, что они всех несогласных с ними пристреливали из маузеров.

Был, например, в Персии вождь дашнаков Ефрем. Он считался революционером, народ ему устраивал торжественные встречи, а потом этот же Ефрем, оставаясь дашнаком, пошел на службу к персидскому правительству и стал полицмейстером города Тегерана.

Этот полицейский «революционер» приехал в Решт. Почета было ему много. Он проехал на кладбище, и за ним пошло много народа. Он вез с собой венок, и ремесленники Решта пошли смотреть, как Ефрем будет возлагать венок на могилу убитого революционера.

На кладбище явился и Серго. Как бы там ни кривлялся тегеранский полицмейстер, Серго разоблачит перед всем народом этого человека, продавшегося персидским помещикам.

Ефрем приехал, как и полагается полицмейстеру, с охраной из своих маузеристов. Серго пришел безоружный. Здесь его оружием должен был быть не револьвер, а большевистское слово.

Ефрем, против ожидания, не возложил венка на могилу революционера. Проходя мимо нее, он даже для приличия не сказал несколько слов, а возложил венок на могилу студента-армянина, умершего от туберкулеза. Это поразило людей, пришедших на кладбище. Но Серго мало трогало, на чью могилу возложит венок этот полицмейстер. Ему важно было тут же, при народе, снять с него маску революционера и заставить его показать свое настоящее лицо.

Как раз в эти дни персидское правительство закрыло две народные газеты: «Шарк» и «Иран Нов». Все были возмущены этим. Правительство наступало на горло свободному слову.

Серго нетерпеливо ждал, пока Ефрем проделает всю комедию с возложением венка, и тогда он заговорил.

При всех собравшихся он предложил Ефрему выступить против закрытия газет.

Ты называешь себя революционером, так покажи, какое сердце бьется у тебя под полицмейстерским мундиром!

Серго заставил Ефрема признаться, что он как чиновник правительства не может выступить против его постановления.

И когда все услышали ответ Ефрема, Серго, как молодой орел, набросился на него и общипал с него все революционные перья, под которыми он прятал свою полицейскую форму.

Маузеристы готовы были по своему обычаю подстрелить Серго, так оскорбившего их вождя, но Серго не обращал внимания ни на что. Они не посмели тронуть мушетхида Серго, «святого в пиджаке и косоворотке», и Ефрем ушел с кладбища, оплеванный и разоблаченный пред всем народом города Решта.

Серго—смелый человек, но революционеру мало одной смелости, революционер-большевик должен уметь работать, пользоваться малейшими возможностями, чтобы распространять свои взгляды, воспитывать людей для революционной работы. И здесь, в Реште, под самым носом у русского консула и персидской полиции, Серго устроил настоящий интернациональный клуб, куда собирались люди, слушали лекции, где получали нелегальную большевистскую литературу и собирали деньги на партийную школу, которую организовывал Ленин во Франции, в деревушке Лонжюмо, под Парижем. Отсюда Серго переписывался с Лениным и в один прекрасный день, как рассказывает Надежда Константиновна Крупская, появился улыбающийся, не знающий ни одного слова по-французски, перед дверьми их квартиры в Париже. Это было в начале 1911 года.

Снова подполье

Недолго побыл Серго во Франции. Он начал было учиться и проучился несколько недель в школе Лонжюмо, но в России дела шли неважно. Сталин был в ссылке, меньшевики-ликвидаторы, состоявшие формально в одной партии с большевиками, после поражения революции переметнулись вовсе к буржуазии. Они старались вообще ликвидировать подпольную работу.

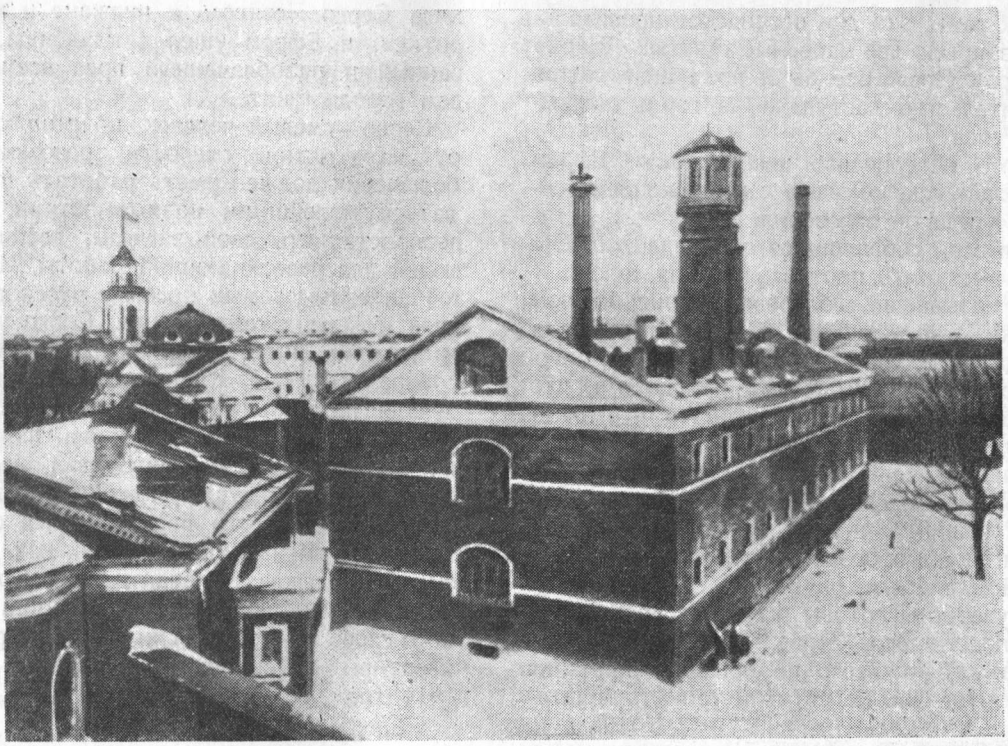
Для того чтобы собрать и построить ряды пролетарской партии, Ленин решил, что нужно созвать партийную конференцию заграницей, в чешском городе Праге. Созвать конференцию было очень трудной задачей. Организатору нужно было об'ехать все города, где были подпольные партийные организации, связаться с ними нелегально, самому не попасться, никого не провалить, провести ряд нелегальных собраний, выделить делегатов, лучших людей, и уехать с ними обратно заграницу. И на эту огромную и опасную работу партия выбрала трех человек, из которых главным был Серго. Прямо от Ленина он уехал в Россию, об'ехал Петербург, Украину и Кавказ, организовал выборы делегатов, вернулся заграницу и сделал доклад на конференции.

На конференции Серго выбрали членом Центрального комитета большевистской партии, а было их тогда всего 7 человек, а не 71, как сейчас. Из этих семи — пять должны были работать в России, а из этих пяти—трое: Сталин, Орджоникидзе и Спандарьян—составляли так называемое «русское бюро» — коллегию для организации всей работы.

Вот как Ленин и партия оценили тогда еще молодого, но уже много поработавшего на рабочую революцию Серго.

И, конечно, Серго опять уехал в Россию. И первым делом заехал к Сталину, в Вологду, где он был в ссылке. И вот из Вологды Сталин и Серго, не спрашивая властей, укатили в Баку, в Тифлис, оттуда в Москву, в Петербург, и везде они сколачивали партийные организации, строили работу так, как решила пражская конференция. Эта конференция была очень важной в истории нашей партии: начиная с нее большевики уже не только по существу, но и по форме навсегда откололись от меньшевиков, создав свою отдельную большевистскую партию.

Как оказалось потом, полиция все время



Третий корпус Шлиссельбургской крепости, в которой сидел Серго Орджоникидзе.

следила за Серго, и даже во Франции за ним ходили русские шпики. Серго уходил от одних, попадался другим, но, в общем, спасался от них благополучно. Однако из Баку полицейские сообщили в Москву, что туда выехали Серго и Коба—это одна из партийных кличек Сталина. У жандармов тоже были свои клички для революционеров. Сталин проходил в их агентурной переписке под именем «Молочный».

В Москве Серго и Сталин остановились у одного члена партии, партийная кличка его была «Кацап». Но «Кацап» оказался гнусным провокатором, подстать нынешним троцкистам и зиновьевцам, и от него полиция узнала все, что он слышал от Сталина и Серго, и зачем они едут в Петербург.

В Петербурге Серго арестовали на улице. У Серго был паспорт на имя тюрка Гасан-Новруз-Оглы Гусейнова. Он им и назвался.

Полетели телеграммы на Кавказ, добрались до аула, где родился этот арестованный в Петербурге Гасан-Новруз-Оглы Гусейнов, а этот самый Гасан оказался жив, здоров и никуда из аула не выезжал.

Стали докапываться, что да как, сличать фотографии, показания шпиков и узнали, наконец, что у них в руках тот самый неуловимый фельдшер Григорий Орджоникидзе, который два раза оставлял полицию в дураках, да еще после всего этого свободно раз'езжал по всей России, созывая пражскую конференцию большевиков. Эту конференцию полиция никак не могла ему простить.

Серго судили еще раз, оставили в силе первый приговор о вечном поселении в Сибири да прибавили еще три года каторжных работ. Значит, три года каторги, а затем навеки в Сибирь. Было это в 1912 году. Серго было 26 лет.

Серго заковали в кандалы и отвезли в Шлиссельбургскую крепость. Это была самая страшная тюрьма, какую только могли выдумать злобные и мстительные цари для своих самых непримиримых врагов.

Серго провел в кандалах три года. Серго молчалив, когда дело касается его самого; он не рассказывает, как он прожил эти три года. Когда ворота Шлиссельбурга закрывались за узником, люди больше о нем не слышали. Переписка разрешалась лишь несколько раз в год. Но есть свидетельства врагов Серго о том, как он вел себя в

тюрьме. Меньшевистский писатель Ростов рассказывает в своей книге, что Серго пришел в крепость законченным ленинцем, непримиримым и воинствующим большевиком.

Тюрьма не сломила Серго, хотя условия были такие, что к концу заключения он заболел, и болезнь угрожала ему глухотой.

В письме к брату Серго писал:

«Кончается мой срок заключения на кагороге в Шлиссельбурге, и меня вышлют или в Якутию, или вообще не обидят. Не могу скрыть беспокойства о том, что я могу остаться глухим. Просил перевести в Петербургскую больницу, чтобы немного полечить больное ухо».

Серго твердо верил, что не навек он уходит в Сибирь. Как же быть ему без слуха, ему — политическому бойцу, оратору и трибуну? Но в больницу его не перевели.

Серго выслали в Восточную Сибирь на вечное поселение, но царский век оказался коротким. Во второй ссылке Серго пробыл всего месяцев восемь. После февральской революции, дождавшись вскрытия рек, Серго выехал в Петроград.

Снимок Серго Орджоникидзе, сделанный в Шлиссельбургской крепости.

В шалаше у Ленина

Нужно ли говорить, что все кипучие месяцы между февралем и октябрем Серго был около Ленина и Сталина, одним из их ближайших соратников.

Когда предатель Алексинский распустил слух о том, что Ленин — немецкий шпион, и буржуазные газеты подхватили этот слух, Временное правительство, куда входили и меньшевики с эсерами, постановило арестовать Ленина и предать его суду. Нашлись среди большевиков некоторые мягкосердечные и доверчивые люди, которые сочли, что Ленин должен явиться на суд врагов. Но Сталин и Серго были против этого. Они знали, что юнкера не доведут Ленина до тюрьмы и растерзают его по дороге. И никто иной, как Серго, перевез Ленина с одной квартиры на другую и устроил его переезд в шалаш под Сестрорецком.

Серго приезжал к Ленину в шалаш. Серго рассказывал, что когда приехал, то не узнал Ленина: так здорово он был загримирован. Портрет Ленина того времени известен. Ленин на нем бритый, в кепке,— настоящий рабочий-металлист.

Серго ездил к Ленину, чтобы получить от него указания, как вести VI с'езд партии. Он вернулся в Петроград и передал его указания Сталину, который руководил с'ездом. Сразу после с'езда Серго отправляется на Кавказ, возвращается в Петербург 24 октября (6 ноября) и попадает в самое пекло боев.

Серго в боях

И вот, начиная с этого времени, пошла военная слава Серго. Когда-нибудь о его военных подвигах будет написана большая книга. Теперь мы можем рассказать только несколько случаев, которые показывают, каков был Серго в гражданскую войну.

В самые первые годы гражданской войны к красным частям примыкал всякий народ, нередко это были чуждые нам люди. Пока наши наступали, и они дрались, иногда даже неплохо. Зато если начиналось отступление, то они рвали фронт и своевольничали.

В 1918 году случилось так в Ростове. Белые казаки с помощью германских войск окружили Ростов. Наши бились, но отбить белых нельзя было. Пришлось эвакуировать город. Эвакуировать — это значит, вывезти из города все оружие, все ценности, всех своих людей. Серго пришлось это делать тогда, когда над ростовским вокзалом уже рвались вражеские шрапнели.

И здесь показали себя неустойчивые, иногда даже просто примазавшиеся люди. Они потребовали от Серго выдать им золото, принадлежащее советской власти. Они нашли предлог: им жалованье будто бы не уплатили за много месяцев. Но Серго эта банда не смогла застигнуть врасплох.

В вагон Серго ворвался вожак бандитов-анархистов. Он весь был увешан бомбами, опоясан патронными лентами. Мало того, подножки вагона заняли его дружки, угрожая гранатами, если Серго не выпустит их вожака.

Бандит подступил к Серго со всем своим арсеналом. У Серго оказался в кармане только маленький, так называемый дамский маузер. Но, не растерявшись, Серго сам налетел на бандита и зычным своим голосом приказал:

— Бросить оружие! И бандит, устрашенный то ли голосом, то ли выражением лица Серго, бросил тут же оружие и сдался. А его ватага, забыв про взрыв вагона, разбежалась.

Другой факт: командующим Северокавказской армией был Сорокин. Впоследствии он изменил нам и перешел на сторону Деникина. И вот эшелоны Серго отступают, и Сорокин, тогда еще красный командующий, не пропускает этих эшелонов, не дает им паровозов:

— Я здесь хозяин — и все.

Тут уж Серго идет в вагон к Сорокину. Он вошел гневный, с такими горящими глазами, что они могли, казалось, испепелить человека.

— Немедленно пропустить эшелоны, — сказал он, сдерживая свое желание на месте уложить мерзавца, который в опасную минуту кладет свое самолюбие поперек дороги армии.

Сорокин сопротивлялся, но ему под напором Серго пришлось уступить. К концу разговора он даже захотел помириться и, по кавказскому обычаю, предложил Серго шашлык и вино. Но Серго, вырвав уже у него распоряжение о прицепке паровозов для эшелонов, ответил с презрением:

— С таким мерзавцем, как ты, я не только шашлык не буду есть, но и воздухом одним дышать не хочу.—И вышел из вагона.

Поехали дальше. Известно было, что Серго везет советское золото. И вот так называемый левоэсеровский полк, который прежде дрался неплохо, спровоцированный своими разложившимися командирами, вдруг неожиданно напал на поезд, ограбил его и увез полтора миллиона золотом. Этот полк, как и эшелоны Серго, был тоже на колесах.

Серго со своими эшелонами погнался за бандитами, имея во главе бронепоезд тов. Лиходедова, догнал у станции Сарепты, окружил, отнял золото и тут же расстрелял 12 вожаков — участников грабежа, а разложившийся полк расформировал.

Серго со своими частями прибыл в Царицын, удерживал город против белых, и против то и дело налетавших бандитов. 6 июня в Царицын приехал Сталин. После этого Серго по решению партии был послан на Северный Кавказ чрезвычайным комиссаром юга России.

Город Орджоникидзе

В какую горячую кашу попал Серго на Северном Кавказе! Советская власть там была, но руководители советской власти, тамошние большевики сидели, как на вулкане. Горские трудовые массы были за Советскую власть, но десятилетиями разжигаемая национальная вражда, как кипящая лава, прорывалась то там, то здесь и грозила залить все кругом.

На Северном Кавказе жили в вечной вражде между собой 28 национальностей. Царское правительство сто лет подряд поддерживало и разжигало эту вражду. Царское правительство держалось на вражде

народов, советская власть должна была укрепиться на их дружбе.

Этого еще не смогли сделать местные большевики, и Серго приехал им помочь и повернуть дело по-другому.

Когда он явился на Северный Кавказ, белые уже наступали со стороны Прохладной. Серго сказал:

— Здесь не вели правильной политики, не все делали, чтобы привлечь на сторону рабоче-крестьянской власти все национальности, и поэтому нас опрокинут в ближайшие недели, если не в ближайшие дни.

Действительно, вскоре белые захватили город.

Когда белые вступали во Владикавказ, Серго был на окраине города и не мог туда попасть.

— Владикавказ опять будет красным городом, — сказал Серго и пошел на Владикавказ окружным путем, через Ингушетию.

Он шел пешком по стране, главный город который был занят белыми, а в каждом селении, в каждом ауле шли местные драки и войны: осетины дрались с ингушами, кабардинцы — с казаками. На дорогах, пользуясь замешательством и смутой, действовали кавказские разбойники — абреки. Но Серго шел по стране, как по родному аулу, и его имя было так славно в горах, что абреки, которые напали на него, отпустили его с почетом, как только узнали, кто он.

Серго Орджоникидзе в годы гражданской войны.

Серго узнал, что в селении Ночкау осетинский полковник Цаликов поднял восстание против советской власти. Серго пошел на это селение с небольшим отрядом красногвардейцев. Подойдя к селению, он велел своему отряду отойти, вошел один и пошел прямо в дом к полковнику Цаликову. Он вошел в дом и по своему обыкновению прямо, без околичностей, громко и резко стал ругать полковника.

— Ты предаешь свой народ! — сказал он ему. — Ты тянешь к Деникину, а Деникин раздавит осетин так же, как их раздавили при царе. Смотри, народ не простит тебе этого!

Цаликов был ошарашен приходом Серго и его резкими словами. Он проворчал только, что Серго злоупотребляет законами гостеприимства, намекая на дедовский обычай гостеприимства горцев. Но то, что Серго осмелился войти прямо в логово зверя, еще больше прославило его в горах и показало народам Кавказа, кто их настоящие защитники.

Своим дальновидным умом Серго сразу понял, что нужно сделать, чтобы ингуши не на словах, а на деле стали равноправным советским народом. Он провел в Ингушетии советский закон о земле, и ингушские отряды, слившись с отрядами грозненских рабочих, под руководством Серго отбили у белых Владикавказ. Поэтому-то впоследствии трудящиеся Осетии и Ингушетии переименовали Владикавказ в город Орджоникидзе.

По меньшевистской Грузии

На Кавказе шли жестокие бои, и военное счастье было в то время переменчиво. У Деникина была огромная армия, которую снабжали оружием и одеждой англичане и французы.

11-я красная армия, которой руководил Орджоникидзе, мужественно билась с войсками Деникина. И не сломить бы ее белым, если бы с тыла не подобрался самый страшный враг всякой армии — тиф: тех, кого не тронула деникинская пуля, свалила тифозная вошь. И вот большинство армии в тифу, Деникин наступает, и больные, тифозные красноармейцы не могут ему сопротивляться. Армия дрогнула.

Серго видит, как оба врага косят его бойцов, оружия почти нет, патроны приходится покупать у населения. Армия отступает, и ее не остановить, как не остановить лавину, несущуюся с горы. Но пусть лавина несется, — большевики не должны отступать. И Серго не отступает с армией. Он перебирается с группой товарищей из селения в селение, собирает горских крестьян и говорит им:

— Белые идут, но не надолго. Пока народ за большевиков, белым не удержаться, не падайте духом! Не давайте им людей в армию. Самое позднее через год красные опять будут здесь.

По следам Серго шли деникинские отряды. Они грабили, жгли и требовали у населения выдачи большевиков и всюду искали Орджоникидзе. Горцам, жителям селений и аулов, пришлось немало вытерпеть за то, что они не выдавали Серго, и он решил, что незачем подвергать опасности население. Он решил уйти в Грузию, оттуда пробраться в Астрахань и снова двинуться на врага.

И вот горсточка большевиков с семьями поздней осенью двинулась пешком по лесным и горным тропам через всю Ингушетию, через часть Чечни в Северную Грузию, в Тифлис. Три месяца скитались они по горным дорогам, терпели холод и опасности, перебирались через горные речки, пока в январе 1919 года не попали в Тифлис. А в Тифлисе в то время власть была не наша, а меньшевистская. Но и меньшевистской эта власть была только по названию: настоящими хозяевами Грузии были англичане, которые в сентябре 1918 года в союзе с меньшевиками и эсерами расстреляли в песках Закаспийского края 26 бакинских комиссаров, попавших им в руки.

Серго пришел в Тифлис в той же серой шинели, в тех же сапогах, какие носил, когда руководил боями против белых. Только буденовку с красной звездой снял и надел серую, под цвет шинели, фуражку. В остальном он не изменил своего вида: те же длинные волосы и усы, которые хорошо были известны всему Кавказу.

Меньшевики узнали, что в Тифлисе появился Серго, да он особенно и не прятался. И вот Жордания, председатель грузинского правительства окольным путем выразился про Серго:

— Мы его не тронем, но за англичан не ручаемся. Поэтому пусть он поскорее оставит Тифлис и Грузию.

Меньшевики не смели тронуть Серго: они знали, что он полномочный представитель всей большевистской России.

Если бы они его арестовали, англичане наверняка расстреляли бы его, как расстреляли в песках Туркестана 26 бакинских комиссаров, а меньшевики боялись такого оборота дела.

Но Серго не испугали их предупреждения: он оставался в Тифлисе столько, сколько ему было нужно, чтобы разузнать положение и дать советы грузинским большевикам, как вооруженной рукой выгнать предателей меньшевиков, продавших Грузию англичанам.

Через Каспий на лодке

После этого Серго собрался в Баку. Там он назначил партийное совещание всех коммунистических организаций Грузии, Армении и Азербайджана.

Из Тифлиса в Баку выезжала целая группа большевиков. Эта поездка была нелегальная. Обычно когда кавказцы уезжают куда-либо, они приходят на вокзал шумной толпой и громко разговаривают по кавказской привычке. Здесь, конечно, ничего этого не было: делегаты пришли в разное время, с разных сторон и расселись в разные

вагоны. Ехали ведь из меньшевистской Грузии в муссаватистский Азербайджан. Муссаватисты были такими же предателями своей страны: они сначала продавали Азербайджан Турции, а когда это не удалось, то стали смотреть в сторону англичан.

Приехавшие большевики собрались в квартире одного бакинского большевика. Это была обыкновенная квартира, только не на очень людной улице. Муссаватистские полицейские, может быть, даже знали об этом собрании, но чего нельзя было сделать при муссаватистах за деньги? Полицейских тогда просто подкупали.

Пользуясь этой продажностью муссаватистских чиновников, большевики орудовали очень ловко. Удавалось даже вывозить нефть и бензин в красную Астрахань.

Большевикам очень помогали преданные беспартийные друзья, сочувствующие советской власти. Такие люди были, например, на бакинской радиостанции и передавали Кирову в Астрахань обо всем, что делалось на фронтах и в занятом англичанами Баку.

У бакинских большевиков была связь с Астраханью, а через Астрахань — с Москвой—с Лениным и Сталиным.

Все совещание собралось в одной комнате. Было жарко и душно, как всегда в Баку в середине лета. Несколько дней с утра до вечера совещались кавказские большевики, только изредка выходили они в соседнюю комнату, где была приготовлена несложная закуска того времени: черный хлеб, огурцы, колбаса.

Выступлений Серго все ждали с надеждой и нетерпением. Это тот человек, который мог своим огромным опытом разрешить все неразрешенные вопросы. Он прорвался через кольцо фронтов из Советской страны, от Ленина и Сталина. Он знал, что и как нужно было делать. И Серго со страстью и горячностью выступал по каждому вопросу на этом совещании.

Совещание кончилось. Серго пора была отправляться в Москву. А как отправиться? Прежним путем нельзя; через деникинский фронт не прорвешься. Остается один путь: морем в Астрахань и оттуда по Волге. Но и море не свободно: море занято англичанами и деникинцами. Каспий бороздят канонерские лодки и большие коммерческие суда, на которых англичане установили пушки. Подумали и решили все же отправиться морем.

Серго ехал не один. Его сопровождал Камо, вся жизнь которого была сплошным приключением, человек, который ускользал среди белого дня из наглухо запертых тюремных стен, человек невероятной стойкости и отваги, большевик, до последней капли крови преданный партии. Серго сопровождала его жена Зинаида Гавриловна Орджоникидзе, которая за все бурные годы гражданской войны ни разу его не оставила. Серго иногда ворчал, что ей незачем подвергать себя тем опасностям, которым подвергается он, но она не обращала на это внимания.

Отправлялась с ними еще Вало Джапаридзе, жена Алеши Джапаридзе, расстрелянного бакинского комиссара.

Камо достал лодку—небольшой рыбачий баркас. Ночью Серго и его товарищи отвалили от берега и вышли в открытое море.

Несколько раз баркас окликали сторожевые суда Деникина. Они даже останавливали его и расспрашивали: кто едет? Но Камо отвечал коротко:

— Рыбаки. Рыбу ловим.

Серго скрывался в трюме.

Они плыли до Астрахани 13 дней. На море было жарко, была такая невыносимая жара, какая стоит во время штиля. Но штиля не было: из туркестанской пустыни дул горячий нордост. Пресной воды было очень мало. Люди страдали от жажды. Серго скрывался в трюме, где было еще жарче, еще душнее, и слышал в темноте, как пищали баркасные крысы.

Наконец, прибыли в Астрахань. Там Серго впервые познакомился с Сергеем Мироновичем Кировым. Серго, горячего кавказца, пленил этот спокойный и ровный человек, пленили его веселая усмешка и тот героизм, с которым Киров отстаивал красную Астрахань, осажденную со всех сторон белыми генералами.

Они пробыли вместе в Астрахани всего несколько дней, но именно там завязалась их крепкая дружба. Годом позже не кто иной, как Серго, предложил кандидатуру Кирова в секретари ЦК коммунистической партии Азербайджана.

Серго был руководителем всего Закавказья, Киров стал его ближайшим и любимейшим соратником. Один работал в Тифлисе, другой — в Баку. Но не было дня, когда бы они не говорили друг с другом, не было дня, чтобы Серго не позвонил Кирову в Баку и

не сообщил ему новости. Их так и называли: «Наши два Серго».

Но все это было годом позже. А летом 1919 года Серго простился с Кировым и отправился через Саратов в Москву, к Ленину.

Снова фронты

А потом Серго опять на фронте, уже на белорусском, членом реввоенсовета 16-й армии.

Поляки взяли город Борисов, в котором было много рабочих. Это была очень большая стратегическая потеря. Город нужно было отбить во что бы то ни стало. Для этого командованию необходимо было знать, какие силы у поляков. И вот Серго, этот неутомимый человек, не доверяя никому, кроме собственных глаз, в красноармейской гимнастерке, с ружьем в руках сам отправляется в пешую разведку с десятью бойцами.

Член реввоенсовета целой армии, ее фактический руководитель, он ночью вышел за линию красного фронта, зашел на 12 километров в расположение белополяков, высмотрел все, что было нужно, и вернулся цел и невредим.

Эта разведка решила судьбу города Борисова. Через два дня Серго двинул армию в наступление, и город Борисов был взят.

Но вот опасность надвигается на Москву: Деникин уже под Тулой. В момент величайшей опасности для республики партия проверяет готовность рабочего класса защищаться до последнего. Она об'явила партийную неделю, и 14 тысяч московских рабочих, зная, что виселица грозит всем коммунистам, если Деникин займет Москву, вступают в партию и отправляются на фронт.

В эти дни, когда решалась судьба Советской страны, во главе всего южного фронта был поставлен Сталин.

Сталин собрал мощный кулак из четырех армий: 12, 13, 14-й и Конной Буденного. Во главе 14-й армии вместе с командармом Уборевичем был поставлен Серго. В эту армию входила и ударная группа, которая должна была первой бить и опрокидывать сильные части белых. Деникин не устоял. Белые покатились на юг. Сталинский план разгрома белых осуществился полностью, и Серго скоро мог порадовать Ленина и Сталина телеграммой:

«Привет из Орла».

Это означало, что армия Серго и Уборевича снова заняла Орел.

С кровопролитными боями Красная армия гнала Деникина на Харьков, освободила Украину, Северный Кавказ. В конце апреля 1920 года части 11-й Красной армии заняли Баку.

Последним оплотом контрреволюции были дашнаковская Армения и меньшевистская Грузия. И Серго был тем большевиком, доверенным Ленина и Сталина, который помог трудящимся Армении и Грузии сбросить своих угнетателей — дашнаков и меньшевиков.

Командарм тяжелой промышленности

Теперь мы знаем Серго — полководца пролетарской революции, ставшего наркомом тяжелой промышленности.

Потому ли, что весь облик его: орлиный нос, зоркие глаза — показывают в нем полководца, потому ли, что военная слава его гремит до сих пор, но Серго называют командармом тяжелой промышленности. И это звание пристало ему, командующему всей тяжелой артиллерией нашей промышленности: домнами, мартенами, блюмингами, нефтяными вышками и каменноугольными шахтами.

Каков же он теперь?

Ему 50 лет. Может быть, годы отяжелили его? Может быть, нет уже былой отваги, былого задора? Может быть, только теплится эта горячая, как вулкан, натура? Но мы видим, как от края до края по всей Советской стране крепнет и растет армия этого командарма. Разве может человек с погасшим сердцем вести свою армию к таким победам, которые прославили ее по всему миру? И мы видим, что попрежнему горит боевая душа Серго. Это прежний Серго: молодой, нетерпеливый, горячий. И годы только прибавили ему опыта.

Серго командует всей советской техни-

кой, но он ученик Сталина, он знает, что техника — это люди. Спросите у него, где сейчас директор Магнитки, о чем думает, чем живет какой-нибудь заслуженный мастер большого завода, вроде Югостали.

Он всегда вам ответит: он всегда все знает.

У него на столе телефон-вертушка, и он часто соединяется с любым заводом хоть за 2 тысячи километров.

Вот случай, который показывает, как и для чего Серго держит постоянную связь со своими командирами заводов.

Один завод был в большом прорыве. У директора ничего не выходило. Он никак не мог выправить дело и, наконец, так расхлябался, что ему в голову стали приходить разные глупые мысли: а стоит ли жить, не лучше ли покончить все разом? А завод далеко от Москвы.

Вдруг звонок по вертушке. Говорит Серго:

— Здравствуй, ну что у тебя там?

Тот отвечает каким-то потерянным голосом. Вот, мол, не ладится, да не выходит.

А Серго из телефона наседает:

— Что ты там размяк? Подтянись, засучи рукава и давай вытаскивать завод из прорыва. Помочь нужно? Поможем. Ну-ка скажи, чего там тебе нужно?

Директор потом рассказывал, что Серго этим телефонным разговором прямо из могилы его вытащил.

Он получил, что просил, да и не так уж ему много и нужно было, а, главное, надо было самому подтянуться и поверить, что дело может выйти, и эту уверенность дал ему Серго. Через неделю завод его шел уже плавно, без прорыва.

Так Серго вытащил человека и дал возможность вытащить работу. По голосу в телефонной трубке он понял, как нужно вмешаться, что нужно сделать, чтобы перевести человека на другие рельсы.

Люди, с которыми он работает, за него готовы отдать жизнь. А ведь Серго вовсе не всегда мягок с людьми. Когда нужно, он умеет ударить, и бьет так, что синяки остаются. Особенно не любит он, если человек не хочет по-настоящему, по-большевистски работать, правды в лицо не говорит, виляет. Работники Серго приучены, что, как бы ни было тяжело положение, нужно говорить правду: не замазывать, не выгораживать себя, не сваливать на других.

У Серго «тяжелая» рука: если нужно, он может взять самого большого директора и пересадить его на самый маленький завод, и не директором, а заместителем или еще пониже. Не справился с большим делом, принимайся за маленькое и, смотри, делай хорошо, как велит партия. Научишься, поймешь, за что тебя помяли, будешь опять большое дело делать. Нет — так грош тебе цена в социалистической промышленности!

Но тот же Серго никогда не позволит обидеть человека незаслуженно, он всегда защитит стоющего человека, загородит всем своим авторитетом и властью. И все люди, работающие с Серго, это очень хорошо знают. Нет людей, которые считали бы, что Серго их незаслуженно обидел.

Впереди молодых

А какой глаз у него, какое чутье! Один молодой, двадцатипятилетний инженер по имени Мераб, сын одного товарища Серго приехал из командировки: он побывал в Америке.

Они с отцом пришли к Серго в гости.

Серго был очень усталый. Он только что вернулся с заседания, пропустил уйму народу.

— Ну, — сказал он,—рассказывай, только коротко, что видел, на что больше всего обратил внимание в Америке?

Мераб в двух словах рассказал:

— Я работаю на заводе, который считается плохим. Его чуть не на слом готовят. Оказывается, что он не хуже американских заводов. Только в Америке на таком же заводе в три раза меньше рабочих, но они в три раза больше вырабатывают, да и качество изделий лучше раза в три.

Через некоторое время на Совете при Наркомтяжпроме один директор расхвастался, что он будто бы на своем заводе Америку догнал и чуть не перегнал.

Серго прервал его и говорит:

— Не Америку ты догнал, а Баймак (Баймак — один из стареньких заводов).

И Серго привел пример: вот, мол, приехал молодой инженер из Америки и рассказал, как полагается молодому инженеру,

Серго Орджоникидзе — ученик приходской школы

правду. Что в Америке на таком заводе в три раза меньше рабочих, они в три раза больше вырабатывают и качество в три раза лучше. Вот это Америка. А ты Баймак догнал, а думал, что перегнал Америку.

Через несколько дней Серго вызвал Мераба к себе на дачу и целый день допрашивал, что да как. И выяснилось, что в последнее время американская техника в области производства насосов обогнала германскую, и германское производство сейчас отстало, а наши инженеры учились на германской технике.

Серго спрашивает:

— Сколько времени нам нужно, чтобы перейти на американскую технику в этой области?

Мераб отвечает:

— По моему плану на наших заводах — а их 13 — года три.

Серго загорелся: почему в три года? Если американская техника сейчас самая передовая, то ее-то и надо насадить у нас, и побыстрее—не через три года, а через 6 месяцев. Не надо жалеть для этого ни денег, ни людей.

И на следующий день в Наркомате все закипело: Серго всех поставил на ноги.

Вот что значит быть революционером: сразу перейти от одной техники, которая укоренялась десятилетиями, на которой воспитывались все русские инженеры и ученые, к новой, передовой технике, о которой только что рассказал молодой инженер — парень 25 лет. Да и тут Серго оказался моложе своего собеседника и предложил темпы в пять раз быстрее.

Человек, любимый народом

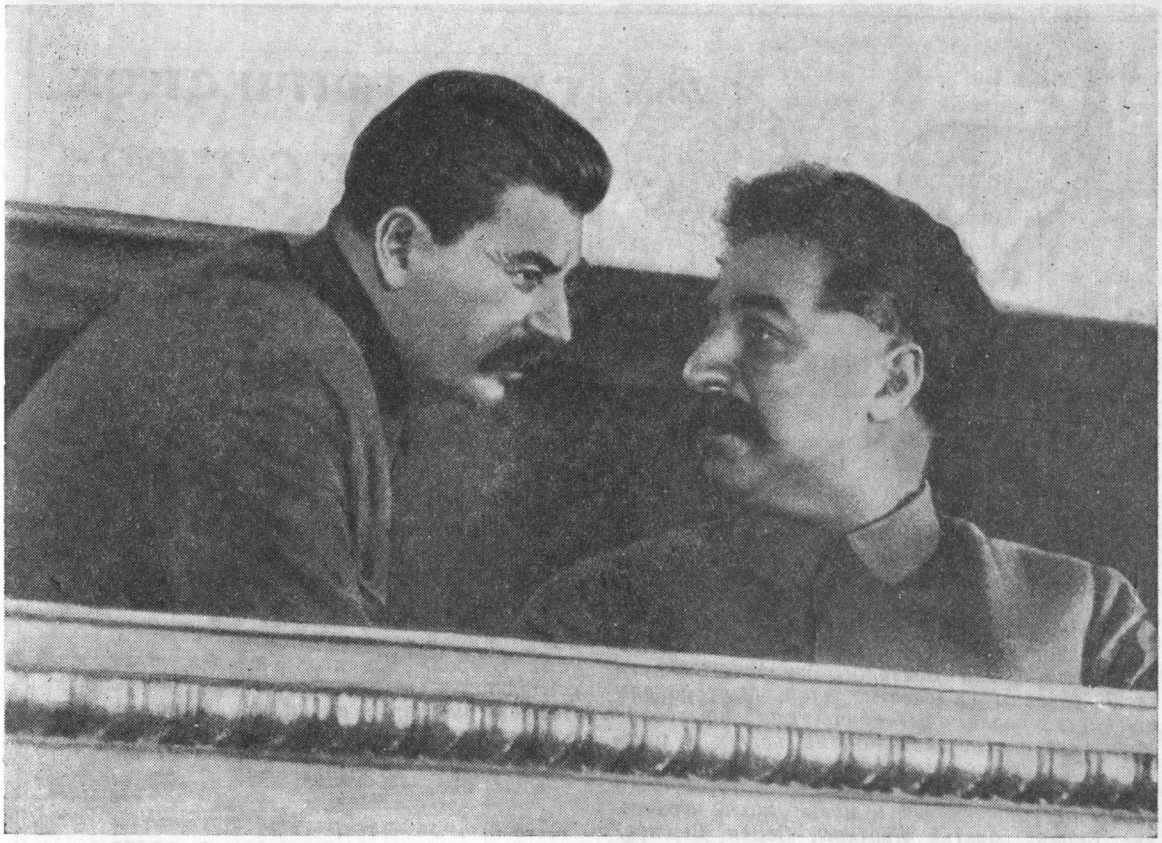
Что же, человек этот, прошедший огонь и воду, должно быть, очень суров? Ведь с годами люди становятся жестче.

Но годы промчались над ним, как будто не задев. При железной воле в работе и борьбе Серго попрежнему остался мягким сердечным другом, товарищем, земляком. Он жизнерадостен. Среди товарищей — гостей он первый запевала. Но особенно нежен и весел он с детьми. У него есть дочка Этери (этери по-грузински эфир). Ей теперь 10 лет. Серго редкий, любящий отец. Он не только забавляется с ней, но по-серьезному расспрашивает ее и интересуется всем, что занимает Этери. Еще два-три года назад Этери выбрали в санитарную комиссию класса и она строго осматривала чисты ли зубы и ногти у ребят. А товарищ Серго интересовался этим так живо, как будто у него за плечами нет ни прожитых лет, ни большой работы.

Он хорошо знает, что делают ребята в том пионерском отряде, где состоит Этери. Да ведь если бы он так относился к одной своей дочке, было бы не удивительно: мало ли отцов любят своих детей. Но вот когда он на даче, то все окрестные ребята тянутся к «дяде Серго», зная, что он не из таких, которым ребята надоедают.

Вот слабость, если можно назвать это слабостью, этого железного большевика. Ведь мы знаем, как относились к детям Ленин и Дзержинский, как любил детей Маркс, как тепло относится к детям Сталин. Все это, очевидно, потому, что настоящие большевики видят в детях свое будущее, будущее человечества.

Может быть, Серго, глядя на детей, вспо-



Товарищи Сталин и Орджоникидзе в президиуме XVII партс'езда.

минает свое безрадостное детство, без матери: она умерла, когда ему было полтора месяца, — без отца, он лишился его семи лет. Тетя Эка заменила ему мать. После стал заботиться о нем подросший старший брат Папулия. Серго жил впроголодь — на чуреке и фасоли — и даже доучиться в школе ему не удалось: не было средств. Он пошел на выучку к пролетариату и его ленинской партии. И стал крупнейшим революционером ленинской закалки, одним из руководителей партии и правительства.

27 октября ему исполнилось 50 лет. Из этих 50 лет 33 года он отдал революции и партии. Ни в какой другой партии, кроме большевистской, он никогда не состоял, и в этой партии никогда не был без дела.

Серго — не только уважаемый всеми нарком, боевой командарм социалистической индустрии, — он один из самых любимых людей в нашей партии. И не только в нашей, но и во всех партиях, которые образуют Коммунистический интернационал.

Его прекрасно знают враги. О нем писал Деникин в своих записках, после того как белых выгнали из Советской страны; его ненавидели грузинские меньшевики; мерзавцы и предатели: Троцкий, Зиновьев и Каменев, — составляя список своих убийств, вписали рядом с именами Сталина, Кирова, Кагановича, Ворошилова, Постышева, Жданова имя Серго Орджоникидзе.

Что может лучше украшать большевика, как любовь трудящихся и ненависть их врагов?

И в день пятидесятилетия весь советский народ и большевистская партия приветствуют одного из своих руководителей, железного большевика, сердечного человека, горячего и непримиримого бойца за дело Ленина и Сталина — Серго Орджоникидзе.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

«КОМПАС»

Известия Географического общества № 6

Имена на карте

Баренцево море, море Лаптевых, мыс Челюскина, мыс Дежнев, Берингов пролив, остров Бегичев — какие знакомые названия! По этим морям и проливам, мимо этих островов, плывут советские суда, над ними проносятся советские самолеты. И все знакомее, все родней становятся для нас эти названия. Далекие места вдоль Северного морского пути тесно связаны со всей страной. Мы смотрим на карту, следя за героическими перелетами наших летчиков, за походами наших ледоколов. Мы хорошо ее знаем, карту Севера.

Но кто те люди, именами которых названы острова, заливы и целые моря? Кто такие Беринг, братья Лаптевы, Семен Дежнев? Зачем забирались они на Север, чего искали, во имя чего многие из них тут и погибли? Некоторых из этих исследователей Севера мы все хорошо знаем и любим. Мы радостно встречаем их имена на карте. Остров Воронина! Ну кто же не знает капитана Воронина, первого капитана, проведшего свое судно в одну навигацию Северным морским путем? Острова Шмидта, Ушакова, Визе... Это сегодняшняя героическая история Арктики. Но есть на карте имена и тех людей, которые умерли столетия назад. Мы должны знать и их. Названия на карте нашего Севера — это история его завоевания.

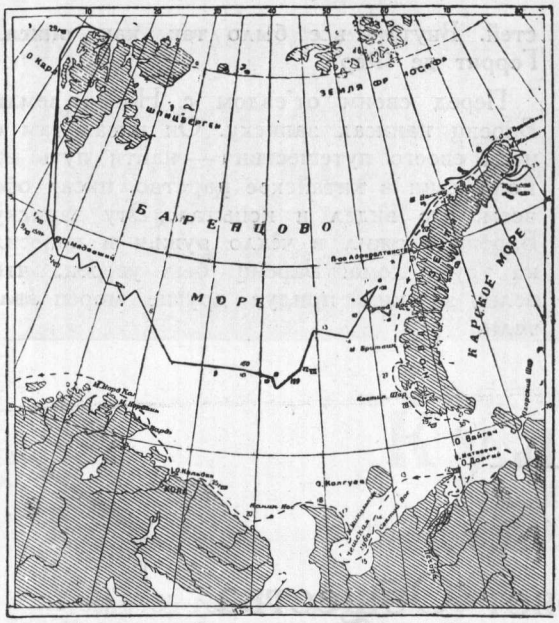
Давайте, ребята, развернем карту, и пусть она на этот раз говорит нам о людях.

Дорога в Китай

Баренцевым морем называется часть Северного полярного моря между Шпицбергеном, Землей Франца-Иосифа, Новой землей и материком Европы. В 1594 году оно еще так не называлось. Голландский штурман Виллем Баренц, давший впоследствии этому морю свое имя, тогда совершал по нему первое плавание. Вместе с адмиралом Корнелием Наем он возглавлял голландскую экспедицию. Семь парусных судов пытались пробраться из Голландии в Китай и Японию северным путем.

Еще до этого голландские и английские моряки забирались в эти воды. Дело в том, что южные морские пути на восток были в руках Испании и Португалии, сильнейших морских держав того времени. И двум другим морским странам — Англии и Голландии — приходилось искать новых торговых путей. Адмирал Най и Баренц были настолько уверены в успехе своей экспедиции, что даже погрузили корабли товарами

Корабль Баренца во льдах. Снимок со старинной гравюры.



Плавание Баренца в 1596—1597 гг.

Плавание в 1596 г.
Плавание в 1597 г.

для Китая. Но в Карском море экспедицию встретили тяжелые дни. Пришлось вернуться.

Неудачной была и экспедиция следующего года. Но Баренц не сдавался. В 1596 году город Амстердам снарядил новую экспедицию. Баренц был главным штурманом и фактическим начальником ее. Эту экспедицию подробно описал ее участник Геррит де Фер, второй штурман на корабле Баренца.

Баренц добрался только до Новой земли. Льды не пропустили корабль дальше. В августе Баренц понял, что его экспедиция затерта во льдах, и решил остаться зимовать на Новой земле.

«Льды становились многочисленнее и все теснее и теснее окружали корабль. Казалось иногда, что он будет неминуемо раздавлен. Ужасно было все это видеть, волосы становились дыбом», — пишет Геррит де Фер в своем дневнике. Вскоре экспедиции пришлось высадиться на берег. На свое счастье голландцы нашли там деревья, принесенные течением из Сибири. Их было так много, что хватило не только на постройку дома, но и на топливо.

Дом, в котором зимовала экспедиция Баренца, вы можете рассмотреть на рисунке Геррита де Фера. Дом этот состоял из одной комнаты, с очагом посредине, с нарами для спанья по стенам. Пустую бочку превратили в ванну.

Трудно было мореплавателям суровой, полярной зимой. Устроенная над очагом труба мало помогала. Приходилось или мерзнуть или задыхаться в дыму. Лисицы и медведи бродили по занесенной снегом крыше, скреблись и выли, чувствуя поживу. Почти все участники экспедиции сильно ослабели от цынги.

С какой радостью принялись голландцы весной готовиться к от'езду. Но весна наступала здесь поздно. Море медленно освобождалось ото льда. Только 13 июня 1597 года тронулся Баренц в обратный путь. И то он вынужден был бросить свой корабль, который еще стоял в ледяных оковах, и погрузить экипаж на две самодельные шлюпки. На этих шлюпках 15 полубольных моряков должны были совершить длинное и трудное плаванье.

Сам Баренц был очень слаб. Но он продолжал руководить экспедицией. Помогал де Феру составлять карту путешествия, поддерживал бодрость духа у своих спутников. Умер он внезапно. «Мы даже не думали, что он так болен»,— пишет Геррит де Фер.

Дом, в котором зимовала экспедиция Баренца. Рисунок Геррита де Фера.

Баренц умер в том самом море, которое теперь зовется Баренцевым, а спутникам его удалось добраться до родины. Им помогли встреченные в море русские рыбаки.

Почти через 300 лет после смерти Баренца норвежский мореплаватель Эллинг Карлсен случайно нашел место зимовки Баренца. Дом прекрасно сохранился. Казалось, что его только недавно покинули. Вокруг дома валялись пустые бочки и груды тюленьих и медвежьих костей. Внутри все было так, как описал Геррит де Фер.

Перед своим отъездом с Новой земли Баренц написал записку. Он писал там о цели своего путешествия — найти путь из Голландии в китайское царство, писал обо всем, что видел и испытал. Эту записку Баренц вложил в чехло ружья и повесил на трубу дома. Баренц был уверен, что вслед за ним придут другие мореплаватели.

Выбираем совет Общества

В седьмом номере журнала «Пионер» редакция предложила кандидатов в совет Географического общества. Наши читатели дополнительно выдвинули еще несколько кандидатов.

Саша Бельский предлагает избрать профессора Н. Н. ЗУБОВА, обогнувшего на судне «Книпович» мыс Флигели с севера, участника высокоширотной экспедиции на ледоколе «Садко», и М. П. ЛОСКУТОВА, писателя, автора книг «Тринадцатый караван» и «Рассказы о дорогах», участника Каракумского автопробега.

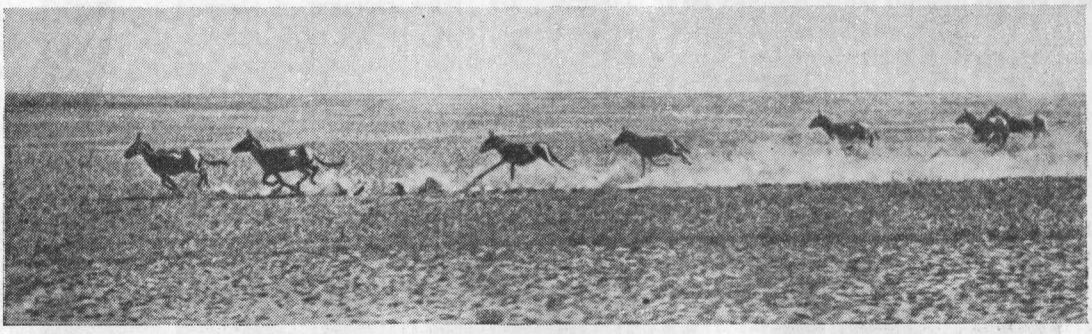
Дима Краузе выдвигает капитана ЛУХМАНОВА, совершившего плаванье на паруснике «Товарищ», автора книг «Соленый ветер» и «20 000 миль под парусами», и А. С. НЕКРАСОВА, писателя, автора книги «Морские сапоги», активного корреспондента Географического общества. За писателя Некрасова присылает свой голос также Костя Светов.

Боря Воробьев пишет:

«Надо выбрать в совет тов. КРЫЛЕНКО Н. В. Он замечательный альпинист. Участвовал в высокогорных экспедициях, а его восхождение на пик Ленина — героический подвиг».

Вы, товарищи, подумайте обо всех кандидатах и пишите, кого вы считаете необходимым избрать в совет.

Проект значка для членов-корреспондентов. Прислал его Володя Саппак (Москва).



Куланы

Профессор Н. П. Розанов

Летом 1935 года Академия наук послала зоологическую экспедицию в Бадхыз. Начальником этой экспедиции был назначен я.

Бадхыз — холмистая страна в юговосточной части Кара-Кумов, в междуречье Теджена и Мургаба. Каракумские пески здесь незаметно переходят в предгория Парапамиза. Северная часть Бадхыза лежит в СССР, а южная — на территории Ирана и Афганистана.

Бадхыз — один из самых неисследованных районов Кара-Кумов. Его животный мир был до нас почти совершенно неизучен. А зверей тут оказалось очень много: джейраны, кабаны, лисицы, шакалы, дикообразы... Но больше всего нас интересовали куланы—дикие полуослы,—которые водятся в Бадхызе.

Кулан — замечательное животное. Это типичный обитатель пустыни: он может пить горько-соленую воду, непригодную для других животных, ест сухие пустынные травы, от которых отказываются лошади. Огромные пространства пустыни, редкие водопои и недостаток пастбищ выработали у кулана способность к большим и быстрым переходам по сыпучим пескам и горам. Бегает он очень быстро. Один американский ученый, Андрьюс, преследовал кулана на автомобиле и измерял скорость его бега по автомобильному счетчику. На расстоянии в полкилометра кулан бежал со скоростью 65 километров в час. Подумайте, ведь это скорость поезда!

Понятно, почему куланы нас занимали больше всех других животных. Ведь если бы удалось приручить кулана, какой бы это был ценный помощник человеку!

В Теджене мы распростились с железной дорогой и двинулись на грузовике в оазис Серахс, маленький городок на правом берегу реки Теджена. Этот городок весь вылеплен из глины. Глиняные дома, глиняные заборы. Все постройки низенькие, с плоскими крышами. Вокруг Серахса лежат кольцом поливные поля, а дальше, километров за 12—15 к востоку, начинаются солончаки и пески пустыни. На юге они переходят в холмы Бадхыз. Вот здесь-то мы и начали свою работу.

Пустыня тут прорезана долинами речек. Долины заросли камышом, осокой и густым низкорослым лесом. Ива, тополь, колючая джида тесно переплелись друг с другом. Такие заросли, похожие на джунгли, в Средней Азии называют тугаями.

В тугаях много животных. Мы забирались туда в лунные ночи, устраивали себе засидки и наблюдали ночную жизнь тугаев. Днем-то все зверье таится от зноя в непролазных чащах, а с заходом солнца тугаи оживают: животные отправляются на водопой и кормежку.

Жизнь наших среднеазиатских джунглей очень своеобразна и интересна, но я уже говорил вам, что нас больше всего занимали куланы, а они водились в широких открытых долинах и холмах. Мы договорились с туркменскими охотниками, и они взялись доставить нам куланов живьем.

Кулаченок скоро стал ручным.

На рассвете четыре охотника отправились высматривать куланов. Джигит Теке-Мамет поехал направо, к южным холмам, трое других забрали левей, чтобы охватить обширную долину с востока и севера.

Перевалив через первую гряду холмов, Теке-Мамет заметил вдали, на склоне холма, большой табун куланов.

Они шли так далеко, что рассмотреть и тем более сосчитать зверей было нельзя. Неопытный глаз новичка и вовсе не узнал бы куланов в этих чуть заметных темных точках.

Окинув взглядом безбрежное море окружающих холмов, Теке-Мамет решил, что надо под'ехать к куланам с юга, скрываясь за буграми и выждав, когда товарищи далеко заедут на север и восток, погнать табун на них. Гнать придется километров 25—30, а там куланов должен встретить один из трех охотников на свежей лошади и со свежими силами гнать их дальше, стараясь направить табун на следующего джигита, поджидающего среди холмов.

Теке-Мамет осторожно об'ехал куланов, спешился в долинке и, подкравшись ползком, стал наблюдать за табуном из-за кустиков ковыля и полыни, выжидая необходимое для заезда товарищей время.

Табун куланов в 40 маток и жеребят во главе с жеребцом спокойно пасся и отдыхал на склоне холма. Легкий северовосточный ветерок дул от куланов навстречу охотнику и не мог выдать его близкое присутствие.

На холме всюду были видны свежие следы куланов. Повидимому, табун давно держался здесь и особенно облюбовал бугор, с которого открывается обширный горизонт и далеко видно приближение врага.

Куланы спокойно паслись.

Несколько жеребят бродило около маток, изредка посасывая молоко и нетерпеливо брыкаясь задними ногами. Два совсем маленьких курчавых жеребенка лежали у ног отдыхавших кобылиц.

Только жеребец все время зорко оглядывался по сторонам. Он обходил табун,

опустив низко голову и прижав уши, то принюхивался к следам на земле и фыркал, то останавливался, вскидывал голову и смотрел вдаль. Его острые уши ни на минуту не оставались в покое.

Куланы напоминали небольших крепких со стройными ногами лошадок, светложелтой масти, с небольшой, почти стоячей черной гривой, переходящей за лопатками в темную полосу. Круглый, ослиный хвост с довольно длинной кистью темных волос не знал покоя, отгоняя назойливых мух и оводов.

Насмотревшись на куланов, Теке-Мамет осторожно сполз в долину к терпеливо ждавшему его стреноженному текинцу, распутал коня, вскочил в седло и карьером выскочил из-за бугра, прямо на не ожидавших нападения куланов.

Испуганные животные сбились в кучу и, подымая пыль, легким галопом пошли на север, вниз, в долину.

Скоро весь табун вытянулся в одну линию. Жеребята не отставали от матерей и часто, брыкаясь, выскакивали в сторону, будто играя. Жеребец отстал и, оглядываясь на преследователя, шел последним.

Теке-Мамет шел полной рысью, а иногда, где почва была ровной и плотной, пускал текинца в карьер.

Всаднику все время надо было зорко следить за дорогой: то тут, то там рыхлая песчаная почва была глубоко изрыта лабиринтами нор песчанок и сусликов. В таком месте она может рухнуть даже под небольшой тяжестью. Лошадь неопытного всадника, попавшая на поселение этих грызунов, часто проваливается по колено, падает и ломает на быстром ходу ноги.

Куланы легко уходили от Теке-Мамета, попрежнему идя рысью и иногда галопом.

Бегут под копытами коня, быстро мелькая, кустики травы, цокает подкова о редкую гальку. Пробегают мимо увалы. Вот прошли уже дно долины с сухим руслом дождевого ручья, ближе набегают далекие вершины. Час за часом проходит время, и не один десяток километров остался позади. Золотистый текинец Теке-Мамета давно вспотел и начинает идти тяжелее, чаще сбивается в галоп.

Вдруг, не доходя до вершины, с отлогого холма куланы резко бросились вправо и рассыпались веером.

Из-за холма с гиком выскочил новый всадник и на свежем коне погнал на восток немного уставших зверей.

Теке-Мамет осадил коня и шагом поехал за холм, в соседнюю долину.

Солнце поднялось высоко и изрядно калило. Вдали, на дне долины, стояли два верблюда и лошадь с запасом воды и обедом уставшему охотнику и коню.

Теке-Мамет напился чаю, закусил лепешкой и джейраньим жареным мясом и, закурив махорку, лег на кошму.

Отдохнув, он взял свежую лошадь и рысью поехал на юговосток, через долину, к далеким холмам. Солнце уже склонялось к западу, жара спадала.

Вдали показалась цепочка темных точек: охотники не упустили куланов, правильно их повернули и теперь гнали их снова на Теке-Мамета.

Куланы уже спустились в долину, когда из-за холмов на перевале показались два охотника, хотя куланы не знали отдыха весь день, а охотники сменяли друг друга, давая отдых и корм своим лошадям. Куланы все также шли рысью, только несколько маток с жеребятами начали отставать. Теке-Мамет выпустил куланов почти до перевала из большой долины и, заехав справа, бросился на табун с полного карьера. Передние куланы остановились, задние смешали их ряды, весь табун сбился в кучу и бросился снова вниз, в долину. Теперь куланы разбились на группы. Несколько отставших маток с жеребятами пошло налево, вдоль долины. За ними помчался Теке-Мамет, стараясь завернуть их еще правее, навстречу двум охотникам.

Три маленьких жеребенка отбились от других и кучкой помчались вдоль долины, вытянув морды и прижав уши. Из-за холма наперерез им вылетел джигит. Два кулаченка успели миновать холм, а третий, самый маленький, отстал, под самыми ногами лошади повернул и помчался обратно. Но здесь на него скачет со страшным криком в пестром халате Теке-Мамет и растерявшийся жеребенок кидается снова в сторону. У него от усталости и страха дрожат и не слушаются ноги: он встал и беспомощно оглянулся.

Это его погубило: уставшая лошадь охотника с карьера налетела на него грудью, не рассчитав последних скачков, споткнулась сама и сшибла кулаченка. К нему, развевая халат, соскочил, как коршун, с мокрого

коня Теке-Мамет и прижал тяжелым коленом к земле.

Очнулся куланенок со связанными крепким волосяным арканом ногами.

Вдали, в долине, был еще слышен топот и крики погони. Одному из отбитых куланят удалось уйти. Другого загнали в рытвину от весенней воды и, когда он хотел выскочить из ее крутых берегов, набросили аркан и повалили на землю.

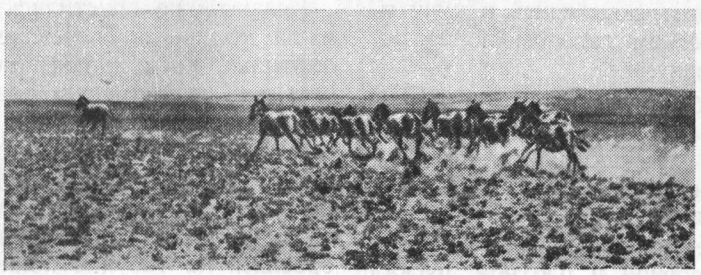
Маленький пленник яростно бил ногами и кусался, но ловкие и цепкие руки придавили его к земле и крепко связали ноги.

В сумерках недалеко от костра и стреноженных лошадей и верблюдов на земле лежали два пойманных куланенка. Один все время делал попытки вскочить, бился и грыз землю, а второй только слабо приподымал голову, хрипел и то и дело закрывал печальные глаза — к утру его не стало. Налетевшая лошадь сломала ему несколько ребер и отбила легкие. Утром оставшегося жеребенка обложили мягкими кошмами, бережно погрузили на верблюда и повезли через холмы и песчаные барханы Кара-Кумов в Серахс.

В дороге куланенок ничего не ел, но воды выпивал по нескольку ковшиков, стараясь укусить подававшего ее охотника.

В Серахсе куланенка поместили в конюшню и сначала кормили молоком, а вскоре перевели на сено. Жеребенок очень любил сахар и свежую траву.

Скоро он стал совсем ручным.



Жеребец уводит табун от охотников.

Организуем географический кружок

«Мы, пионеры 251-го отряда при Малаховском детгородке, прочитали в журнале «Пионер» о Географическом обществе «Компас» и очень заинтересовались.

Мы очень любим географию и хотели бы больше узнать про Арктику и про всю нашу страну. Мы любим читать про путешествия, про великих исследователей. У нас организуется географический кружок. Помогите составить план работы этого кружка и укажите, что нам прочитать о жизни различных народов, о путешествиях, а также о животных и растениях.

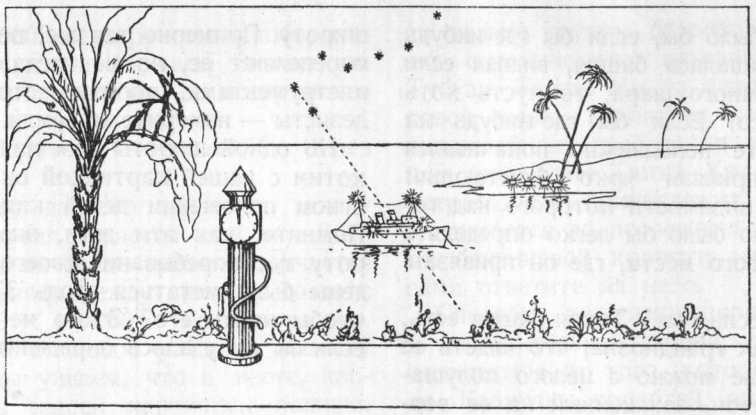
Секретарь кружка: Фаня Островская.

Члены кружка: Ворвулева, Андреева Ляля, Титов Витя, Островская Ева, Прокопов, Елагина, Пелевчук, Шикин, Мартынова, Андреева Зоя, Тараканов, Шикарева, Середа, Терешкин, Рагозин».

Дорогие ребята!

Мы все в редакции очень обрадовались, прочитав ваше письмо. Молодцы вы, что организуете кружок. Конечно, мы с удовольствием будем вам помогать. И давайте как-нибудь соберемся друг к другу в гости. Вы к нам, в редакцию, на интересную лекцию по географии, а мы к вам, в детгородок. Хорошо?

О том, как вам лучше работать в кружке и что читать, мы вам напишем отдельно, почтой. А пока, ребята, всего лучшего. Пишите нам.



Таинственный остров

Л. Успенский

Вот превосходная картинка. Гудронированное шоссе тянется по берегу южного ночного моря. Пышная растительность юга темнеет повсюду: банан на переднем плане, пальмы на невысокой косе берега по ту сторону залива. Ровно полночь. Ярко освещенный океанский пароход бросает якорь на рейде. Часы на бензиновой колонке шоссе показывают 12.

Здесь полночь, а в Ленинграде часы Пулковской обсерватории в эту минуту бьют ровно полдень. С Петропавловской крепости гремит выстрел полдневной пушки. Гудят обеденные заводские гудки, звонят звонки на большую перемену в школах...

Теперь скажите мне уверенно и подробно: какая земля и какое море изображены на нашем рисунке? Кому, какой стране принадлежит эта земля? Чем замечательна? И, наконец, куда упадет тень от башенки с часами, когда полдень наступит здесь, а в Ленинграде будет полночь?

На первый взгляд ответить на заданные вопросы не мыслимо. По общему впечатлению ясно, что дело происходит в тропиках. Но ведь тропики — это пятитысячекилометровая полоса, тянущаяся вокруг всей земли. Да и субтропики на них похожи. Как же узнаешь, что за место нарисовано тут? Его нельзя найти, невозможно узнать.

Так думает негеограф. Но географ, внимательно рассмотрев рисунок и еще приняв в расчет все, что было о нем сказано страничкой раньше, легко узнает и найдет это место. Что значит для географа «узнать и найти»? Это значит определить широту и долготу данного пункта.

I. Как определяют широту

Уверяют, что в древнем Вавилоне возвышалась над стенами города гигантская башня с ярко сияющим золотым куполом. Тот, кто стоял у самых городских ворот, видел над собой всю ее великолепную громадину: блистающая маковка сверкала прямо над ним. Надо было высоко закидывать голову, чтобы увидеть ее.

Караван трогался в путь по плодоносной равнине, окружавшей огромный город. Час за часом башня понемногу скрывалась за горизонтом. Были такие всем известные места на дороге, откуда она виднелась только на половину своей высоты; были другие, откуда можно было заметить только верхнюю ее четверть. Был, наконец, и такой замечательный холм, откуда путники в последний раз бросали взгляд на ее вершину. Самой башни уже не было видно. На дальнем горизонте, подобно большой искре, горел только отсвет солнечных лучей на ее золоченом куполе или ночью светился огонь, зажигаемый там...

Все путники знали башню. Приближаясь к Вавилону, они по ней определяли расстояние: «О! — говорили они. — Взгляните: вот купол башни уже появился впереди. Осталось полдня пути!», или: «Смотрите, как высоко сияет купол. Еще два—три часа— и мы у цели!»

Как удобно было бы, если бы где-нибудь на земле возвышалась башня, видная если не со всего земного шара, то пусть хоть с половины его! Если бы где-нибудь на огромной высоте неподвижно покачивался на прочной привязи ярко блистающий стратостат, по видимости которого над горизонтом можно было бы легко определять расстояние до того места, где он привязан. Если бы...

Но почему «если бы»? Такая башня есть. И высота ее так грандиозна, что видеть ее и на самом деле можно с целого полушария земли. Светоч, зажженный на ее вершине, горит веками и тысячелетиями. Века и десятки веков узнают по нему люди, где они находятся. Этот светоч на вершине незримой башни — Полярная звезда.

На огромной высоте, в миллионы миллионов километров, висит она как раз над Северным полюсом земли. Висит так, как будто ее поддерживает гигантский хрустальный столб. Человек, стоящий на самом полюсе, видит ее прямо над своей головой, в зените, на средней точке полярного неба, или, что то же, в 90° от горизонта. Но ведь и широта полюса тоже равна 90°. Наблюдатель с Южного полюса вовсе не увидит Полярной звезды: она будет для него находиться прямо под землей, под ногами, на 90° ниже горизонта. Зато тот, кто устроился наблюдать посредине между полюсами, на экваторе, обнаружит, что Полярная звезда видна для него на самом горизонте. Ее высота равна нулю градусов. Ну, а чему равна широта экватора? Тоже нулю градусов. Очевидно, что широта каждого места на земном шаре равна высоте Полярной звезды над или под горизонтом. Гигантская невидимая башня позволяет установить эту широту.

Где же находится эта звезда на нашей картинке? Чтобы обнаружить ее, надо соединить между собой две передних звезды в стенке ковша Большой Медведицы и продолжить эту линию на пять таких расстояний. Проделайте это. Ясно, что Полярной звезды не видно; она скрыта под горизонтом и притом градусов на 20—25 под ним. Очевидно, мы находимся в южном полушарии, где-то возле 20-го или 25-го градусов южной широты. Как раз в этих местах, под 23° 28′ пролегает южный тропик, тропик Козерога. Мы около этого тропика.

Так определили мы довольно точно свою широту. Примерно так же, по высоте звезд, определяют ее, но не наглаз, а сложными инструментами, моряки, астрологи и геодезисты — измерители земли.

Но одной широты нам мало, если мы не хотим с нашей картинкой оказаться в грустном положении детей капитана Гранта. Помните, как эти дети, зная только широту местопребывания своего отца, вынуждены были метаться вдоль 37-й параллели, чтобы найти его? Этого не случилось бы, если бы им удалось определить его долготу.

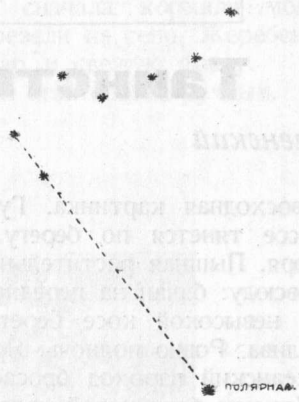


Рис. 1.

II. Как узнают долготу

В Ленинграде — полдень. Солнце в этот миг стоит здесь точно над Пулковским меридианом, в самой высшей точке своего дневного пути. Но что делается в это время возле Сьюарда, на Аляске? Сьюард лежит как раз на другой «стороне земли» от Ленинграда, на половине окружности, в 180° от него. Понятно, что там, за 180°, полночь. Повидимому, чем дальше мы будем удаляться в момент ленинградского полдня от Пулковского меридиана в сторону Сьюарда, в сторону полночи, на восток, тем ниже будет стоять там в этот момент солнце. Очевидно, между долготой места и временем суток существует неразрывная связь. Но какая?

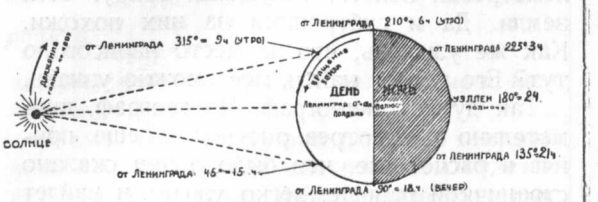
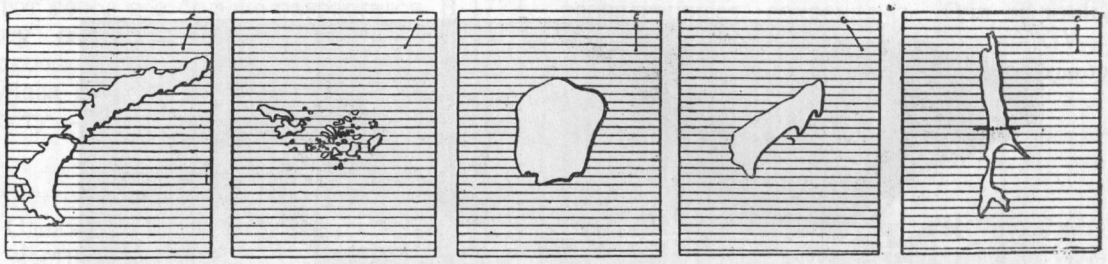


Рис. 2.

Земля, все 360° ее окружности, оборачивается вокруг оси в 24 часа. Значит, за один час любая точка на ее поверхности совершает оборот в $\frac{360}{24} = 15°$. Через каждые 15° от данного пункта к западу и к востоку время меняется на 1 час. Если в двух местах на земле время различается на 4 часа, разница между ними по долготе составляет $15 \times 4 = 60°$. Смотрите рис. № 2. Вот вам и способ узнавать долготу места. Если мы узнаем, что в месте, изображенном на нашей картинке, полночь бывает тогда, когда в Ленинграде полдень, можно утверждать, что оно лежит на 180-м меридиане от Ленинградско-Пулковского. На том же 180-м меридиане, что и Сьюард, но только не на севере, а у тропика Козерога. Взгляните на глобус или карту. В этих местах среди безграничной пустыни Тихого океана из волн вздымаются только группы островов с причудливыми океанийскими названиями: Паумоту, Тубуаи, Таити. Мы на одном из этих островов, всего вероятнее, на сравнительно возвышенном, населенном и благоустроенном архипелаге Таити. Как и все соседние острова, он принадлежит Франции. Что же касается до последнего вопроса, о тени от бензиновой колонки,— вы, разумеется, сами ответите на него.

Способы, которыми определяют долготу в действительной жизни, по существу не отличаются от того, который мы разобрали. Капитаны кораблей, пилоты самолетов возят с собой точные часы — хронометры, поставленные по времени Гринвича или какого-либо другого важного для них пункта. Сравнивая их показания с солнечным временем того пункта, где корабль находится, они определяют его долготу. Научиться делать это следует и каждому из нас. Может быть, он будет капитаном или пилотом.

Какие это острова?



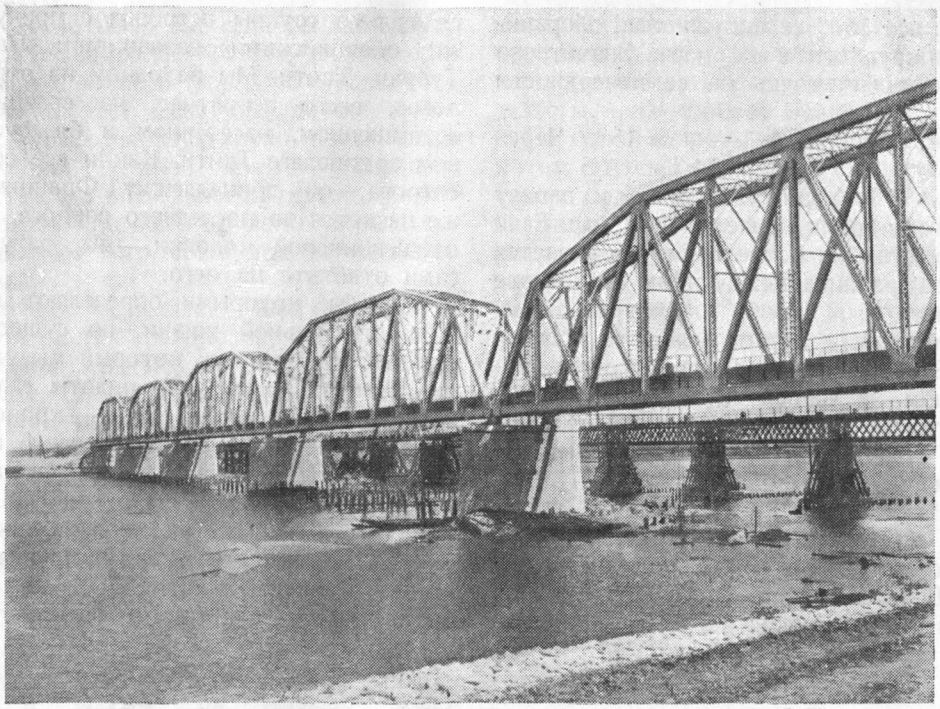
Фамилии ребят, правильно указавших названия островов, будут напечатаны.

Знаешь ли ты географию?

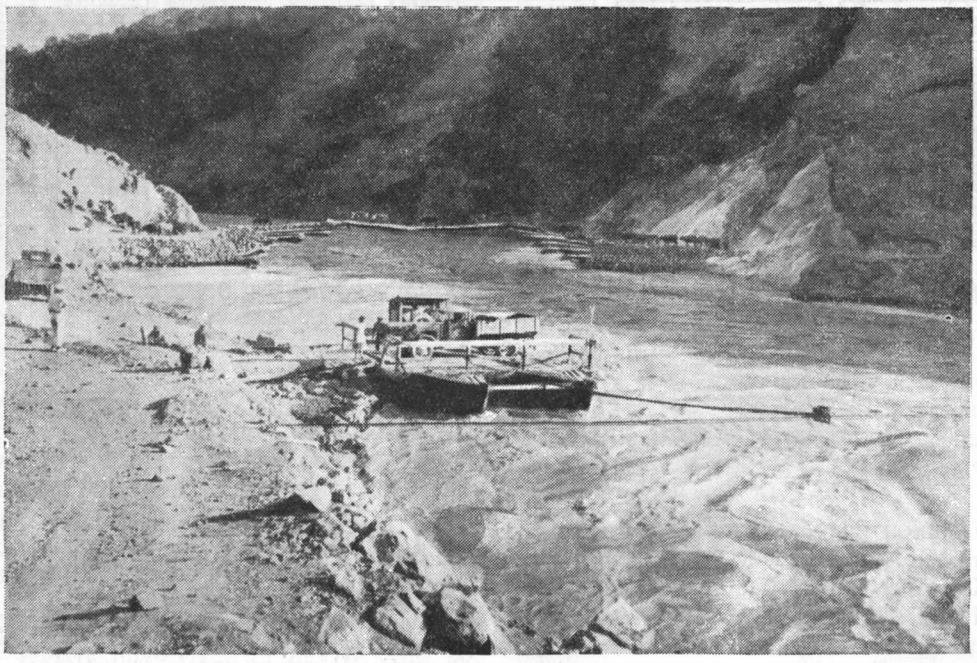
1. У какой из рек СССР самая большая дельта? Укажите площадь этой дельты.
2. Какое самое глубокое озеро в мире?
3. Через какие крупные озера проходит граница СССР?
4. Как называется самая восточная точка нашей страны?
5. Перечислите города, расположенные по Волге и носящие имена великих революционеров.

Вопросы придумал *Коля Жуков*

Село Б. Шереметьево,
Воронежской области.



Ахтуба — самый большой рукав в дельте Волги. Недавно через этот рукав построен новый мост.



В горном Таджикистане прокладывают новые автодороги, строят мосты и паромы для переправы автомобилей через реки. На снимке: паром на реке Зеравшан.

Город Остров

Остров! Странное название для города. Правда? Это название к нашему городу перешло от старинной крепости, построенной на острове посредине реки Великой.

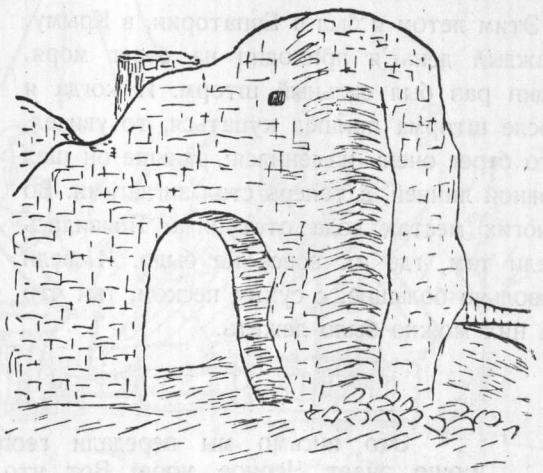
В древние времена этот остров был пунктом, очень удобным для защиты,— неприятелю трудно было взять его.

Основание крепости относится к XIV веку, приблизительно к 1342 году. Стены ее сложены из камней и известняковых плит, выломанных на реке. Крепость Остров стояла почти на границе с Литвой.

В 1581 году она была осаждена войсками Стефана Батория. Взяв ее, он двинулся на Псков. Я слышал рассказ, что когда после продолжительной осады крепость была взята, внутри ее оказалось только 12 стрельцов. Только эти 12 человек защищали крепость, прикрывая отступление остального гарнизона. А те ушли подземным ходом под рекой и спаслись от войск Батория.

По миру с Москвой, Остров был возвращен Московскому государству, но он потерял свое военное значение. Дальше идет история уже не крепости, а города Острова. Этот город все больше разрастался. В 1777 году он был об'явлен уездным городом Псковской губернии. В 1853 году через оба рукава реки Великой было построено по мосту — Остров соединили с берегом.

Рис. Игоря Смирнова.



После Октябрьской революции наш город стал районным центром. У нас есть кирпичный и льнообрабатывающий заводы. Дом культуры. Строятся большая электростанция и новая школа.

А стены старой крепости, хоть и полуразвалившиеся, сохранились. Они напоминают о старых временах, о России XIV—XVII веков.

Игорь Смирнов
г. Остров, Ленинградской области, ул. Крутой ручей, 23.

Встреча с лосем

Однажды я решил устроить экскурсию в местный заповедник Колупеиху. Сказано — сделано. Я забрал удочки, так как в заповеднике на реке Ченце хорошо клюют головль и елец, и рано утром вышел из дому.

Тропинка шла лесом. Кругом темнели ели, изредка попадались ольха и береза, росли кусты смородины. Увлекшись смородиной, я зашел глубоко в лес, а когда спохватился, то вокруг меня было высохшее болото, все поросшее ельником и мхами. С еловых веток большими прядями свешивался висячий лишайник, издали похожий на волокна льна.

Ориентируясь по солнцу, я стал выбираться из лесу. Тут одно из моих удилищ наткнулось на дерево и сломалось. Я вышел на просеку, сел на пень и стал разматывать леску. Вдруг слышу: хрустнула ветка... потом еще... Я насторожился. В кустах промелькнуло что-то бурое, затем на просеку вышел громадный лось. Он спокойно оглянулся и, не заметив ничего подозрительного, направился в мою сторону. Я уже приготовился удирать и приметил высокую ель, чтобы в случае чего взобраться на нее. Я слыхал, что лоси часто нападают на людей.

В это время лось увидел меня. Он вздрогнул, сделал большой скачок в сторону и исчез в лесу.

Долго сидел я, прислушиваясь к удаляющемуся треску. Потом, наспех замотав леску, я пошел искать тропинку и скоро нашел ее.

Евгений Городилов
Удмуртская АССР, г. Глазов.

Отчего изменился берег?

Этим летом я был в Евпатории, в Крыму. Каждый день я приходил на берег моря. Один раз был сильный шторм. И когда я после шторма пришел купаться, то увидел, что берег очень изменился: раньше он шел ровной линией, а теперь стал зигзагами. Во многих местах вода отступила. Появились мели там, где их вовсе не было. И мели довольно большие, с сухим песком, так что на них можно было лежать.

Я разговаривал с рыбаками, и они мне рассказали, что месяца 2 назад заметили новую мель еще в другом месте, метрах в 10 от берега. Раньше там лодка свободно проходила, а теперь цепляется дном.

Мне интересно, куда же уходит море, откуда взялись мели? Не происходит ли общее обмеление Черного моря?

Даня Подоляк
Москва, Маросейка, 10, кв. 4

Это письмо мы передали географу тов. Шустову, который хорошо знает Черное море. Вот что он ответил:

«То изменение береговой линии, которое Даня наблюдал в Евпатории, вызвано деятельностью морских волн. Дело в том, что берег там песчаный, очень мягкий. Прибой и струи морских течений легко размывают его и переносят песок с одного места на другое.

Происходит это не только в Евпатории, а всюду, где берег песчаный. После каждого шторма очертания таких берегов меняются. Исчезают старые отмели, появляются новые.

Но говорить об общем обмелении Черного моря не приходится. Никаких данных для этого нет.

Ответы на задачи

Фамилии всех приславших правильные ответы мы поместить не можем: не хватает места. Помещаем только фамилии тех, чьи ответы пришли самыми первыми.

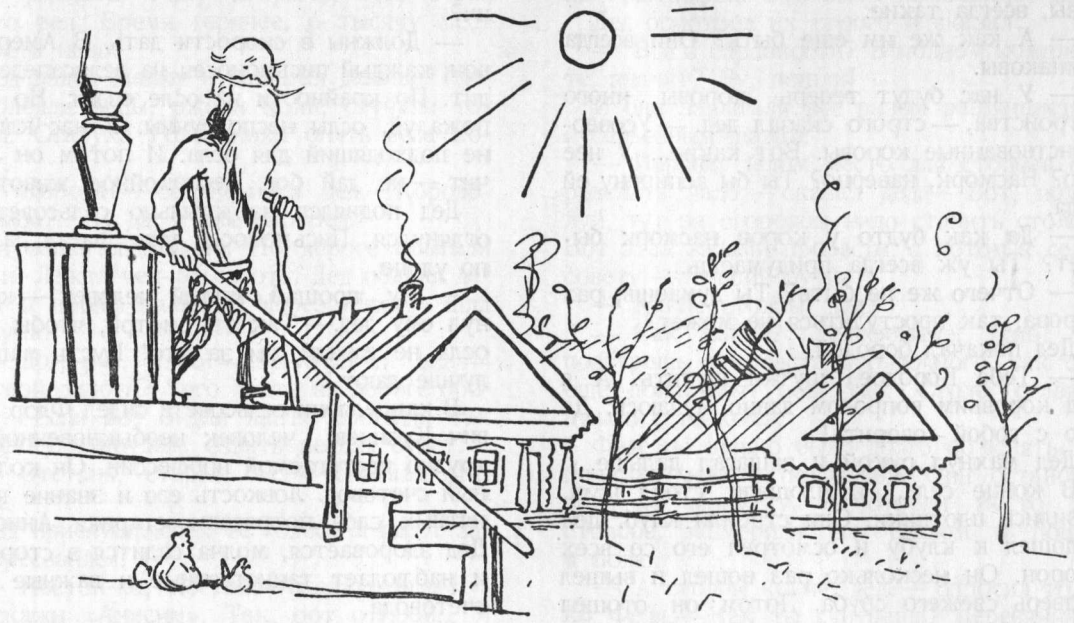
«На карте в № 7 изображен залив Каспийского моря Кара-Бугаз. Вода его содержит большой процент глауберовой соли», — пишет Витя Яблонский (Куйбышевский край).

Витя ответил верно. Кроме него правильные ответы прислали Изя Краснов (Киев), Виктор Пискупов (Мамонтовка), Нина Бессонова (Свердловск), Вячеслав Сидоренко (Северный Кавказ), П. Биленко (Киевская область), Оля Каменкова (Москва), Ира Суханова (Торжок), Зина Житкова (Москва), Игорь Бурдин (Киев), Женя Мысникова (Балашов), Стась Черневич (Коханово), Лиля Моногарова (Москва), Наташа Нестурх (Москва), Н. Жуков (Воронежская обл.), Б. Брусиловский (Киев), Даня Подоляк (Москва) и Макс Беренштейн (Каменец-Подольск).

На картах в № 8 изображены полуострова: Камчатка, Мангышлак, Бузачи, Таймыр, Ямал, Канин, Кольский, Чукотский и Крым.

Правильные ответы прислали:

С. Сосновый (Харьков), Мила Корецкая (Москва), В. Мерешь (Шемурша, Чувашской АССР), В. Смуров (Кинешма), Гарри Орлянский (Одесса), А. Кокорин (село Филейки), М. Беренштейн (Каменец-Подольск), М. Польский (Москва), В. Пивоваров (Воронеж), Л. Дубров (Бобруйск), Вова Печников (г. Калинин), Надя Пешкова (г. Киров), Миллер (г. Горький), Игорь Руденко (Донбасс), Масленников (Томилино), Муся Карпенко и Рита Понятина (Красногвардейская), Алик Фриц (Курск), Женя Тыманович (Киев), Броваренко (Старобельск), Женя Кириллова (станция Ак-Булак), Л. Красильников (Винница), Юра Ганеев (Ленинград), Шамиль Мухамедьяров (Казань), Валя Синякова (Одесса), Георг Лисициан (Ереван) и многие другие ребята.



Дед Бородоед

Рассказ М. Лоскутова *Рис. А. Каневского*

Утром дед вышел на крыльцо. Он посмотрел направо и налево, вверх и вниз. Все было в порядке. Дед снял шапку.

— Честь-почтение всему этому миру, пташкам, таракашкам и всем прочим животным созданиям,—крикнул он,—от старого мужика Анисима, по прозванию Бородоед, из колхоза «Трудовые дни», белогрудского сельсовета, Малявского района, Боровское почтовое отделение! Ура!..

Солнце светилось на его лысине, как на лесной поляне.

Он прислушался. Где-то шевелились пташки, таракашки, галки на крыше.

— Ура! — сказал дед еще раз, потом накрыл голову и зашагал по деревне. Дед очень стар и опирается на палку. Однако палку таскает он для пущей важности: она скорее только задерживает его движение, без палки ноги его побежали бы, наверное, сами собой невесть куда. Всюду им необходимо поспеть, всюду есть очень важные дела.

Дед подошел к ремонтному колхозному сараю. Там починяли конную молотилку.

— Работаете? — спросил дед.

— Работаем, дед Бородоед, — сказали ему дружно.

Имя было у деда: Анисим Григорьевич. Была у него и фамилия, но никто ее не знает, и звали его все Бородоедом.

Дед посмотрел несколько минут и так и этак. Потом обошел молотилку со всех сторон.

— Молотилка?—спросил он.

— Молотилка, Анисим Григорьич, — отвечали ему.

— Ну, работайте. А я пойду.

По улице тетка Голованиха вела корову к ветеринару. Дед остановил ее и внимательно осмотрел.

— Корова?— спросил он.

— Корова, дедушка Бородоед.

Дед ощупал корове живот, голову.

— Гм... да, корова... Рога? — сказал он.

— Рога, Анисим Григорьич.

— Да, я вижу. Действительно, они, коровы, всегда такие.

— А как же им еще быть? Они всегда одинаковы.

— У нас будут теперь коровы иного устройства, — строго сказал дед. — Усовершенствованные коровы. Вот какие... У нее что? Насморк, наверно? Ты бы аспирину ей дала.

— Да как будто у коров насморк бывает? Ты уж всегда придумаешь...

— Отчего же не быть? Ты думаешь, раз корова, так простудиться не может?

Дед покачал бородой.

— Тебе Бородоед шутки шутить. А я над коровьим вопросом давно мучаюсь. Да что с тобой говорить!

Дед махнул рукой и зашагал дальше.

В конце села, на площади, стоял шум, возились плотники. Они строили клуб. Дед подошел к клубу и осмотрел его со всех сторон. Он несколько раз вошел и вышел в дверь свежего сруба. Потом он отошел поодаль, зажмурил глаза и сразмаху опять вошел в дверь. Так он сделал несколько раз.

— А она у вас высокая будет? Дверь-то? — спросил наконец он плотников.

— А на что она тебе высокая?

— Как на что?! Чтобы, знаешь, всякий мужик мог войти. Потом артисты бывают длинные. Это я такой короткий, а другим, может, сгибаться придется.

— Не придется. Сделаем в акурат, дедушка Бородоед, будь спокоен,— сказали плотники.

— Ну, смотрите, ребятушки! А то вы не представляете, до чего длинные некоторые мужики бывают, уж это я знаю. Что же им — и в театр не придется ходить?..— развел дед руками и зашагал к сельсовету и правлению колхоза.

Перед правлением он встретил письмоносца. Тот нес пакеты из города. Дед остановил его.

— Мне там никаких сообщений не поступало?— спросил он.

— Нет, кажется, не имеется, Анисим Григорьич, — сказал письмоносец, надевая очки и просматривая пакеты.

Собственно, можно их было и не просматривать, так как для Бородоеда там писем нет и никогда не было, да и ни от кого не может быть.

— Достойно удивления! — сказал, однако, дед, — что-то долго не пишут. Должно, делами заняты. Пускай... Велисапеда еще не дали?

— Какого велосипеда, Анисим Григорьич?

— Должны в скорости дать. В Америке, вон, каждый письмоносец на велисапеде ходит. По крайности на осле ездит. Но нам, пожалуй, ослы несподручны. У нас климат не подходящий для осла. И потом он кричит — не дай бог, беспокойное животное.

Дед поднялся на крыльцо сельсовета и оглянулся. Письмоносец уже шагал далеко по улице.

— Ну, прощай, милый человек!— крикнул ему дед.— Так ты смотри, чтобы тебе осла не давали, ни за что! Пусть машину лучше дают...

В канцелярии сельсовета сидел Флор Саввич Куличев, человек необыкновенной и трудно постигаемой профессии. Он колхозный счетовод. Ловкость его и знание непонятных слов потрясают старика Анисима. Дед здоровается, молча садится в сторонке и наблюдает таинственные и важные дела счетовода.

Потом он покашлял в кулак. Потом приблизился к столу, снова покашлял.

— Я, Флор Саввич, известно вам, человек международный,—наконец сказал он.— Ежели я не знаю все мировые новости, у меня начинается болезнь... Ты уж расскажи, будь добр, как ты человек при власти...

— Какие же новости, Анисим Григорьич? — спросил счетовод, откидываясь на стуле.— Из заграничных газет еще не было. А из внутренних — вот машину получили. Бумажка из банка пришла насчет животной отчетности. Каждая коровоединица должна строго по новой форме теперь идти...

— Коровоединица?— тихо ахнул дед.— Ух, ты!..

— Да-а... Тут, знаете, чтобы все по форме было. В день, может, сколько дел разобрать и определить нужно! Дело ответственное. А вот, говорят, еще проведут телефон, так совсем и не то будет.

— Неужто телефон?— ахнул дед.

— Конечно.

— Ух ты!.. И звонить, значит, будет?

— Ну ясно, не без этого. Чуть что, прямо: «Др-р-р-р. Позовите счетовода». «Др-р-р. Алло. Говорят с вами из города...»

Дед зажмурил глаза. Посидев немного так, он покачал головою и вышел на улицу.

— Др-р-р-р. Алло... — сказал он, качая головой. — Ах ты...

Однако нужно приступать к своим обязанностям. Собственно, числится дед Бородоед полевым сторожем, но до того, как

идти сменить Фому Егорыча, еще очень много дел. Время горячее, в тысячу мест поспеть надо.

Дед надел шапку и зашагал дальше. Где-то блеяли овцы, ржали кони, стучали топоры. Старуха Голованиха опять вела корову.

— Корова?— остановился дед.—Коровоединица?.. Ну да, я уже смотрел.

Он зашагал дальше. По дороге прыгали галки. Лежал чей-то лапоть. Дед поднял лапоть и пошел дальше. Через дорогу шла старуха.

— Др-р-р-р. Алло! — крикнул ей дед. — Не твой лапоть? Чего лапти на дороге бросать? Если все будем лапти бросать, так и дорогу запрудим, ездить нельзя будет.

— Отстань, старый бес! — сказала старуха.

Дед прислушался к ее голосу и вдруг заинтересовался.

— Постой-ка, постой,—сказал он.—Ну-ка скажи «Анисим». Так, рот открой... Я думаю, не определить ли тебя в кружок хоровой. Голос у тебя подходящий. Клуб у нас строят, кружок пора уже теперь готовить. А то когда успеешь?..

— Тьфу! — плюнула старуха и отвернулась.

— Постой! — закричал ей опять дед.— А ты разве не знаешь, что телефон нам проводят! Уже столбы привезли. Проволоку подбирают.

— Ну-к что ж. Значит, нужно.

— Как что ж!— дед всплеснул руками. Но старуха уже отвернулась и пошла дальше.

Дед сердито сплюнул и зашагал к инвентарному сараю. Он заглянул в сарай, но там никого не оказалось.

Наконец, на краю деревни он увидел Фому Егорыча. Неспеша он шел ему навстречу.

— Анисиму Григорьичу! Сдаю дежурство в полной справности. Приятного апетита, — сказал он и зевнул.

— Подожди, подожди, Фома, — сказал ему дед.— Тут у меня есть один важнеющий вопрос. Как ты думаешь по-научному, чем телефон работает? А?

— Телефон? А бог его знает. Так и работает,—сказал Фома и опять зевнул.

— А ты знаешь что...—начал дед, но тот уже зашагал прочь.

Дед махнул рукой и пошел к полю. У крайней избы он остановился и, засунув два пальца в рот, свистнул. Прислушался и еще раз свистнул. Тут со двора вышли мальчик Федя и лохматый пес по имени Граммофон. Это были помощники деда.

Дед осмотрел их строго и сказал:

— Все в справности? В полном комплекте, значит? Ну, пошли!

И они зашагали все разом размашистым и серьезным шагом.

— Первым делом место для столбов определить надо,— сказал дед.— Вот, пожалуй, тут за огородом надо ставить столбы. Вот этак задами провести, а потом к сельсовету — лучший путь.

— Какие столбы, дед?

— Как какие? Телефонные, ясно! Не подберешь сам места порядочного, так они еще понаставят абы где. Столб ставить нужно с толком...

Феде не нужно было долго об'яснять, он понимал деда с полуслова. Они остановились на минутку, осмотрели место для столбов, размерили его глазом и пошли к полю.

— А столбы какие, дед?— спросил только Федя.— Как ты считаешь? Деревянные?

Дед задумался и почесал бороду.

— Лучше бы всего железные, конечно. Потому деревянный столб и коза может обглодать, некрасиво...

— Да и ребята ножичком исчекрыжат. Верно?

— Известно... Только железа, пожалуй, много пойдет.

— Да, много, конечно,—согласился Федя.

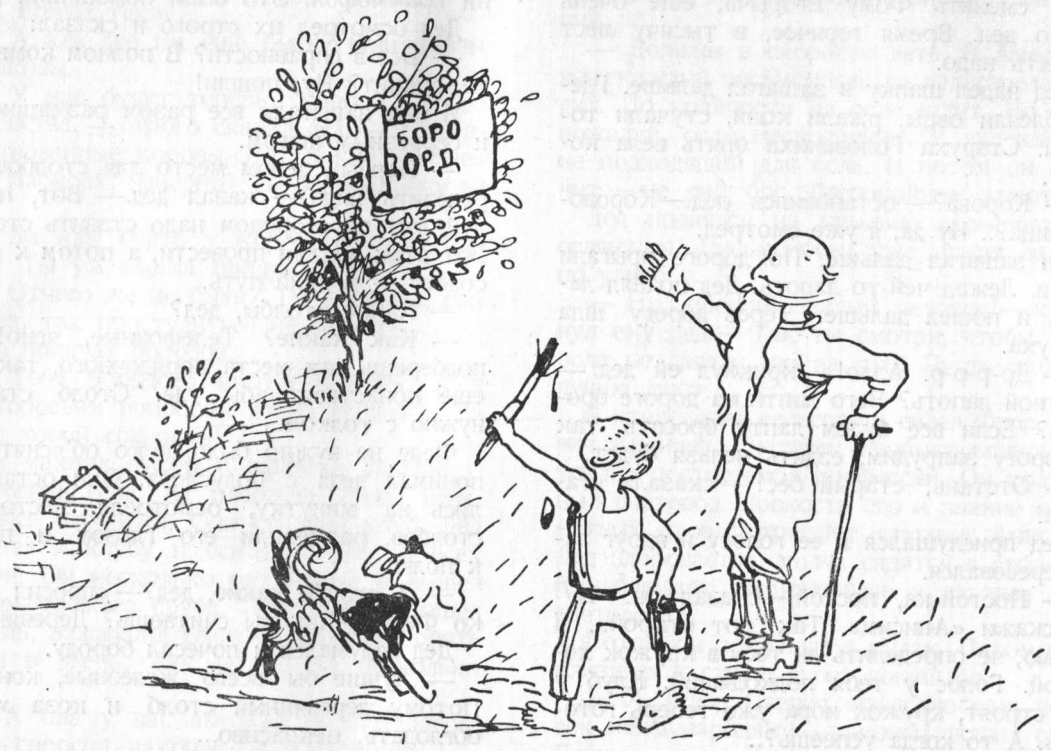
— Придется пока деревянные. Можно краской выкрасить. Есть хорошие краски, оно еще ярче получится, если красной взять.

— А если желтой, дед?

Они согласились на красной и желтой краске в полоску и вышли в поле. В поле стояли картошка, гречиха, капуста. Начинала наливаться рожь. Все надо было обойти, осмотреть со всех сторон. Тут они придумали особенный план, по которому можно все обойти коротким путем и везде побывать. Они разбились поодиночке. Собака Граммофон бежала то за дедом, то за Федей, как когда ей фантазия придет, но сошлись они все вместе на пригорке, у старого клена. Тут у них штабквартира—шалаш и котел на треножнике. Отсюда видно кругом полмира.

— В скорости попрошу еще, чтобы мне подзорную трубу купили, — сказал дед. — Есть отличные трубы, капитанские. Отсюда даже счетовод Фрол Саввич в сельсовете будет виден. Без трубы никак нельзя.

— Ну, а поговорить-то в нее—ведь все равно не услышит?—сказал Федя.



Тем временем подсохла Федина вывеска.

— А, ты, малый, голова сизая! — лукаво щурится дед.—А телефон на что?!

— Неужто сюда тоже телефон пойдет?—изумился Федя.

— Ну ясно! Без этого никак нельзя. Колхозный сторож без телефона, как без рук. Мы его вот сюда, на клен повесим. Чуть что: «Д-р-р. Алло, Фрол Саввич! Как там в Германии, никаких телеграмм не получилось?»

Тут оба они замолчали. Федя мечтательно посмотрел на клен и задумался.

— Ну, ладно, Федор Евстигнеич Копейкин,—сказал дед.—Некогда. Давай начинать, что там у нас имеется?

Федя полез в сумку и вытащил замусоленную бумажку, исчирканную карандашом, банку с клеем, краски и кисти.

— Краска для деревьев. Звонок и ошейник для Граммофона,—сказал он, отмечая карандашом.— Это у нас уже было. Насчет тумбочек, скамеек и колокольни с фонарем.

— Да, так вот,—сказал дед и разгладил бороду.—Заседание об'являем открытым. Граммофон, ложись, не ерзай. Тут, дорогие мои, на повестке весь вопрос получается в устройстве жизни. Жизнь, она вся кверх ногами была построена, оттого много неудобств для человека. Теперь все быстро не вспомнишь — везде что-нибудь нужно, куда ни глянь.

Дед погладил бороду. Федя и Граммофон смотрели на деда.

— Вот, скажем, человек должен ходить по дороге без всяких приспособлений. И смотреть ему по сторонам не хочется. И сесть даже не на что. На землю не всегда сядешь, если грязь. И потом, может быть, у него новые штаны. Без штанов не будешь из-за этого ходить. Вот он идет и идет, без перерыва. А если у него к тому же нога натерта, мозоль? Нужно отдохнуть. Предлагаю сделать скамеечки на дорогах. Пусть люди на здоровье сидят. Потом каждому прохожему знать хочется, чей овес или что там за деревня. Нужно надписи везде понадписать: «Овес колхоза «Трудовые дни». «Корова колхоза «Трудовые дни». Пусть все знают.

— И на Граммофоне?— спросил Федя.

— Верно. И на Граммофоне. И на колокольне большими буквами написать и фонарь повесить. Ночью человек издалека видит, на фонарь топает себе, особенно если

человек немножко еще выпивши, никогда не собьется... Чего же колокольне без дела фигурировать?

Федя выдвинул было вопрос о перенесении колокольни на место шалаша, чтобы с нее все посевы видеть.

— Нет, пожалуй, с этим переждать придется, — сказал дед подумав. — А вот надписи можешь пока что уж выводить. Мы их тут на клен повесим. «Дед, мол, Бородоед. Главный сторож колхоза «Трудовые дни».

Федя развернул бумагу, обмакнул кисть в краску и, легши на живот, принялся выводить большими буквами: «Собака Граммофон».

— Собака — это, пожалуй, и так будет видно, — сказал дед. — Неужели подумают, медведь?

— Ну все же, для верности, — сказал Федя.

— Ну ладно. Перейдем к следующим вопросам.

А вопросов было масса; вот, например, коровьи названия. Нельзя ли переименовать всех коров, лошадей, собак покрасивее, чем было раньше? Что сделать, чтобы пчелы не кусались больше? Как покрасить здание клуба? Как из колодцев воду таскать быстрее и воду вкуснее сделать? Что получится, ежели колодец сахаром посыпать? Что делать с медведями: оставить их в лесу или изничтожить к свиньям?

— Нет, медведь должен остаться, — сказал дед подумав.—Без медведя какой лес, без него скучно будет! Это животная красивая.

— Ну не все красивые,—сказал Федя.

Дед почесал в бороде.

— Ну... чахлых там, облупленных можно поубивать, конечно...

— Ну, а за грибами как же ходить? С медведями?—спросил Федя.—Ведь ежели за грибами не ходить, так сколько их разрастется, это и деваться от них некуда будет.

— А за грибами, действительно...—сказал дед.—А медведя жалко. Зубы, что ли, им подпилить? Или к деревьям цепкой привязать, прямо не знаю, как... Да и вообще лес бы совсем другой нужен. В лесу, знаешь, мужику должно быть так, чтобы беспрерывно душа вздыхала,—вот какой колхозный лес должен быть. Тут тебе фикусы растут, тут тебе лимонадом пахнет. Хочешь закурить,—пожалуйста, махорка на блюдечках лежит, первый сорт, Укртютюнтреста. Плевательницы, конечно, по сторонам. Зачем в лесу плевать на пол?.. А посредине всего стоит баня — на сто персон, и в бане гармонист играет. Заходи и парься под музыку. Эх, ты!..

Дед почесал в затылке и посмотрел на дальний лес. Туда же посмотрели и Федя и собака Граммофон. Все они стали думать о бане с гармонистом.

Федя вдруг приподнялся испуганно.

— Дед! А что ежели воробьи на нее будут садиться, а? Не помешает ли?

— На кого? На баню-то?

— Нет. На проволоку. Разговор будет бежать, а тут воробьи на проволоке сидят...

— Гм... Это вопрос, в самом деле. Хорошо, что ты вспомнил, — сказал дед. — Станут по телефону говорить, а разговору нет. Никто и не догадается, что воробьи на проволоке... Придется нам с тобой сгонять их. Вот что!

— А, может, салом проволоку смазать... Вот жалко, что у меня мало технического образования, а учиться теперь уже некогда. Это уж тебе придется, Федор Евстигнеич. Ты там запиши про воробьев, ничего, смотри, не забудь, делов такая масса еще, страсть...

Тем временем подсохла федина вывеска «Показательный сторож дед товарищ Бородоед». Федя повесил вывеску на клен, и они легли любоваться ею. Вывеска была красива. Особенно выделялось слово «Бородоед»: буквы в нем были написаны красным и синим вперемежку. Федя посмотрел еще на это слово, потом на деда.

— Дед, а почему тебя Бородоедом прозвали?—вдруг спросил он.

— Бородоедом? Гм... А это, видишь ли, раньше я бороду свою ел. Жизнь-то какая раньше была, сам знаешь! Я к тяжелой пище непривыкший, а кроме мякины, конечно, не было ничего. Мужик же я дошлый, с фантазией, вот и придумал. Очень просто: солью посолю и кушаю. А борода-то ведь всегда опять отрастает. Так и питался, пока урядник не запретил.

«Что же это,—говорит,—все мужики бородами начнут питаться, землю пахать некому будет...» Конечно, я еще покусывал потихоньку. Ну, тогда мне каждую неделю сантиметром стали бороду мерить для проверки. Тогда бросил. А то, бывало, отхватишь ножницами кусок — и в суп. Ничего, сносно. Хочешь попробовать?..

Рембрандт ван Рин

1607 год был счастливым годом для Голландии: голландцы одержали при Гибралтаре блестящую победу над испанским флотом и добились независимости своей республики. В этом же году в голландском городе Лейдене у мельника Герменса ван Рина родился сын Рембрандт — один из величайших художников мира.

Заключив перемирие, Голландия отдыхает после тридцатисемилетней войны за свою независимость. Развиваются земледелие, промышленность и торговля. Богатеет страна. Расцветает голландское искусство.

Жизнь в домике ван Рина текла тихо и спокойно. На мельнице на берегу Рейна

провел Рембрандт свое детство. С пятнадцати лет он начинает учиться живописи и гравированию. Лейденские улицы и рынки, родная река с ее туманами, игра солнечных лучей в полутемной мельнице — вот наблюдения, которые Рембрандт еще не умелой рукой переносил на бумагу.

Гуляя по улицам, он встречал характерные типы крестьян, евреев, нищих. Дощечка, покрытая лаком, и игла всегда при нем: если Рембрандта поражала какая-нибудь уличная сценка или привлекало характерное лицо,— молодой художник незаметно и быстро тут же, на улице, набрасывал на доску этюд.

Рембрандт много и упорно трудился. Очень часто он писал портреты своих близких, но еще чаще — самого себя. У Рембрандта было очень выразительное лицо, с характерным ртом, с энергичным подбородком. На лбу, между бровями, глубокая борозда. Внимательный и глубокий взгляд. Сидя перед зеркалом, Рембрандт изучал свое лицо, придавал ему выражение то гнева, то радости, то печали и потом старался передать это на бумаге или полотне. Ни один художник не оставил такого количества своих автопортретов, как Рембрандт. Он писал себя в разные возрасты и во всевозможных костюмах и всегда правдиво, как правдива вся его живопись. В своих портретах Рембрандт стремился не к внешнему сходству, он хотел передать внутренний характер человека.

Портрет старого еврея.

★

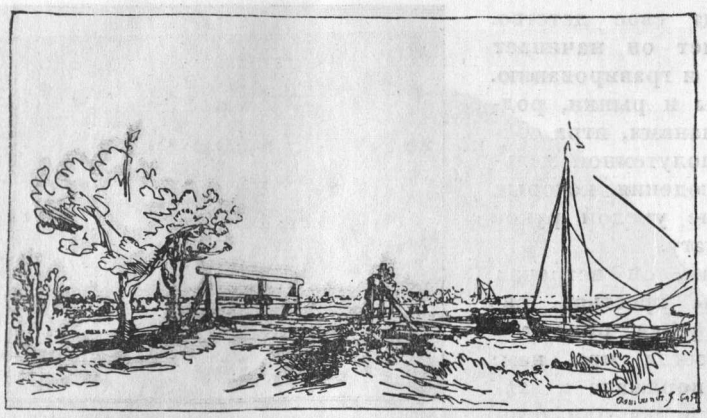
В 1632 году Рембрандт переселился в Амстердам. В XVII веке Амстердам был не только столицей Голландии, но и центром мировой торговли.

Этот город был очень живописен. Красивые дома развернулись широким веером на берегу реки Амстель. Блестящие фасады, покрытые цветными изразцами, отражались в воде. На белесоватом фоне северного неба краснели остроконечные черепичные крыши с причудливыми резными фигурами. Туман, настолько густой, что солнечные лучи лишь с трудом продирались сквозь него, окутывал все предметы голубоватой прозрачной дымкой. Все это очень любил Рембрандт, одаренный необыкновенно чутким пониманием малейших оттенков и тонкости колорита.

По-другому, но не менее живописно выглядели рынки и гавань Амстердама. Прибывающие корабли разгружали здесь товары всех стран мира. Восточные ткани лежали рядом с зеркалами и фарфором. Здесь были хрупкие венецианские вазы и темная нюренбергская мебель. Здесь и заморские фрукты южных стран: апельсины, лимоны, ананасы. Здесь редкие звери, птицы с яркими, пестрыми перьями.

Голландские художники любили изображать все это изобилие на своих великолепных полотнах. Они передавали богатство и расцвет Голландии. Они хотели вызвать восхищение довольством, которого Голландия достигла с таким трудом.

В портретах своих они также изображали богатую официальную Голландию. Художники писали парадные портреты бургомистров, воинов в доспехах, купцов за кассой с весами в руках. Рембрандта не инте-



«Мост Сикса».

ресовала эта парадность. Его прежде всего занимал человек в его обыденной обстановке, с его переживаниями, с его характером. С его полотен смотрят на нас живые люди. Их создала рука не только великого мастера, но и великого психолога и знатока человеческой души.

Рембрандт ищет выразительные лица. И лица евреев с выражением скорби, заботы, вызванных нуждой, особенно привлекают его внимание.

В Амстердаме было свое гетто—еврейский квартал. Города Голландии оказали широкое гостеприимство евреям, гонимым из всех стран католической Европы. Рембрандт всегда с большой симпатией относился к евреям. В темных лавках старьевщиков на Юденштрассе (еврейской улице) он проводил целые часы и был там всегда желанным гостем. В этих лавчонках находил он среди вороха всевозможного хлама редкие вещи, старинное оружие, изящные украшения. Часто во время таких посещений знаменитый художник набрасывал или гравировал выразительное лицо кого-нибудь из членов семьи старьевщика. Иногда он зазывал своих знакомых с Юденштрассе в свою мастерскую и здесь писал их портреты.

★

Вначале жизнь в Амстердаме улыбнулась художнику. Прекрасные картины и гравюры Рембрандта находили себе покупателей в Голландии и заграницей. Известность его росла. Богатые граждане охотно заказывали ему свои портреты.

Но Рембрандт как будто прячется. У него нет, как у Рубенса, дворца с обстановкой знатного вельможи, нет свиты и галлерей в итальянском стиле. Его жилище очень скромно: потемнейший дом мелкого купца, внутри полный беспорядок, как у коллекционера, любителя гравюр и всяких редкостей. Он тратит большие деньги на картины и статуи. Он собирает разные диковины: тут и доспехи дикарей, и чучела животных, и засушенные травы. Все это нужно было художнику, все это давало ему материал для наблюдений. Но современникам его мастерская казалась таинственной лабораторией, а сам Рембрандт, со своим задумчивым и угрюмым лицом,— каким-то средневековым алхимиком.

Работал Рембрандт без устали, не теряя ни одной минуты. Как и прежде, отправляясь на прогулку или к друзьям, он всегда брал с собой несколько гравировальных досок. Поразит ли его интересный тип или понравится живописный пейзаж,—он тотчас же брался за резец.

Однажды один из его почитателей, бургомистр Ян Сикс, заехал за ним и увез на свою загородную дачу. Приехали, сели за стол обедать, и тут оказалось, что в доме нет горчицы. Пришлось послать слугу в деревню. Ждать было скучно. Бургомистр ворчал, а Рембрандт пообещал до возвращения слуги сделать гравюру с натуры. Взяв небольшую дощечку, он сел к окну и принялся за работу. Когда вернулся посланный, пейзаж был уже готов. Эта гравюра, теперь очень редкая и ценная, известна под названием «Мост Сикса». Верный глаз и быстрота руки помогали художнику в работе. Нередко, проходя по улицам Амстердама, он останавливался перед какой-нибудь группой — и уличная сценка, как живая, ложилась на послушную доску.

«Ночной дозор».

Рембрандт писал, рисовал и гравировал, как никто из художников его времени. Его произведения, с их необычайной светотенью, с их тонким колоритом, как бы окутанные туманом, были не вполне понятны для современников, воспитанных на произведениях с ровным, мягким освещением. Главным средством выражения у Рембрандта был свет, который он передает необычайно правдиво и реально.

В портретах Рембрандт погружает в прозрачную темноту всю фигуру и окружающие предметы, освещая только лицо. Этим он достигает замечательного эффекта: зритель обращает внимание прежде всего на самое лицо, то, что и нужно художнику.

В XVII веке, особенно в Голландии, где живопись процветала, члены отдельных корпораций охотно заказывали коллективные портреты. И удивительно, что такой замечательный живописец, как Рембрандт, оставил только три коллективных портрета.

Синдики[1]) и их товарищи как истые бюргеры, гордые своим богатством, хотели предстать перед потомством во всем блеске и величии своего высокого положения. Они требовали от художников, чтобы их изображали расставленными по рангу, строго и чинно, со всеми атрибутами их звания и занятий. Но Рембрандт никогда не соглашался рабски подчиняться капризам заказчиков. Из коллективного портрета он всегда стремился создать жанровую картину, полную жизни и движения,— произведение, которое сохранило бы значение и интерес даже и тогда, когда имена этих людей будут забыты.

В 1632 году Рембрандт написал свой первый коллективный портрет: «Лекцию анатомии». В ней еще нет всей рембранд-

[1]) Синдики — члены городского управления.

товской силы, но в ней больше естественности и простоты чем во всех групповых портретах того времени.

Через десять лет Рембрандт пишет замечательное произведение — «Ночной дозор».

Это также групповой портрет. Двадцать три наиболее известных члена общества стрелков захотели, чтобы Рембрандт написал их всех, занятых каким-нибудь делом и в военном обличье.

Работа шла медленно. Время проходило в пререканиях с заказчиками. Один жаловался на отсутствие сходства, другой — на то, что лицо в тени. Многие требовали, чтобы их поставили на первый план, так как они заплатили столько же, сколько и остальные. Ежедневно кто-нибудь из членов корпорации забегал в мастерскую художника, все шумели, волновались, протестовали, и все были недовольны. Рембрандт упорно стоял на своем. Он несколько раз бросал кисть и палитру, но начатая картина так завладела его воображением, что он снова принимался за прерванный труд. Наконец, картина была закончена. Рембрандт представил на своей картине капитана Франца Банинга Кока и его помощника Виллема ван Рейтенберга отправляющимися из помещения их общества на учение или в обход. Золотистый свет, свойственный только кисти Рембрандта, придает всей сцене совершенно особый эффект. Великого художника упрекали в том, что он эту простую сцену слишком драматизировал. Конечно, фантазия художника преобразила многое, но в основном он верно передал действительность. И это произведение — не ряд фигур, позирующих для портрета, а сцена, взятая из жизни.

Однажды, уже в XIX веке, в поместье семьи Банинга Кока среди картин, которыми были увешаны стены древнего замка, нашли портрет полковника Франца. Сходство с капитаном рембрандтовского «Ночного дозора» сразу бросилось в глаза. Но какая огромная разница! На фамильном портрете — блондин, с незначительным лицом, с очень светлой бородкой и усами, добродушный товарищ и приятный собеседник. Атлет же рембрандтовской картины напоминает голландских героев борьбы за освобождение. Он почти брюнет, с энергичным лицом, его движения полны силы и благородства, это человек, способный на подвиг. Рембрандт остался верен себе: он не погнался за внешним сходством, он создал типы, пережившие века и более ценные для потомства чем самые точные портреты.

Но заказчики были недовольны. Современники не оценили работу великого мастера, и слава его поколебалась. Заказов почти нет. Начинаются годы тяжелой нужды. Но художник не изменяет себе. Умирает его любимая жена Саския, а его труд не прерывается ни на один день. Это видно по датам его картин и гравюр. Его состояние гибнет; его тащат на скамью несостоятельных должников; его дом и коллекцию продают с торгов. Он берет свой мольберт и устраивается в другом месте. Современники не слышат ни одной жалобы от этого удивительного человека. Его творческая энергия не слабеет. На несчастья жизни, на неверность общественного мнения он отвечает портретом Сикса, «Синдиками», «Возвращением блудного сына» и другими, наиболее законченными и могучими его произведениями.

В автопортретах в эти трудные годы правдивая кисть художника передает его душевное состояние. В его глазах уже заметна печаль и усталость. Заботы и упорный труд углубили складку между бровями. Плотнее сжаты суровые губы. Но он бодр и упорен как крепкий дуб. Пока у него в руках палитра, пока он в состоянии держать кисть, он не боится ни бедности, ни измены друзей. Одиноким и забытым умер Рембрандт осенью 1669 года. Даже день его смерти остался неизвестен.

Серьезная реалистическая живопись, поражающая своей правдивостью и глубиной внутреннего содержания, нашла величайшего мастера в лице Рембрандта. Человек живет в каждой его картине. И это искусство великого художника, с необыкновенным вниманием и любовью изображающего человека, нам особенно близко и дорого.

В настоящее время подготовляется выставка всех полотен и всех рисунков Рембрандта, находящихся в СССР. Выставка откроется к XIX годовщине Октября в Москве, в Музее изобразительных искусств.

В. Поддубная

□ □ □

Растения на войне

Проф. Г. Г. Боссе

Маскировка

По дороге идут бронированные автомобили. Они странно выкрашены: пестрят темные и светлые, почти белые пятна, даже не разберешь, где начало, где конец автомобиля. Вот они свернули с дороги и пошли прямо по лугу. Луг большой, зеленый, а на лугу яркие белые цветы поповника. И сразу становится понятно, почему автомобили такие пестрые. Если смотреть сверху, с аэроплана, не разглядишь, что на лугу, в цветах прячутся автомобили.

Это маскировка — прикрытие от неприятеля. Окраску орудий, машин, одежду людей приспособляют к цвету той растительности, среди которой нужно прятаться. В разных местах и растительность бывает разная. Вот идет отряд. Кругом ни деревьев, ни кустарников — одно серое болото. Чтобы прятаться в таком болоте от неприятельского разведчика, надо, чтобы люди, и орудия, и машины были серыми. А пусти такую серую машину на луг с белыми цветами, она сразу бросится в глаза. Но летом цветут одни цветы, а тот же самый луг ранней весной или поздней осенью будет покрыт другими цветами. Вот когда цветет голубой шалфей, луг сверху кажется синим.

Шалфей.

В разных местах нашей границы растут разные растения, значит и маскировка бывает разнообразная. Нужно только хорошо знать, какие растения встречаются в разных местах нашей страны. Если мы знаем, что в таком-то месте растительность в июне синяя, в июле—белая, а к осени будет коричневая, то можно заранее подготовить все необходимое для маскировки в этом месте.

Но ведь маскироваться можно по-разному. Вот японцы придумали такую штуку: в том месте, где нужно что-то скрыть, они протягивают веревки, получается такая пестрота, что не разберешь, что замаскировано под веревками. А мы знаем, что веревки там делаются из волокон некоторых растений.

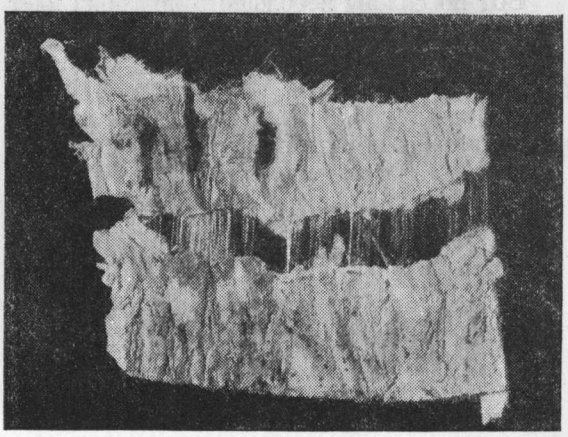
Поэтому, чтобы хорошо использовать маскировку, надо знать ботанику—науку о жизни растений.

Вещи из растений

Из растений делают разные полезные вещи. Из хлопка и льна изготовляются ткани, из джута и пеньки делают веревки.

Калоши, мячики, автомобильные шины делают из резины, а сама она делается из вещества, которое называется каучуком. Каучук получается из различных растений. До сих пор его получали из растений, которые растут в тропиках. Нам приходилось покупать его заграницей и платить за него большие суммы золотом. А каучук очень нужен для обороны. 125 частей в автомобиле требуют каучука. Из каучука делают противогазные маски, без которых во время войны невозможно обойтись.

Химики придумали изготовлять искусственный каучук, который называют синте-



Ниточки каучука в корне кок-сагыза.

Поповник.

тическим. Делается он из спирта, а спирт для него добывают из картошки, из корней особого сорта подсолнечника — топинамбура — и из других растений, в которых много крахмала. Значит, и синтетический каучук делают из растений. Но этот каучук твердый, из него можно делать только некоторые изделия. И ботаники нашли уже целый ряд растений, также растущих у нас, из которых добывается настоящий — натуральный каучук.

Тау-сагыз.

Вот одуванчик. Если надломить его корень, из надлома потечет белый сок. В нем есть каучук. В обыкновенном одуванчике каучука мало, но есть около границы Китая особый сорт одуванчика, который называется кок-сагыз. В этом одуванчике при надломе растягиваются упругие тонкие белые ниточки — это сгустившийся сок, и в нем много каучука.

Кроме одуванчиков в СССР найдены и другие каучуконосные растения. Так например в Казахстане обнаружено богатое каучуком растение тау-сагыз. Затем оказалось, что каучук есть в листьях обыкновенного подсолнечника, а это очень важно, так как мы имеем миллионы гектаров этой культуры, и листья его до сих пор никак не используются.

Бересклет.

Наконец, под Москвой, на Волге, на Украине и во многих других местах Союза растет кустарник бересклет, или волчье лыко, как его еще называют. Оказывается, в коре корней этого кустарника есть вещество, очень близкое к каучуку. Это так называемая гуттаперча.

Во время войны расходуется очень много ваты. Вата делается из хлопка. А хлопок — очень редкое и ценное растение. Поэтому важно уметь делать вату не только из хлопка, но и из других растений. А таких растений много. Весной летит белый пух от деревьев. Он густым слоем покрывает землю. «Тополь цветет»,—говорят люди, отмахиваясь от надоедливых пушинок. А из этого пуха можно приготовлять вату, заменяющую в некоторых случаях хлопковую.

В Казахстане, Кара-Калпакии и ряде других мест по берегам рек растет кендырь. Из его стеблей люди давно научились получать прочное волокно, из которого плетут рыбные сети. Теперь оказалось, что из этого волокна можно изготовлять не только грубую, но и тонкую и прочную пряжу, которая может идти на выработку ткани. Вот и найдена хотя бы частичная замена хлопка.

Волокнистых растений у нас много. Только волокно в них разного качества. В песках Средней Азии есть трава селин. Из нее можно добывать грубое волокно, но и оно полезно, так как может идти на веревки и мешковину. Обычно же в Средней Азии всякие тюки и упаковки завязывали шерстяными веревками. Значит, шерсть, которая нужна для других целей, шла на веревки и мешковину. Это невыгодно. Хорошую, крепкую веревку делают еще из травы чий. Трава эта растет во многих местах Советского союза.

Вредные травы

Вот по склону небольшого пригорка идет машина. И вдруг колеса забуксовали. Что же случилось? Оказалось, что колеса попали на очень скользкую траву. Можно встретить такой скользкий склон, что взберешься на него только босиком. Есть такая вредная травка. Она встречается на пригорках, и даже после небольшого дождя она делается настолько скользкой, что не дает пройти автомобилю.

Значит, есть растения, которые мешают передвижению; ясно, что для обороны нашей страны нужно знать растения наших границ, чтобы предвидеть, как скоро могут передвигаться части в той или иной местности.

Беладонна.

На лугах среди хорошей кормовой травы часто попадаются ядовитые травы, например чемерица, беладонна и другие. Обычно на пастбищах лошади и коровы не отравляются ядовитыми травами: они выбирают, что можно есть и что нельзя. Но если эту самую лошадь отправить в другую местность, где у нее нет привычной травы, она может отравиться. Такие случаи были в Средней Азии, когда лошади, привезенные из другой местности, на подножном корму отравлялись ядовитыми растениями. Значит, надо знать, можно ли пустить лошадей на луг на выпас или нельзя. А узнать это можно, если знаком с ботаникой, знаешь, какие растения ядовиты, а какие неядовиты.

Бересклет, или волчье лыко.

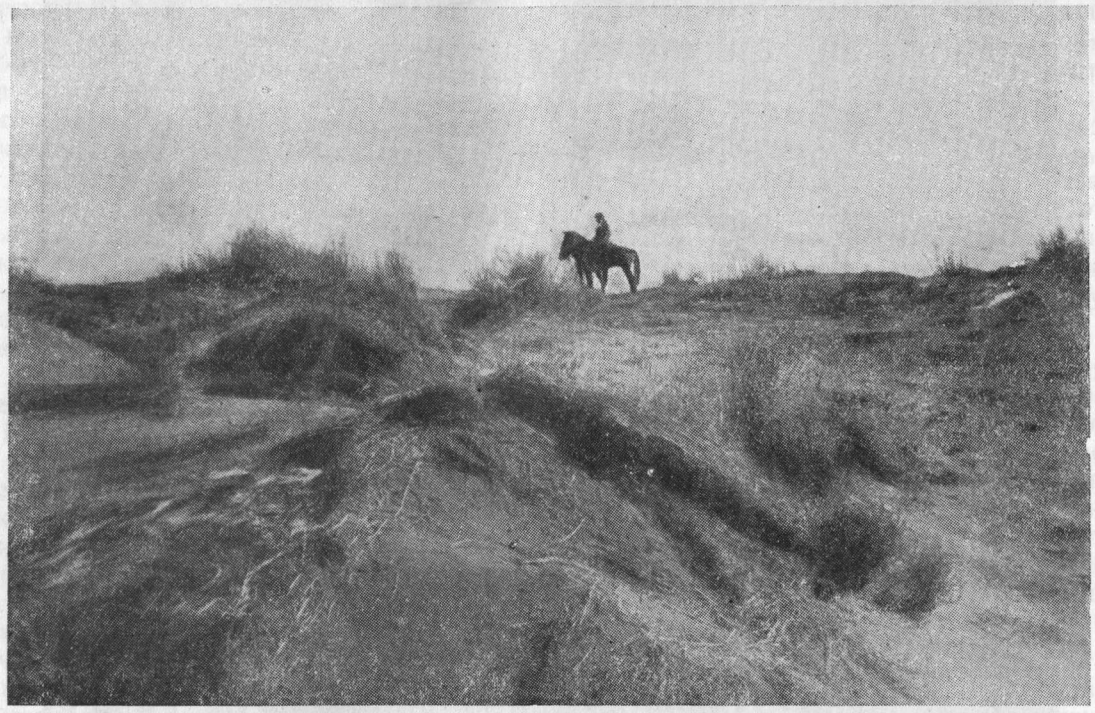
Чай.

Одуванчик кок-сагыз.

Тополь

1

Кендырь.



Заросли селина в Узбекистане.

Чемерица.

Из селина плетут крепкие веревки.

Испанский камыш.

На войне бывают такие случаи. Разведчик отрезан от своего отряда. Ему нужно несколько дней скрываться. А разведчики обыкновенно больших запасов еды с собой не берут: как говорят, ранцевый запас у них бывает маленький. Как же продержаться, если запасы еды уже истощились? А это нетрудно, если разведчик знает, что существуют дикие корешки, плоды, ягоды, которыми можно питаться. Во многих местах у нас в стране есть съедобные дикие растения. В Средней Азии водятся целые леса фисташек. Можно есть ягоды шиповника: они очень вкусны и не только вкусны, но и полезны. А шиповник растет у нас повсеместно.

Но есть и вредные, ядовитые ягоды. Под Москвой, например, растет ядовитая волчья ягода.

Шиповник

Конфеты из шиповника

Еще сравнительно недавно, когда составляли так называемый пищевой рацион для армии, считали, что главные питательные вещества, без которых человек не может прожить,—это жиры, белок и сахар, или, как говорят, углеводы. А теперь наука пришла к выводу, что этого мало. При самой сытной пище, когда человек вдоволь ест и масла, и мяса, и сахару, вдруг начинают выпадать зубы, появляются нарывы на теле — это цынга. Значит, в пище человека чего-то не хватало. Теперь мы уже знаем, что есть особые вещества, без которых человек не может существовать. Они называются витаминами. Эти вещества сами по себе несытные, но они предохраняют от очень серьезных заболеваний. Как быть с армией, которая передвигается при большом скоплении людей, когда приходится массово заготовлять пищу и важно, чтобы в этой пище были витамины?

Витамины есть в ягодах. Но как их сохранить? Это очень сложный вопрос. И вот нашли, что очень много витаминов в шиповнике. И сейчас работает специальная конфетная фабрика «Марат», которая делает особые конфеты из шиповника. Эти конфеты похожи на обыкновенные конфеты-драже. Они заготовляются в большом количестве.

Особенно важны витамины для человека, который болен или сильно обжегся. Для того чтобы хорошо зажили нарывы или обожженная кожа, человека нужно усиленно кормить витаминами. Если кто-нибудь в армии заболевает цынгой или у кого-нибудь появляются нарывы, очень важно знать, какими местными растениями можно его вылечить, то есть какие местные растения дают витамины.

Изучать и искать полезные растения

В нашей стране растет более двадцати тысяч разных видов растений. Среди них могут быть и очень полезные, а мы это не всегда знаем. До сих пор мы ввозим из-за границы разное растительное сырье, без которого не может обойтись наша промышленность. Мы, например, выписываем так называемый испанский камыш, из которого делают корзины для аэростатов. Оказывается, это совсем и не камыш, а стебли пальмы, которой в Испании даже и нет, так как растет она в тропиках. Стебли ее отличаются очень большой гибкостью и прочностью.

Выписываем мы и различные растительные смолы, дубильные вещества, хинную корку и т. д. Все это добывается из таких растений, которые в нашем климате не удается развести. Но в нашей огромной стране с ее богатым растительным миром можно найти другие растения, которые могут заменить ввозимое. Опыт с каучуком из одуванчиков и гуттаперчей из бересклета показал, что у нас есть свои дикие растения не хуже заграничных. Надо только их поискать.

Каучук, гуттаперча, хина, крепкие, гибкие прутья для корзин аэростатов имеют огромное значение для укрепления мощи нашей страны. Изучая растения, мы можем помочь нашей обороне, разными способами сделать нашу армию сильнее, крепче.

Дальневосточная крапива.

Горицвет

Но не надо думать, что изучать растения, полезные для обороны, и вообще полезные растения должны только сами ботаники. Каждый может заняться изучением и сбором растений и этим может принести большую пользу науке. Взять тот же шиповник. Оказывается, что ягоды шиповника, собранные в разных частях Союза, дают неодинаковые витамины, и конфеты получаются неодинаковые. С Украины мы получаем ягоды, в которых много витаминов, а в ягодах из других мест — меньше. Поэтому очень важно провести сбор этих ягод из разных мест и прислать в институт для исследования.

Как лучше всего искать интересные растения, как лучше всего узнавать о полезных свойствах наших растений? Надо сказать, что в прежние времена, когда промышленность была еще мало развита, народности, которые живут на окраинах, в особенности горные народности, во многих случаях употребляли местные растения. Например лекарства они не выписывали из аптеки, а делали сами из трав. Среди трав есть очень много полезных для лечения. И большинство лекарств делается из растений. Вот хина—очень полезное лекарственное вещество. Но ее открыла отнюдь не медицинская наука. Индейцы в Южной Америке давно лечились от лихорадки хинной коркой. Собирая сведения о том, какими травами лечат какие болезни, можно наткнуться на очень полезные растения, ценные для медицины.

Давно известно, что айны, живущие на Дальнем Востоке, делают мешки, веревки и рыболовные сети из растения, которое называют дальневосточной крапивой. Эти сети и веревки отличаются тем, что не гнют. А на войне очень важно иметь такие мешки, которые бы в окопах, в сырости, не гнили.

Различные народы часто знают такие полезные растения, которые еще не известны науке. Каждый, кто собирает сведения о растениях и узнает, что из них на местах изготовляется, помогает науке открыть новые полезные растения. Вот именно так, расспрашивая местное население, нашли некоторые наши каучуконосы. Жители в Средней Азии давно жевали жвачку. Кожу выплевывали, а во рту оставалась резиночка. Делали они это потому, что от этой жвачки зубы становятся очень чистыми и белыми. Растение называли сагыз. Сагыз по-казахски значит жвачка, поэтому и растение так назвали. А когда его исследовали, оказалось, что из него можно делать резину.

Наверное, никто из наших ребят не знает, как лучше всего предохранить зимой ноги на лыжах от мороза. А оказывается, карелы на Севере употребляют для этого особую траву, набивают ее в обувь, и никогда ноги не замерзают. Наш Союз велик, и подобные травы, которые бы сохраняли тепло, можно найти и в других местах.

Если вы узнаете о каком-нибудь растении, которое местные жители так или иначе употребляют, сообщите об этом и пришлите образец в редакцию «Пионера», может быть, вы откроете что-нибудь очень важное для нашей страны.

Присылать растение надо вместе с цветами и семенами, засушенными между двумя листами газетной бумаги. Тогда можно узнать, что это за растение, найти название и изучить его свойства.

□ □ □

Испания в огне гражданской войны

Два года назад в Испании на борьбу против капиталистов поднялись астурийские горняки. Восстание возглавила коммунистическая партия. На баррикадах Астурии мужественно сражались вожди компартии, верные сыны рабочего класса. На баррикадах Астурии прославилась горнячка Долорес, пламенный трибун и боец. Фашисты задушили восстание мужественных горняков, потому что рабочие всей Испании не выступили вместе с астурийскими горняками. Значительная часть рабочих, шедшая за анархистами, не приняла тогда участия в борьбе против фашизма. Уроки этого поражения не прошли даром.

Рабочие Испании знали, что фашисты в Германии победили только потому, что немецкие социал-демократы не пошли вместе с коммунистами против фашизма. Испанские коммунисты раз'яснили рабочим, что фашистов можно победить, если пойти против них единым фронтом, и вот рабочие: коммунисты, социалисты и анархисты — об'единились со всеми партиями, которые тоже боролись против фашизма. Образовался единый народный фронт всех врагов фашизма, всех антифашистов. И на выборах в испанский парламент этот народный фронт победил. У власти стало правительство народного фронта — Асанья.

Это правительство не было большевистским правительством, поэтому оно не собиралось отнять фабрики и заводы у капиталистов и землю у помещиков. Но это правительство пыталось улучшить положение рабочих и крестьян, помешать крупным хищникам капитализма грабить и разорять страну. И поэтому против этого правительства поднялись фабриканты и помещики, поднялись преданные им генералы, руки которых уже были обагрены кровью астурийских горняков.

Кто же эти люди, кто возглавил мятеж против правительства народного фронта в Испании? Кто такой Хиль Роблес? Кто такой Хуан Марч, который помогает деньгами мятежникам?

Хиль Роблес — богатый помещик. Хуан Марч — самый крупный спекулянт и самый богатый человек в Испании. Он ничем не брезговал, чтобы нажить свое богатство: он провозил контрабандный табак и подделывал деньги, подкупал полицию и министров, он спекулировал и грабил и в Испании и в испанских колониях. Правительство народного фронта хотело арестовать этого мошенника и грабителя, но он бежал заграницу и оттуда стал помогать мятежу против опасного для него правительства.

На деньги Хиль Роблеса и Хуана Марча с помощью германских и итальянских фашистов и был подготовлен мятеж в Испании. Генералы Мола и Франко захватили врасплох правительство Испании. Но правительство не растерялось и призвало народные массы к оружию. Во всех городах Испании рабочие и крестьяне, женщины и даже подростки стали вооружаться для борьбы со своими заклятыми врагами. Многие женщины отказывались идти в санитарные отряды. Они требовали, чтобы им дали винтовки, они хотели сражаться с винтовкой в руках, бок о бок со своими братьями и мужьями. На пунктах, где записывали в народную милицию, тринадцатилетние мальчики уверяли, что им шестнадцать лет, и уходили со слезами, когда им отказывались выдавать винтовки. И все-таки в каждом эшелоне, который отправлялся на фронт, оказывалось несколько мальчиков.

Фашисты Германии и Италии, фашисты соседней с Испанией Португалии снабжают мятежников пулеметами и танками, самолетами и пушками, посылают в Испанию летчиков для борьбы с народом, поднявшимся за свою свободу и независимость. Борьба затягивалась.

Тогда стало ясно, что во главе правительства должен быть поставлен человек, который связан с народными массами теснее чем ученый Хирола. Правительство Хирола честно выполнило свой долг. Оно вооружило народ. Но из вооруженного народа нужно было организовать настоящую, боеспособную армию, надо было так командовать этой армией, чтобы отдельные части ее действовали по единому плану. Для этого надо было создать правительство из людей, которые пользуются самым полным доверием в народных массах. Таким стало нынешнее правительство из социалистов и коммунистов и других партий народного фронта.

Это правительство не ставит перед собой задач строительства социализма в Испании. Оно должно прежде всего подавить фашистский мятеж.

Мануэль Асанья—республиканец, ярый враг фашизма. Ларго Кабальеро—старый испанский революционер, горячий сторонник народного фронта, Хозе Диас—испанский пролетарий, генеральный секретарь коммунистической партии Испании, любимый вождь испанских трудящихся масс—и пламенная коммунистка, неутомимая Долорес, любимица испанского народа, — вот кто теперь руководит борьбой за счастье и свободу Испании.

Борьба в Испании затягивается. На стороне мятежников фашистские страны. Зато на стороне испанских рабочих трудящиеся всех стран. Советский народ собрал 36 миллионов франков и послал их в Испанию. Рабочие Мексики потребовали от своего правительства, чтобы оно продало оружие испанским республиканцам, и уже первый пароход с оружием прибыл в Барселону.

Когда в Барселоне начался мятеж фашистов, там происходили международные состязания рабочих спортивных обществ. И рабочие-спортсмены вместе со своими товарищами испанцами взяли винтовки и помогли подавить мятеж в Барселоне.

Так с первых шагов рабочие всех стран протянули руку братской помощи испанским трудящимся. Эта помощь растет и все шире и шире захватывает рабочий класс Европы и Америки.

На митинге в Лондоне, где было пять тысяч рабочих, собрали 500 фунтов стерлингов (около 6 тысяч рублей золотом) бумажками, и на двух грузовиках были увезены медные и серебряные монеты, собранные среди участников митинга.

Сотни тысяч долларов собирают рабочие в Америке. Сотни тысяч франков собирают рабочие во Франции. Когда на огромном митинге, в 150 тысяч человек, хотел взять слово председатель совета министров Леон Блюм, вся толпа несколько минут не давала ему говорить, крича «Аэропланы в Испанию!», требуя таким образом, чтобы французское правительство разрешило продавать самолеты для правительства народного фронта в Испании.

Трудящиеся женщины СССР подали пример международной солидарности. Десятки тысяч пудов масла и сахара уже отправлены в Испанию. Это подарок страны, о которой фашисты говорят, что в ней царит голод, своим сестрам по классу — мужественным женщинам Испании.

Нельзя читать без глубочайшего волнения то, что сообщают испанские газеты о мужестве испанских женщин. Вот какое об'явление было недавно помещено в испанской газете:

«Я, Кармен Диас, 20 лет, в ответ на воззвание о помощи нашего органа, защитника рабочего класса — «Мундо обреро», готова предоставить свою кровь любому нуждающемуся в этом раненому храброму дружиннику милиции и призываю всех женщин-антифашисток пожертвовать свою кровь для этих героев».

Кармен Диас не одна. Сотни тысяч пролетарок Испании готовы отдать всю свою кровь за счастье своих детей, своих братьев и мужей, за свободу и независимость Испании. И как бы ни бесновались фашисты всех стран, как бы щедро они ни снабжали мятежников самолетами, пушками и танками, им не сломить героический испанский народ, борющийся за свою свободу!

Смелый командир отряда народной милиции. Вместе со своим отрядом он дрался на Сарагосском фронте. Во всех боях с мятежниками он шел впереди отряда.

ПОЧТА

Прочтите внимательно, ребята, сегодняшнюю почту. Это письма ребят, которые приехали к нам из-за рубежа. Они живут в детском доме им. Стасовой в г. Иванове. Когда вы прочтете письмо болгарской пионерки Лели, вы поймете, почему так отважно борется испанский народ против фашистов. Фашисты убили ее отца. Так они поступают с каждым, кто встает на защиту трудящихся. Борьба против фашизма — это борьба трудящихся за свою жизнь.

Вы прочтете письмо Амайи Руис Ибаррури о ее матери, известной всему миру Пасионарии, и вы поймете, какие величайшие герои есть в испанском народе. С волнением следим мы за борьбой испанского народа против мятежников. Один за другим уходят в Испанию пароходы, нагруженные продуктами. Мы ни на минуту не забываем наших товарищей. Вместе со всей страной мы провозглашаем:

«Да здравствует испанский народ, стойко защищающий свою родину!»

Пасионария

Письмо Амайи Руис Ибаррури

Я родилась в деревне около Бильбао. Мои отец и мать были социалистами. Мы жили в очень старом доме. Крыша была дырявая, и когда шел дождь, вода заливала кровать.

К нам часто приходила полиция. Однажды отец не вернулся домой. Мы оставили дверь открытой, думая, что он скоро придет. Ночью мы услышали чьи-то шаги. Мама подумала, что это пришел кто-нибудь из наших товарищей, встала и зажгла свет. В комнату вошли полицейские. Они искали моего отца. Отец, наверно, знал, что его ищут, и поэтому не вернулся ночевать домой. Они стащили с меня одеяло, которым я покрывалась, и приказали встать. Я встала. Они стали у нас все обыскивать, все перевернули в доме. Полицейские спрашивали маму, нет ли еще кого-нибудь у нас дома. Мама сказала, что никого нет. Они еще долго рылись в наших вещах и все ждали, что придет отец, чтобы забрать его. Под утро они, наконец, ушли. Когда к нам домой приходила полиция, мама не волновалась. Она очень спокойно держала себя, даже когда папу забирали в тюрьму. Она не хотела показывать полицейским, что она волнуется.

Скоро папа и мама стали коммуниста-

Долорес Ибаррури — любимица испанского народа, пламенный борец за свободную Испанию.

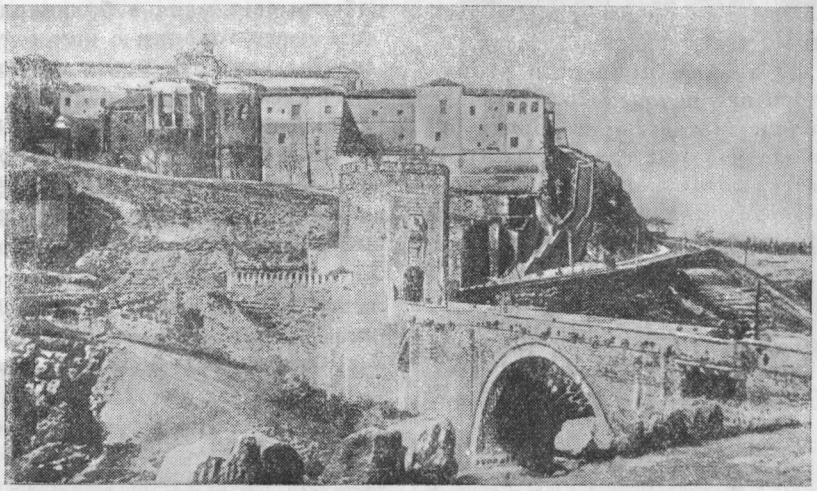
ми. Мама работала очень много. К ней часто приходили товарищи, спрашивали ее совета. Ей нужно было работать в Мадриде. Когда в Мадриде была забастовка, я ходила в Мадрид вместе с мамой. Полиция следила за ней, и иногда ей нельзя было выходить из дому. Тогда она давала мне какие-нибудь поручения, я выполняла их. Около нашего дома часто стояла полиция, поэтому надо было быть очень осторожной.

В Мадриде очень много пионеров. Мы работали нелегально. Осторожно, чтобы никто не заметил, мы расклеивали на стенах домов листовки. А полиция на утро их сдирала. Но мы расклеивали их снова.

Сейчас в Испании идут ожесточенные бои. И моя мама геройски борется за свободу. Ее имя знают все ребята—ее зовут Долорес Ибаррури. А рабочие прозвали ее «Пасионария». Это значит по-испански «неистовая». Она не жалеет своей жизни: всегда находится в самых опасных местах, и ни на минуту не прекращает бороться против фашистов. Фашисты ее ненавидят. Но рабочие ее очень любят, потому что она всегда помогает им и борется за испанский народ. Она мне сказала, чтобы я хорошо училась и никогда не забывала свой народ.

Я горжусь своей мамой. Она настоящая, пламенная революционерка. Я хочу учиться очень хорошо, чтобы стать такой же энергичной и страстной коммунисткой, как она.

Да здравствует победа испанского народа!



Крепость Альказар в Толедо. Во время боев эта крепость была разрушена.

Тайные сборы

Письмо Георга В.

Со всех сторон остров Кубу, откуда я приехал, окружает море. Это очень далеко отсюда. Я уехал оттуда, когда мне было 12 лет, но я часто вспоминаю своих боевых ребят, с которыми мы вместе работали в пионерской организации. Я был секретарем нашей пионерской группы. В школу в галстуках ходить было нельзя. Пионеров исключали из школы. Собирались мы тайком где-нибудь в парке или на глухой улице. В школе была детская организация для ребят буржуазии. Они имели свои комнаты, все учителя помогали им. А мы всегда ссорились с ними.

Когда кончались занятия, мы шли продавать коммунистические газеты. Конечно, открыто продавать их было нельзя. Поэтому мы делали так: внутрь буржуазной газеты клали коммунистическую и продавали. Никто не знал, что внутри спрятана другая газета. Мы заходили в рестораны, продавали там газеты, продавали их на

улице. Полиция очень следила за нами. Мы ходили не вместе, но стояли неподалеку друг от друга, чтобы помочь в случае беды.

Однажды полицейский увидел, что у одного мальчика-газетчика есть коммунистические газеты. Он схватил его за руку. Мы сразу увидели это. Мы перебежали через дорогу, подбежали к полицейскому, окружили и стали прыгать вокруг него. Кто-то из ребят ударил полицейского по руке. Он отпустил газетчика, и мы все разбежались в разные стороны. А полицейский не знал, за кем бежать, и так и остался на месте. И так во всех случаях, когда кто-нибудь попадался из ребят, мы никогда не бросали его, а старались ему помочь.

Однажды мы назначили сбор на берегу моря. Там стоял полуразрушенный каменный забор. Люди там ходят редко: это очень пустынная часть Гаваны. Часов в пять вечера мы тайком пришли к этому месту. Собралось нас человек 25. Пришел один комсомолец. Мы стали говорить о том, что в школе учиться трудно, завтраков не дают, тетради и карандаши надо покупать, а у родителей денег нет. Мы решили устроить демонстрацию. Мы назначили день и час, когда должна была состояться демонстрация. А потом потихоньку стали расходиться.

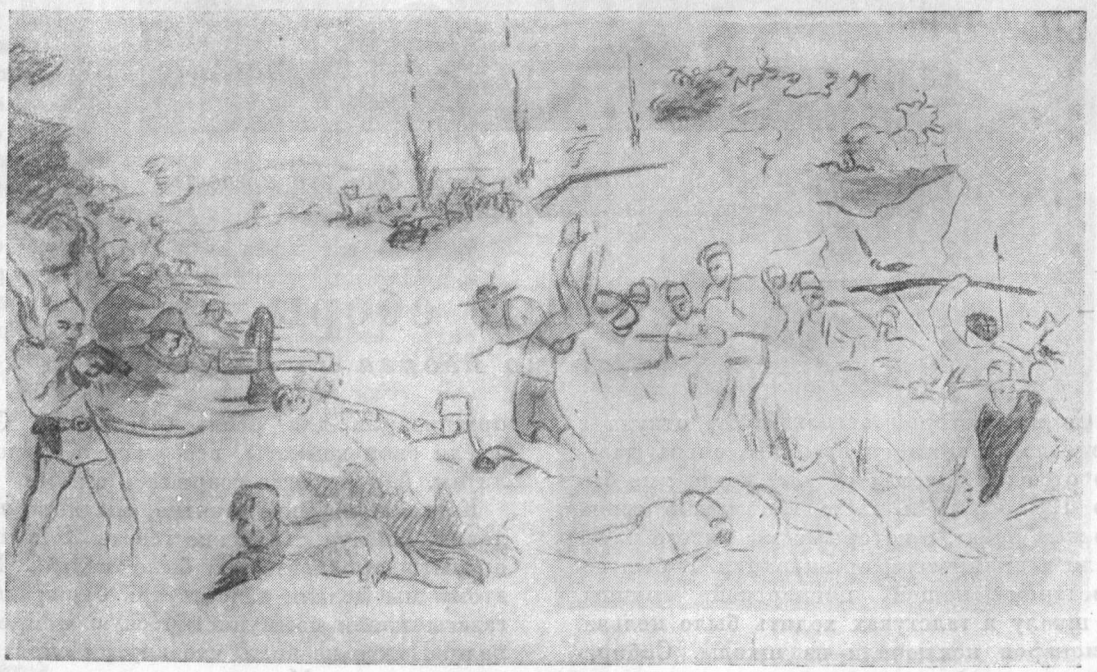
На демонстрацию собралось много ребят. Пришли все пионеры: никто не побоялся. Мы пошли по главной улице. Там все останавливались и смотрели на нас. Через несколько дней после этой демонстрации нам дали завтраки. Правда, они были плохие, но все ребята были довольны, что мы этого добились. И очень много ребят после этого решило записаться в пионеры.

На Кубе ребята очень смелые. Вот, например, мой друг Иозер очень часто удирал от полиции и всегда выполнял самые трудные поручения.

Самый лучший мой товарищ здесь—это негр Нилли. Он старше меня и всегда обыгрывает меня в биллиард и пинг-понг. Мы часто говорим с ним о том, как хорошо бы устроить везде такую же прекрасную жизнь, как в Советском союзе. Здесь для каждого человека есть счастливое место в жизни. За эту хорошую жизнь сейчас героически борется испанский народ.

Да здравствуют герои испанского народа!

Рисунок Эдвина Р.



Бой в Толедо

В Мадриде

Письмо Майо Т.

Я приехал сюда из Мадрида. Уехал я из Испании, когда был еще маленький, поэтому я не все помню. Но мне очень запомнилось одно собрание коммунистов, на котором я был. Это собрание происходило в театре. Мой папа сидел недалеко от меня. Кругом было много товарищей, и все они о чем-то очень громко и горячо говорили. Вдруг прибегает один мальчик — он стоял у дверей — и говорит: «Там кто-то стучится».

Его послали посмотреть, он вернулся и говорит: «Полиция».

Тут папа и все другие товарищи стали зажигать спички и сжигать бумаги, которые лежали на столе. Некоторые свертывали их в комок и проглатывали. Папа сказал одному товарищу:

«Возьми с собой Майо и беги. Будут аресты». А этот папин товарищ был, видно, очень важный коммунист, потому что все стали говорить, что ему нужно бежать.

Я с папиным товарищем подошел к одному окну. Оно было невысоко от земли. Мы решили выпрыгнуть из него. Папин товарищ сильно рванул окно, и мы выпрыгнули через него.

В это время в театр вошло сразу очень много полицейских.

Тут же за театром начинались высокие горы. Горы эти совсем без леса — один песок.

Нас каждую минуту могли заметить. Поэтому мы бежали очень быстро. Я хоть и очень устал, но виду не подавал. Целый день мы ходили по горам, потому что вернуться в Мадрид было опасно. Потом, уже поздно вечером, папин товарищ проводил меня до нашей улицы. Дальше я побежал один. Папа долго не приходил домой: он сидел в тюрьме.

Когда я жил в Испании, мне было очень мало лет, и я не мог помогать коммунистам, как помогали своим родителям другие ребята.

Я учился в третьем классе. В школе у нас было очень плохо, за каждую ошибку наказывали. Учителя все время кричали на нас. Как-то я сделал какую-то ошибку, и учитель поставил меня в угол. Я стоял, стоял, и у меня даже ноги начали дрожать, так я устал стоять.

Юный доброволец народной милиции. Он участвовал на фронте Гвадаррама в боях с мятежниками.

Я решил убежать из школы. Учитель в это время что-то говорил другим ученикам. Я стал тихонько подвигаться к двери. Потом, когда он отвернулся, я выскользнул в дверь и убежал. Больше я в эту школу не приходил.

Двора в Мадриде у нас не было. Мы играли на улице, а там все время ездят автомобили.

Я знаю, что мой папа борется за то, чтобы испанские ребята жили так же хорошо, как живем мы в Советском союзе. Здесь у нас есть все, а у испанских ребят нет ничего. Я желаю испанскому народу победить фашистов.

Листовки

Письмо Лены Н.

Когда читаешь про борьбу в Испании, хочется туда скорее поехать, хоть чем-нибудь помочь. Это не только я так думаю, так думают все наши ребята. Когда почтальон приносит газеты, все бегут, чтобы скорее прочесть, что делается в Испании. Маленькие девочки часто приходят ко мне и к Амайе Ибаррури и спрашивают:

— Ну что, кто побеждает?

Все наши ребята очень волнуются и желают победы испанскому народу. Мы очень рады, что все советские ребята и взрослые помогают героическому испанскому народу. Папа много рассказывал мне про фашистов, и я ненавижу их. Мой папа — коммунист. Мы жили в Белграде. Полиция всегда следила за ним — часто у нас дома бывали обыски.

Как-то раз я возвращалась из школы. Это было в 12 часов дня. Смотрю, по другой стороне улицы идет мой папа. А за ним сзади идет какой-то человек. Куда идет папа, туда идет и он, но близко к папе не подходит. Я сразу догадалась, что это шпик. Как предупредить папу? Может быть, у него с собой какие-нибудь важные документы, или он идет к какому-нибудь товарищу. Я перебежала через улицу и громко, чтобы шпик слышал, сказала:

«Папа, дай мне денег на трамвай». А тихонько, чтобы никто не услышал, сказала:

«Папа за тобой следят». Папа достал деньги, улыбнулся и похлопал меня по плечу. А потом он свернул и пошел в другое место.

Часто дома у нас бывали партийные собрания. Полиция обычно следила за всеми коммунистами и могла нагрянуть каждую минуту. Поэтому меня посылали на улицу, чтобы я предупредила, если на улице покажется какой-нибудь подозрительный тип.

Я выходила вместе с кем-нибудь из девочек, садилась на лестнице, чтобы мне было видно всю улицу и лестницу, если кто-нибудь пойдет по ней, и играла в камешки. Конечно, я играла только для вида, а сама смотрела, не идет ли кто-нибудь.

Надо было быть очень внимательной. Однажды два мальчика чуть не выдали всех коммунистов в руки полиции. Это было летом. Было уже совсем темно. В комнате шло собрание, а мальчики ходили вокруг дома и смотрели, нет ли кого-нибудь поблизости. Потом они вдруг разыгрались, стали бегать друг за другом и совсем забыли, какое важное дело им поручили. В это время один шпион увидел, что они отбежали далеко от дома, и хотел пройти на собрание. Он знал пароль, и его чуть было не пропустили. Но потом все увидели, что это чужой человек, и не впустили его. Так, эти ребята из-за своей невнимательности чуть не предали всех коммунистов.

Вечерами я с другими ребятами ходила по Белграду и расклеивала коммунистические листовки. Часов в семь—восемь вечера на улицах народу немного. Все сидят дома, обедают, собираются в театры, на балы. На главной улице Белграда большие магазины. Там есть большой книжный магазин. У него очень красиво освещена витрина. Все останавливаются около нее и смотрят. Вот мы решили, что это будет очень хорошо, если наша листовка будет в витрине этого магазина и все ее увидят. Когда на улице никого не было, мы тихонечко подошли к магазину и вставили нашу листовку в отверстие между стеклом и фанерой (туда обычно вставлялись списки новых книг) и пошли дальше. Никто не заметил нас. Часто мы ходили по квартирам и подсовывали под двери листовки.

А один раз вот что мы сделали. У нас в классе была одна очень нехорошая девочка. Она всегда подлизывалась к учительнице и ябедничала на нас. Был день ее рождения. Мы пошли с девочками и купили ей куклу. А в коробку с куклой положили коммунистическую листовку. Положили эту коробку ей на парту и не написали от кого этот подарок. Когда она принесли эту куклу домой, отец увидел листовку. А он был очень важный чиновник, прибежал в школу и стал кричать, что всех ребят надо выгнать из школы. Но никто так и не узнал, что это мы сделали. В школе у нас все ребята должны были состоять в скаутской организации. Говорили, что вступать туда должен

тот, что хочет. Но так только говорили: тех, кто не хотел быть скаутом, выгоняли из школы. В старших классах часто проводили среди ребят анкеты, чтобы узнать, какой партии они сочувствуют. Тех ребят, которые писали, что они сочувствуют коммунистам, тут же выгоняли из школы. Им давали «волчьи» билеты, и они уже нигде устроиться не могли ни работать, ни учиться. Но ребят, которые сочувствовали и помогали коммунистам, было много, только не все, конечно, писали об этом в анкетах. Я знаю, что коммунистов очень много во всех странах. Они так же, как испанские коммунисты, борются против фашистов. И все коммунисты обязательно победят. Все народы будут жить так же хорошо как в Советском союзе.

Испания

Стихи Кости Сергеева
г. Москва,
Комбинат им. Павлика Морозова.

Испания, Испания,
Прекрасная страна!
Я знаю, что Испания
Далеко от меня.
Я знаю, что в Испании
Сейчас гремят бои.
Я знаю, как сражаются
Испании сыны.
Но если бы родился я
Испанским пареньком,
Мне был бы запах пороха
Давно уже знаком.
Я б не отстал от
взрослых,
Пусть пули сыплют градом!
Сегодня я шагал бы там
Под пулями с отрядом.
Испания, Испания,
Прекрасная страна!
Как жалко, что Испания
Далеко от меня!

★ ★ ★

Правительственные войска установили на башне замка Торес Кабреро (около Кордовы) зенитные пулеметы и обстреливают самолеты противника.

Сарагосский фронт. Республиканцы замаскировали свою артиллерию.

Моя родина—Советский союз

Письмо Ми.

Мы жили в Токио, в самом бедном квартале. В Токио часто бывают землетрясения. На возвышенностях стоят дома богатых людей, а рабочие все живут в низменностях. Так что буржуев не беспокоят подземные толчки, а нам это очень часто приходилось переживать. Вот лежишь ночью на постели, вдруг все под тобой начинает качаться. Мы так привыкли к подземным толчкам, что когда они были не очень сильные, не обращали на них внимания.

Дома в богатых кварталах хорошие, большие, светлые. А у нас каждый дом к другому прижимается, а дворики такие узенькие, что играть там совсем нельзя. Мы играли на улице. Около нас совсем не было зелени. Только вокруг храма был небольшой парк. Мы туда иногда ходили.

Мой папа часто сидел в тюрьме, ему приходилось скрываться, нам нечего было есть, поэтому решили увезти меня из Японии. Моя настоящая родина — Советский союз.

Я учусь сейчас в шестом классе. У меня по всем предметам отлично. Здесь очень хорошо и весело. Около нашего дома большой хвойный лес. Летом мы собирали в нем ягоды. Раньше я не видела ели и сосны. Мы ездили в гости к ребятам в Белоруссию. Это была очень веселая поездка. Около дома у нас очень хороший стадион. Мы там бегаем, играем. У нас ребята всех национальностей. У многих ребят родители сидят в тюрьме. Мы часто вспоминаем о них. Они знают, что есть в мире такая замечательная страна — Советский союз, где каждый человек живет свободно и все честные люди желают победы революционерам Испании и других стран.

Рисунок Эдвина Р.

Отряд республиканцев отбивает атаку мятежников.

Мой отец

Письмо Лели К.

В эти горячие дни в Испании погибло много героев. Я знаю, что это были смелые, честные люди. Дети их никогда не простят пролитой крови отцов и матерей, как никогда не забуду и не прощу я фашистам убийство своего отца.

Мой отец в 1919 году вступил в партию коммунистов Болгарии. Он был очень

смелый и сильный человек. Его много раз арестовывали. Один раз его сослали в Македонию, и он девять месяцев сидел взаперти. Но товарищи помогали ему, потому что его все очень любили. Когда он вернулся из Македонии, полиция начала за ним следить. Он скрывался — мы подолгу не видели его. Когда он был в подполье, мама брала меня на руки и ставила недалеко от того места, где он был. Иногда он приходил домой, брал меня на руки и говорил:

«Когда же ты, моя девочка, вырастешь?»

В один день на всех улицах появились об'явления, что мой отец приговорен к смертной казни и тому, кто найдет его, была обещана большая сумма денег. Но его было трудно поймать. Рабочие скрывали его. Тогда полиция об'явила, что она в два раза даст больше денег, чем обещала, тому, кто укажет, где он скрывается. У нас дома все время сидели полицейские: они ждали, что отец не выдержит и придет домой. Они все время спрашивали маму, где он. Но мама молчала. Ей не давали нигде работать, и мы голодали. Отец скрывался в подвалах. Только глубокой ночью он выходил на улицу и шел на собрания к рабочим. Однажды полиция устроила облаву на всех коммунистов. Все рабочие районы были оцеплены. К папе прибежал человек и сказал ему, что полиция знает, где он скрывается. Папа пошел к своему двоюродному брату. Он был фашист. Папа пошел к нему для того, чтобы не выдать своих товарищей, у которых он мог бы укрыться. Брат стал уговаривать отца сдаться полиции. Но отец не согласился. На утро брат испугался, что полиция узнает, что он скрывает отца, пошел и выдал папу.

Утром отец лежал, вдруг он услышал шум на улице. Сквозь занавеску он увидел полицейских. Он бросился к двери. Дверь была заперта с наружной стороны. Тогда папа понял, что он попался. Брат предал его. Но он не растерялся. Он вытащил все документы, бросил в печку и зажег их. Полицейские увидели дым из трубы и налили туда горящего керосину. Они сожгли руки отца. Около дверей толпились полицейские. Отец был один, а их было много. Они выломали дверь, выстрелили в него и несколькими пулями ранили. Но отец не хотел сдаваться. Он непрерывно стрелял из револьвера и уложил многих на месте. Из его ран струилась кровь, но он не сдавался. Отец запел «Интернационал» очень тихо. Силы его слабели: он истекал кровью. Он не мог стоять и упал на землю. Вокруг него толпился народ. Все сбежались смотреть, как убивают моего отца. Все молчали, и было слышно каждое слово песни. Один полицейский грубо наступил на грудь отца:

«Скоро ты умрешь, красная сволочь? Замолчи!»

Но отец допел «Интернационал» до конца. Потом поднял револьвер и выстрелил в сердце.

Мы не знали об этом. Нас не выпускали из дому. Мама слышала выстрелы, но не верила, что это убили отца. К дедушке пришел один человек и сказал:

«Ваша песня спета. Ваш сын убит».

Дед ничего не сказал. Потом к нему пришел еще один человек. Дед выгнал его.

Дома у нас не было газет.

Тело отца лежало под дождем. А нас держали взаперти. Потом пришел один знакомый с газетой. Он не хотел ее показывать маме, но она взяла газету. Она только посмотрела на газету и узнала, что папа убит. Мама упала на пол, а мы заплакали. На похороны пришла полиция и никого кроме нас не пустила ко гробу. Мы положили тело отца на тележку. Пришел поп. Дед сказал ему:

«Если вы пришли говорить, какой герой — мой сын, говорите, а молитвы нам не нужны».

И он прогнал попа.

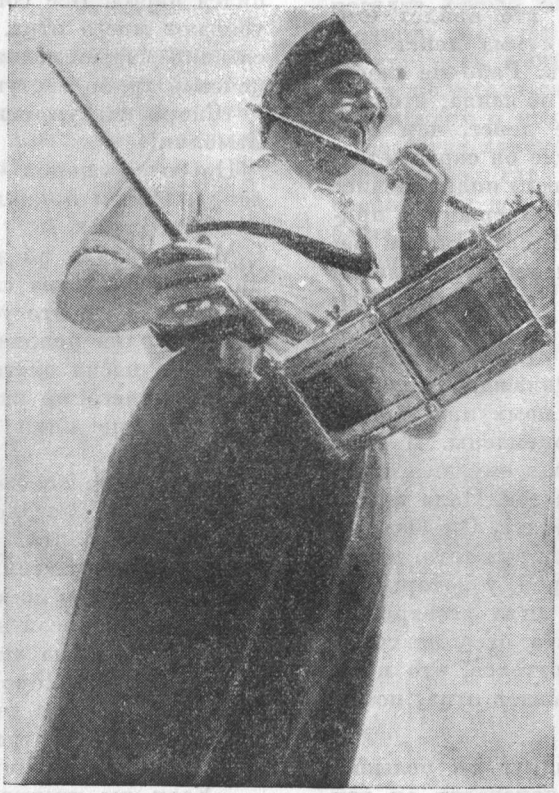
Будем смелыми!

Письмо Наташи Агеевой

В моей копилке было десять рублей. Я хотела купить себе микроскоп. Но когда я узнала о том, что испанским ребятам не хватает продуктов, я даже минуты не подумала над тем, отдать мне деньги или нет. Конечно, я их все отдала. В нашем классе все ребята поддержали меня. В «Комсомольской правде» я прочла про

девушку, которая пошла на фронт вместо убитого брата. Она ни в одном бою не отступала. И всем нашим ребятам захотелось стать такими же смелыми, как она. Конечно, все ребята хотели бы поехать в Испанию. Но что бы они там делали? Ведь у нас в классе нет ни одного ворошиловского стрелка. Только сейчас мы организуем кружок «Будь готов к санитарной обороне». Многие ребята только на словах герои, а на деле нет. Вот я помню, когда у нас была военная игра, то многие ребята, вместо того чтобы защищать знамя, спрятались. Но был и такой случай. Один мальчик стоял на страже у знамени. Со всех сторон его окружили «противники». Вот-вот они заберут знамя. Один против многих он защищаться не мог. Тогда этот мальчик недолго думая схватил знамя и бросился с ним в реку. Никто не ожидал этого, и все «противники» остались на берегу. А он переплыл реку и спрятал знамя в другом месте.

Вот я думаю, если бы этот мальчик был в Испании, он, наверно, тоже был бы героем.



В бой!

Аладдин и волшебная лампа

Арабская сказка

Перевел и обработал М. Салье. *Рис. Ю. Кискачи*

В одном персидском городе жил когда-то бедный портной. У него были жена и сын, которого звали Аладдин. Когда Аладдину исполнилось десять лет, отец захотел обучить его ремеслу. Но не было денег, чтобы платить за обучение, и отец стал сам учить Аладдина шить платья.

Но этот Аладдин был шалопай и бездельник: он не хотел ничему учиться, и, как только его отец уходил к заказчикам, Аладдин убегал на улицу играть с мальчишками, такими же шалунами, как он сам. С утра до вечера они бегали по городу и стреляли воробьев из самострелов или забирались в чужие сады и набивали себе животы виноградом и персиками. Но больше всего они любили дразнить какого-нибудь дурачка или калеку: прыгали вокруг него, кричали: «Бесноватый, бесноватый!»—и кидали в него камнями и гнилыми яблоками.

Отец Аладдина так огорчался шалостями сына, что с горя заболел и умер. Тогда его жена продала все, что после него осталось, и стала прясть хлопок и продавать пряжу, чтобы прокормить себя и своего бездельника-сына.

А он и не думал о том, чтобы помочь матери, и приходил домой только есть и спать.

Так прошло много времени. Аладдину исполнилось пятнадцать лет. И вот однажды, когда он, по обыкновению, играл на улице с мальчишками, к ним подошел дервиш — странствующий монах. Он посмотрел на Аладдина и сказал про себя:

— Вот тот, кого я ищу. Много испытал я несчастий, прежде чем нашел его!

А этот дервиш был магрибинец — жигель Магриба[1]. Он знáком подозвал одного из мальчиков и расспросил его, кто такой Аладдин и кто его отец, а потом подошел к Аладдину и спросил его:

— Не ты ли сын Хасана, портного?

— Я,—ответил Аладдин,—но мой отец давно умер.

Услышав это, магрибинец обнял Аладдина и стал громко плакать и бить себя в грудь, крича:

— Знай, дитя мое, что твой отец — мой брат! Я пришел в этот город после долгой

[1] Магриб по-арабски — запад. Западом называли арабы северозападную часть Африки.

отлучки и радовался, что увижу моего брата Хасана, и вот он умер... Я сразу узнал тебя, потому что ты очень похож на твоего отца!

Потом магрибинец дал Аладдину два динара[1] и сказал:

— О дитя мое, кроме тебя не осталось мне ни в ком утешения! Отдай эти деньги твоей матери и скажи ей, что твой дядя вернулся и завтра придет к вам ужинать. Пусть она приготовит хороший ужин.

Аладдин побежал к матери и сказал ей все, что велел магрибинец, но мать рассердилась:

— Ты только и умеешь, что смеяться надо мной! У твоего отца не было брата, откуда же у тебя вдруг взялся дядя?

— Как это ты говоришь, что у меня нет дяди! — закричал Аладдин. — Этот человек — мой дядя! Он обнял меня и заплакал, и дал мне эти динары; он завтра придет к нам ужинать!

На другой день мать Аладдина заняла у соседей посуду, купила на рынке мяса, зелени и плодов и приготовила хороший ужин.

Аладдин на этот раз весь день просидел дома, ожидая дядю. Вечером в ворота постучали. Аладдин бросился открывать. Это был магрибинец и с ним слуга, который нес диковинные магрибийские плоды и сласти. Слуга поставил свою ношу на землю и ушел, а магрибинец вошел в дом, поздоровался с матерью Аладдина и сказал:

— Прошу вас, покажите мне место, где сидел за ужином мой брат.

Ему показали. Магрибинец принялся так громко стонать и плакать, что мать Аладдина поверила, что этот человек — действительно брат ее мужа. Она стала утешать магрибинца. Тот скоро успокоился и сказал:

— О жена моего брата! Не удивляйся, что ты меня никогда не видела. Я покинул этот город сорок лет назад. Я был в Индии, в арабских землях, в землях Дальнего Запада и в Египте и провел в путешествиях тридцать лет. Когда же захотел вернуться на родину, я сказал самому себе:

«О человек, у тебя есть брат, и он, может быть, нуждается, а ты до сих пор ничем не помог ему! Разыщи же своего брата и посмотри, как он живет». Я отправился в путь. Ехал много дней и ночей, и наконец я нашел вас. И вот я вижу, что хотя мой брат и умер, но после него остался сын, который будет работать вместо него и прокормит себя и свою мать.

— Как бы не так!—сказала мать Аладдина. — Я никогда не видела такого бездельника, как этот скверный мальчишка. Целый день он бегает по городу, бьет ворон да таскает у соседей виноград и яблоки. Хоть бы ты его заставил помогать матери!

— Не горюй, о жена моего брата! — ответил магрибинец. — Завтра мы с Аладдином пойдем на рынок, я куплю ему красивую одежду. Пусть он посмотрит, как люди продают и покупают, — может быть, ему самому захочется торговать, тогда я отдам его в учение к купцу, а когда он научится, я открою для него лавку, и он сам станет купцом и разбогатеет. Хорошо, о Аладдин?

Аладдин сидел весь красный от радости и не мог выговорить ни одного слова, а только кивал головой: «Да, да!» Когда же магрибинец ушел домой, Аладдин сразу лег спать, чтобы скорее пришло утро, но не мог заснуть и всю ночь ворочался с боку на бок. Едва рассвело, он вскочил с постели и выбежал за ворота встречать дядю. Тот не заставил себя долго ждать. Прежде всего они с Аладдином отправились в баню. Там Аладдина вымыли и размяли ему суставы так, что каждый сустав громко щелкал. Потом ему обрили голову, надушили его и напоили розовой водой с сахаром. После этого магрибинец повел Аладдина в лавку, и Аладдин выбрал себе все самое дорогое и красивое: желтый шолковый халат с зелеными полосами, красную шапочку, вышитую золотом, и высокие сафьяновые сапоги, подбитые серебряными подковками. Правда, ногам было в них тесно: Аладдин в первый раз в жизни надел сапоги, — но он ни за что не согласился бы разуться. Голова его под шапкой была вся мокрая, и пот катился по лицу, но зато все видели, каким красивым шолковым платком Аладдин вытирает себе лоб.

Они с магрибинцем обошли весь рынок и направились в большую рощу, начинавшуюся сейчас же за городом. Солнце стояло уже высоко, а Аладдин с утра ничего не ел. Он сильно проголодался и порядком устал, потому что долго шел в сапогах, но ему было стыдно признаться

[1] Динар — золотая монета, около пяти рублей.

— А вот рис с медом и вареные бобы

в этом, и он ждал, когда его дядя сам захочет есть и пить. А магрибинец все шел и шел. Они уже давно вышли из города, и Аладдина томила жажда.

Наконец, он не выдержал и спросил:

— Дядя, а когда мы будем обедать? Здесь нет ни одной лавки или харчевни, а ты ничего не взял с собой из города. У тебя в руках только пустой мешок.

— Видишь вон там, впереди, высокую гору? — ответил магрибинец. — Мы идем к этой горе, и я хотел отдохнуть и закусить у ее подножия. Но если ты очень голоден, можно пообедать и здесь.

— Откуда же ты возьмешь обед? — удивился Аладдин.

— Увидишь, — сказал магрибинец.

Они уселись под высоким, густым тамариском, и магрибинец спросил Аладдина:

— Чего бы тебе хотелось сейчас поесть?

Мать Аладдина каждый день варила к обеду одно и то же блюдо — вареные бобы с конопляным маслом. Аладдину так хотелось есть, что он, не задумываясь, ответил:

— Дай мне хоть вареных бобов с маслом.

— А не хочешь ли ты жареных цыплят? — спросил магрибинец.

— Хочу! — нетерпеливо сказал Аладдин.

— Не хочется ли тебе также рису с медом? — продолжал магрибинец.

— Хочется! — закричал Аладдин.—Всего хочется! Но откуда ты возьмешь все это, о дядя?

— Из этого мешка, — сказал магрибинец и развязал мешок.

Аладдин с любопытством заглянул в мешок, но там ничего не было.

— Где же цыплята? — спросил Аладдин.

— Вот! — сказал магрибинец и, засунув руку в мешок, вынул оттуда блюдо с жареными цыплятами. — А вот и рис с медом, и вареные бобы, а вот и виноград, и гранаты, и яблоки!

Говоря это, магрибинец вынимал из мешка одно кушанье за другим, а Аладдин, широко раскрыв глаза, смотрел на волшебный мешок.

— Ешь, — сказал магрибинец Аладдину. — В этом мешке есть все кушанья, каких только можно пожелать. Стоит только опустить в него руку и сказать: «Я хочу баранины, или халвы, или фиников» — и все это окажется в мешке.

— Вот чудо! — сказал Аладдин, запихивая в рот огромный кусок хлеба. — Хорошо бы моей матери иметь такой мешок!

— Если будешь меня слушаться, — сказал магрибинец, — я подарю тебе много хороших вещей. А теперь выпьем гранатного соку с сахаром и пойдем дальше.

— Куда? — спросил Аладдин.—Я устал, и уже поздно. Пора домой.

— Нет, племянник, — сказал магрибинец, — нам непременно нужно дойти сегодня до той горы. Слушайся меня: ведь я твой дядя, брат твоего отца! А когда мы вернемся домой, я подарю тебе этот волшебный мешок.

Аладдину очень не хотелось идти: он плотно пообедал, и глаза у него слипались, — но, услышав про мешок, он раздвинул себе веки пальцами, тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо, идем.

Магрибинец взял Аладдина за руку и повел к горе, которая еле виднелась вдали, так как солнце уже закатилось и было почти темно. Они шли очень долго и, наконец, пришли к подножию горы, где был густой лес. Аладдин падал с ног от усталости. Ему было страшно в этом глухом, незнакомом месте и хотелось домой. Он чуть не плакал.

— О Аладдин! — сказал магрибинец. — Набери на дороге тонких и сухих сучьев. Мне надо развести костер. Когда огонь разгорится, я покажу тебе что-то такое, чего никто никогда не видел.

Аладдину так захотелось увидеть то, чего никто не видел, что он забыл про усталость и пошел собирать хворост. Он принес охапку сухих ветвей, и магрибинец развел большой костер. Когда огонь разгорелся, магрибинец вынул из-за пазухи деревянную коробочку и две дощечки, исписанные буквами, мелкими, как следы муравьев, и сказал:

— О Аладдин, я хочу сделать из тебя мужчину и помочь тебе и твоей матери! Не прекословь же мне и исполняй все, что я тебе скажу. А теперь — смотри!

Он раскрыл коробочку и высыпал из нее в огонь желтоватый порошок. И сейчас же из костра поднялись к небу огромные столбы пламени, желтые, красные и зеленые.

— Слушай, Аладдин, слушай внимательно! — сказал магрибинец. — Сейчас я начну читать над огнем заклинания, а когда кончу, земля передо мной расступится, и ты увидишь большой камень с медным кольцом. Возьмись за кольцо и отвали камень. Ты увидишь лестницу, которая ведет вниз, под землю. Спустись по ней. Ты увидишь дверь. Открой ее и иди вперед. И что бы тебе ни угрожало, не бойся. Тебе будут грозить страшные звери и чудовища, но ты смело иди прямо на них. Как только они коснутся тебя, они упадут мертвые. Так ты пройдешь три комнаты. А в четвертой ты увидишь старую женщину. Она ласково заговорит с тобой и захочет тебя обнять. Не позволяй ей дотронуться до тебя, иначе ты превратишься в черный камень. За четвертой комнатой ты увидишь большой сад. Пройди его и на другом конце сада открой дверь. За этой дверью будет большая комната, полная золота, драгоценных камней, оружия и одежды. Возьми для себя, что хочешь, а мне принеси только старую медную лампу, которая висит на стене, в правом углу. Ты узнаешь путь в эту сокровищницу и станешь богаче всех во всем мире. А когда ты принесешь мне лампу, я подарю тебе волшебный мешок. На обратном пути из сокровищницы тебя будет охранять от всех бед вот это кольцо.

И он надел на палец Аладдину маленькое блестящее колечко.

Аладдин помертвел от страха, услышав о страшных зверях и чудовищах.

— Дядя, — спросил он магрибинца, — почему ты сам не хочешь спуститься туда? Иди сам за своей лампой, а меня отведи домой.

— Нет, Аладдин, — сказал магрибинец, — никто, кроме тебя, не может пройти в сокровищницу. Этот клад лежит под землей уже много сотен лет, и достанется он только мальчику по имени Аладдин, сыну портного Хасана. Долго ждал я сегодняшнего дня, долго искал тебя по всей земле, и теперь, когда я тебя нашел, ты не уйдешь от меня. Не прекословь же мне, или тебе будет плохо!

«Что мне делать?—подумал Аладдин.— Если я не пойду, этот страшный колдун, пожалуй, убьет меня. Лучше уж спущусь в сокровищницу и принесу ему его лампу. Может быть, он тогда и вправду подарит мне мешок. Вот мать обрадуется!»

— Колдуй дальше! — сказал он магрибинцу. — Я принесу тебе лампу, но только смотри: подари мне мешок!

— Подарю, подарю! — воскликнул магрибинец.

Он подбросил в огонь еще порошку и начал читать заклинания на каком-то непонятном языке. Он читал все громче и громче, и, когда он во весь голос выкрикнул последнее слово, раздался оглушительный грохот и земля расступилась перед ними.

— Поднимай камень! — закричал магрибинец страшным голосом.

Аладдин увидел у своих ног большой камень с медным кольцом, сверкавшим при свете костра. Он обеими руками ухватился за кольцо и потянул к себе камень; но камень оказался очень легким, и Аладдин без труда поднял его. Под камнем была большая круглая яма, а в глубине ее вилась узкая лестница, уходившая далеко под землю. Аладдин сел на край ямы и спрыгнул на первую ступеньку лестницы.

— Ну иди и возвращайся скорее! — крикнул магрибинец.

Аладдин пошел вниз по лестнице. Чем дальше он спускался, тем темнее становилось вокруг. Аладдин, не останавливаясь, шел вперед, и когда ему становилось страшно, он думал о мешке с едой.

Дойдя до последней ступеньки лестницы, он увидел широкую железную дверь и толнул ее. Дверь медленно открылась, и Аладдин вошел в большую комнату, в которую проникал откуда-то издали слабый свет.

Посреди комнаты стоял страшный негр в тигровой шкуре. Увидев Аладдина, негр молча бросился на него с поднятым мечом, но Аладдин хорошо запомнил, что сказал ему магрибинец: он протянул негру руку, и, как только меч коснулся Аладдина, негр упал на землю бездыханным.

Аладдин пошел дальше, хотя ноги подгибались под ним. Он толкнул вторую дверь и замер на месте: прямо перед ним стоял, оскалив страшную пасть, свирепый лев. Лев припал всем телом к земле и прыгнул прямо на Аладдина. Но едва его передняя лапа задела голову мальчика, как лев упал на землю мертвый.

Аладдин от испуга весь вспотел, но все-таки пошел дальше. Он открыл третью дверь и услышал страшное шипенье: посреди комнаты, свернувшись клубками, лежали две огромные змеи. Они подняли головы и, высунув длинные раздвоенные жала, медленно поползли к Аладдину, шипя и извиваясь. Аладдин еле удержался, чтобы не убежать, но вовремя вспомнил снова магрибинца и смело пошел прямо на змей. Как только змеи коснулись руки Аладдина своими жалами, их сверкающие глаза потухли, и змеи растянулись на земле мертвые.

Аладдин пошел дальше. Дойдя до четвертой двери, он осторожно приоткрыл ее. Он просунул в дверь голову—и с облегчением перевел дух. В комнате никого не было, кроме маленькой старушки, с головы до ног закутанной в покрывало. Увидев Аладдина, она бросилась к нему и закричала:

— Наконец-то ты пришел, Аладдин, мой мальчик! Как долго я ждала тебя в этом темном подземелье!

Аладдин протянул к ней руки: ему показалось, что перед ним его мать. Он хотел уже обнять ее. Вдруг в комнате стало светлее и во всех углах появились какие-то страшные существа: львы, змеи, хищные птицы и чудовища, которым нет имени; они как будто ждали, чтобы Аладдин ошибся и позволил старушке дотронуться до себя, тогда он превратится в черный камень и клад останется в сокровищнице на вечные времена: ведь никто, кроме Аладдина, не может его взять! Аладдин в ужасе отскочил назад и захлопнул за собой дверь. Придя в себя, он снова приоткрыл ее и увидел, что в комнате никого нет.

Аладдин прошел через комнату и открыл пятую дверь.

Перед ним был прекрасный сад.

Перед ним был прекрасный, ярко освещенный сад, где росли густые деревья, благоухали цветы, и фонтаны высоко били над бассейнами.

На деревьях громко щебетали маленькие пестрые птички. Они не могли далеко улететь, потому что им мешала тонкая золотая сетка, протянутая над садом. Все дорожки были усыпаны круглыми разноцветными камешками. Они ослепительно сверкали при свете ярких светильников и фонарей, развешанных на ветвях деревьев.

Аладдин бросился собирать камешки. Он наложил их всюду, где только мог: за пояс, за пазуху, в шапку, в подол халата. Он очень любил играть в камешки с мальчишками и с радостью думал о том, как приятно будет похвастаться такой прекрасной находкой.

Камни так понравились Аладдину, что он чуть не забыл про лампу. Но, когда камни некуда было больше класть, он вспомнил о лампе и пошел в сокровищницу. Это была последняя комната в подземелье, самая большая. Там лежали груды золота, кипы дорогих материй, драгоценные мечи и кубки, но Аладдин даже не посмотрел на них: он не знал цены золота и дорогих вещей, потому что никогда их не видел, да и карманы у него были доверху набиты камнями, а он не отдал бы и одного камешка за тысячу золотых динаров. Он взял только лампу, про

которую говорил ему магрибинец, — старую, позеленевшую медную лампу — и хотел положить ее за пазуху, в самый глубокий карман. Но там не было места: он был наполнен камешками. Тогда Аладдин высыпал камешки, засунул лампу в карман, а сверху опять наложил камешков, сколько влезло. Остальные он кое-как распихал по карманам.

Затем он вернулся обратно и с трудом взобрался по лестнице. Дойдя до последней ступеньки, он увидел, что до верху еще далеко, и крикнул:

— Дядя, протяни мне руку и возьми шапку, которая у меня в руках. А потом вытащи меня наверх. Мне самому не выбраться: тяжело нагружен. А каких камней я набрал в саду!

— Дай мне скорее лампу! — сказал магрибинец.

— Я не могу ее достать, она под камнями, — ответил Аладдин. — Помоги мне выйти, и я дам тебе ее!

Но магрибинец не хотел вытаскивать Аладдина. Он хотел получить лампу, а потом бросить Аладдина в подземелье, чтобы никто не узнал хода в сокровищницу и не выдал его тайны. Он начал упрашивать Аладдина, чтобы тот сразу дал ему лампу. Но Аладдин ни за что не соглашался: он боялся растерять камешки в темноте и хотел скорее выбраться на землю. Когда магрибинец увидел, что Аладдин не отдаст ему лампу, он страшно разгневался.

— Ах, так ты не отдашь мне лампу?! — закричал он.—Оставайся же в подземелье и умри с голоду, и пусть даже родная мать не узнает о твоей смерти!

Он бросил в огонь остаток порошка из коробочки и произнес какие-то непонятные слова — и вдруг камень сам закрыл отверстие, и земля сомкнулась над Аладдином.

А этот магрибинец был вовсе не дядей Аладдина: он был злой волшебник и хитрый колдун. Он жил в городе Ифрикии, на западе Африки, и ему стало известно, что где-то в Персии лежит под землей клад, охраняемый именем Аладдина, сына портного Хасана. А самое ценное в этом кладе — волшебная лампа. Она дает тому, кто ею владеет, такое могущество и богатство, какого нет ни у одного царя. Никто, кроме Аладдина, не может достать эту лампу. Всякий другой человек, который захочет взять ее, будет убит сторожами клада или превратится в черный камень.

Долго гадал магрибинец на песке, пока не узнал, где живет Аладдин. Много перенес он бедствий и мучений, прежде чем добрался из своей Ифрикии до Персии, и вот теперь, когда лампа так близко, этот скверный мальчишка не хочет отдать ее! А ведь если он выйдет на землю, он может привести сюда других людей! Не для того магрибинец ждал так долго возможности завладеть кладом, чтобы делиться им с другими. Пусть же клад не достанется никому! Пусть погибнет Аладдин в подземелье! Он ведь не знает, что эта лампа волшебная! И магрибинец ушел обратно в свою Ифрикию, полный гнева и досады. И вот пока все, что с ним было.

Что же касается Аладдина, то, когда земля сомкнулась над ним, он громко заплакал и закричал:

— О дядя, помоги мне! О дядя, выведи меня отсюда, я здесь умру!

Но никто его не услышал и не ответил ему. Тут Аладдин понял, что этот человек, который называл себя его дядей,— обманщик и лгун. Аладдин заплакал так сильно, что промочил слезами всю свою одежду. Он бросился по лестнице вниз, чтобы посмотреть, нет ли другого выхода из подземелья, но все двери сразу исчезли, и выход в сад тоже был закрыт. Аладдину не оставалось никакой надежды на спасение, и он приготовился умереть.

Он сел на ступеньки лестницы, опустил голову на колени и от горя стал сжимать руки. Случайно он потер кольцо, которое магрибинец надел ему на палец, когда спускал его в подземелье.

Вдруг земля задрожала, и перед Аладдином вырос страшный джин огромного роста. Голова его была как купол, руки — как вилы, ноги — как придорожные столбы, а рот — как пещера. Глаза его метали искры, а посреди лба торчал громадный рог.

— Чего ты хочешь? — спросил джин голосом, подобным грому. — Требуй — получишь!

— Кто ты? Кто ты? — закричал Аладдин, закрывая себе лицо руками, чтобы не видеть страшного джина. — Пощади меня, не убивай меня!

— Я Дахнаш, сын Кашкаша, глава всех джинов, — ответил джин. — Я раб кольца и раб того, кто владеет кольцом. Я исполню все, что прикажет мой господин.

Аладдин вспомнил о своем кольце и о том, что сказал ему магрибинец, давая это кольцо. Он собрался с духом и сказал:

— Я хочу, чтобы ты поднял меня на поверхность земли.

И не успел он договорить этих слов, как очутился на земле, у потухшего костра, где они с магрибинцем были ночью.

Уже настал день, и солнце ярко светило. Аладдину показалось, что все, что с ним случилось, был только сон. Со всех ног побежал он домой и, запыхавшись, вошел к своей матери. А мать Аладдина сидела посреди комнаты, распустив волосы, и горько плакала. Она думала, что ее сына уже нет в живых. А Аладдин, едва захлопнув за собой дверь, упал без чувств от голода и усталости. Мать побрызгала ему в лицо водой, а когда он пришел в себя, спросила:

— О Аладдин! Где ты пропадал, и что с тобой случилось? Где твой дядя, и почему ты вернулся без него?

— Это вовсе не мой дядя. Это злой колдун, — сказал Аладдин слабым голосом.— Я все расскажу тебе, матушка, но только сперва дай мне поесть.

Мать накормила Аладдина вареными бобами — даже хлеба у нее не было! — и потом сказала:

— А теперь расскажи мне, что с тобой случилось и где ты провел ночь.

— Я был в подземелье и нашел там чудесные камни, — сказал Аладдин и рассказал матери все, что с ним было.

Окончив рассказ, он заглянул в миску, где были бобы, и спросил:

— Нет ли у тебя еще чего-нибудь поесть, матушка? Я голоден.

— Нет у меня ничего, дитя мое. Ты с'ел все, что я приготовила и на сегодня и на завтра, — грустно сказала мать Аладдина. — Я так горевала о тебе, что не работала, и у меня нет пряжи, чтобы продать на рынке.

— Не горюй, матушка, — сказал Аладдин. — У меня есть лампа, которую я взял в подземелье. Правда, она старая, но ее все-таки можно продать.

Он вынул лампу и подал ее матери. Мать взяла ее, осмотрела и сказала:

— Пойду, почищу ее и снесу на рынок. Может быть, за нее дадут столько, что нам хватит на ужин.

Она взяла тряпку и кусок мела и вышла на двор. Но как только она начала тереть лампу тряпкой, земля задрожала и перед ней появился огромный и ужасный джин. Мать Аладдина закричала и упала без чувств. Аладдин услышал крик и заметил, что в комнате потемнело. Он выбежал на двор и увидел, что мать лежит, лампа валяется на земле, а посреди двора стоит джин, такой огромный, что головы его не видно, и он заслонил собой солнце, так что стало темно как в сумерки.

Аладдин поднял лампу, и вдруг раздался громовой голос:

— О владыка лампы, я к твоим услугам. Приказывай — получишь!

Аладдин уже начал привыкать к джинам и поэтому не слишком испугался. Он поднял голову и крикнул как можно громче, чтобы джин его услышал:

— Кто ты, о джин, и что ты можешь делать?

— Я Маймун, сын Шамхуриша! — ответил джин. — Я раб лампы и раб того, кто ею владеет. Требуй от меня, чего хочешь. Если тебе угодно, чтобы я разрушил город или построил дворец, — приказывай!

Когда он говорил, мать Аладдина пришла в себя и, увидя возле своего лица огромную ступню джина, которая была величиной с большую лодку, закричала от ужаса. А Аладдин приставил руки ко рту и крикнул во весь голос:

— Принеси нам две жареные курицы и еще что-нибудь хорошее, а потом убирайся. А то моя мать тебя боится. Она еще не привыкла разговаривать с джинами.

Джин исчез, и через мгновение принес стол, покрытый прекрасной кожаной скатертью. На нем стояло двенадцать золотых блюд со всевозможными вкусными кушаньями и два кувшина с розовой водой, подслащенной и охлажденной снегом. Раб лампы поставил стол перед Аладдином и исчез, а Аладдин с матерью начали есть и ели, пока не насытились. Когда они поели и вымыли руки, мать Аладдина убрала остатки кушаний. Потом Аладдин с матерью сели и стали разговаривать, грызя фисташки и сухой миндаль.

— О матушка! — сказал Аладдин.—Эту лампу надо беречь и никому не показывать. Теперь я понимаю, почему этот проклятый магрибинец хотел получить только ее и отказывался от всего остального. Эта лампа и еще кольцо, которое у меня осталось, принесут нам счастье и богатство.

— Делай, как тебе вздумается, дитя мое, — сказала мать, — но только я не хо-

чу больше видеть этого джина: уж очень он страшный и отвратительный.

Через несколько дней пища, которую принес джин, кончилась и Аладдину с матерью опять стало нечего есть. Тогда Аладдин взял одно из золотых блюд и пошел на рынок его продавать. Это блюдо сейчас же купил один торговец драгоценностями и дал за него сто динаров. Аладдин весело побежал домой. С этих пор, как только кончались деньги, Аладдин ходил на рынок и продавал одно из блюд. И они жили, ни в чем не нуждаясь. Аладдин часто сидел на рынке, в лавках купцов, и учился продавать и покупать. Он узнал цену всех вещей и понял, что ему досталось огромное богатство и что каждый камешек, который он подобрал в подземном саду, стоит дороже, чем любой драгоценный камень, какой можно найти на земле.

Однажды утром, когда Аладдин был на рынке, вышел на площадь глашатай и закричал:

— О люди, заприте свои лавки и войдите в дома, и пусть никто не смотрит из окон! Сейчас царевна Будур, дочь султана, пойдет в баню, и никто не может видеть ее!

Купцы бросились запирать лавки, а народ, толкаясь, побежал с площади. Аладдину вдруг очень захотелось поглядеть на царевну Будур: все в городе говорили, что прекраснее ее нет девушки на свете. Аладдин быстро прошел к бане и спрятался за дверью так, что его никто не мог увидеть.

Вся площадь вдруг опустела. И вот на дальнем конце площади показалась толпа девушек, ехавших на серых мулах, оседланных золотыми седлами. У каждой был в руках острый меч. А посреди них медленно ехала девушка, сидевшая на еще более роскошном седле и одетая пышнее и наряднее всех других. Это и была царевна Будур.

Она откинула с лица покрывало, и Аладдину показалось, что перед ним сияющее солнце, — он невольно закрыл глаза. Царевна сошла с мула и, пройдя в двух шагах от Аладдина, вошла в баню. А Аладдин побрел домой, тяжко вздыхая. Он не мог забыть о красоте царевны Будур.

«Правду говорят, что она прекраснее всех на свете, — думал он. — Клянусь жизнью моей головы, пусть я умру самой страшной смертью, если не женюсь на ней!»

Он вошел к себе в дом, бросился на постель и пролежал до вечера. Когда его мать спрашивала, что с ним, он только махал на нее рукой. Наконец, она так пристала к нему с расспросами, что он не выдержал и сказал:

— О матушка, я хочу жениться на царевне Будур, а иначе я погибну! Если ты не хочешь, чтобы я умер, пойди к султану и попроси его выдать Будур за меня замуж.

— Что ты такое говоришь, дитя мое! — воскликнула старуха. — Тебе, наверное, солнце напекло голову! Разве слыхано, чтобы сыновья портных женились на дочерях султанов! На вот, поешь лучше молодого барашка и усни. Завтра ты и думать не станешь о таких вещах!

— Не надо мне барашка! Я хочу жениться на царевне Будур! — закричал Аладдин. — Ради моей жизни, о матушка, пойди к султану и посватайся за меня к царевне Будур!

— О сынок! — сказала мать Аладдина. — Я не лишилась ума, чтобы идти к султану с такой просьбой. Я еще не забыла, кто я такая и кто ты такой!

Но Аладдин упрашивал мать до тех пор, пока она не устала говорить «нет».

— Ну хорошо, сынок, я пойду, — сказала она. — Но ты ведь знаешь, что к султану не приходят с пустыми руками. А что я могу ему принести подходящее для его султанского величества.

Аладдин вскочил с постели и весело крикнул:

— Не беспокойся об этом, матушка! Возьми лучше одно из золотых блюд и наполни его драгоценными камнями, которые я принес из сада. Это будет достойный подарок султану. У него, конечно, нет таких камней, как мои!

Аладдин схватил самое большое блюдо и доверху наполнил его драгоценными камнями. Его мать взглянула на них и закрыла глаза рукой: так ярко сверкали камни, переливаясь всеми цветами!

— С таким подарком, пожалуй, не стыдно идти к султану, — сказала она. — Не знаю только, повернется ли у меня язык сказать то, о чем ты просишь. Но я наберусь смелости и попробую.

— Попробуй, матушка, только скорее! — сказал Аладдин. — Иди и не мешкай!

Мать Аладдина покрыла блюдо тонким шелковым платком и пошла ко дворцу султана.

«Ох, выгонят меня из дворца и побьют, а камни отнимут, — думала она. — А может быть, и в тюрьму посадят».

Наконец, она пришла в диван[1] и встала в самом дальнем углу. Было еще рано, и в диване никого не было, но постепенно он наполнился эмирами, везирями, вельможами и знатными людьми царства в пестрых халатах всех цветов и стал похож на цветущий сад. Султан пришел позже всех, окруженный черными рабами с мечами в руках. Он сел на престол и начал разбирать дела и принимать жалобы, а самый высокий раб стоял с ним рядом и отгонял от него мух большим опахалом.

Когда все дела были окончены, султан махнул платком — это означало конец — и ушел, опираясь на плечи рабов.

А мать Аладдина вернулась домой и сказала сыну:

— Ну, сынок, у меня хватило смелости! Я вошла в диван и пробыла там, пока он не кончился. Завтра я поговорю с султаном, будь спокоен, а сегодня у меня не было времени.

На другой день она опять пошла в диван и снова ушла, когда он кончился, не сказав ни слова султану. Она пошла и на следующий день, и скоро привыкла ходить в диван ежедневно. Целые дни стояла она в углу, но так и не могла сказать султану, в чем ее просьба.

А султан, наконец, заметил, что какая-то старуха с большим блюдом в руках каждый день приходит в диван, и однажды он сказал своему везирю:

— О везирь, я хочу знать, кто эта старая женщина и зачем она приходит сюда. Спроси, в чем ее дело, и если у нее есть какая-нибудь нужда, я ее исполню.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал везирь.

Он подошел к матери Аладдина и крикнул:

— Эй, старуха, поговори с султаном! Если у тебя есть какая-нибудь нужда, султан ее исполнит.

Когда мать Аладдина услышала эти слова, у нее затряслись поджилки и она чуть не выронила из рук блюдо. Везирь подвел ее к султану, и она поцеловала землю перед ним, а султан спросил ее:

— О старуха, почему ты каждый день приходишь в диван и ничего не говоришь? Скажи, что тебе нужно?

— Выслушай меня, о султан, и не дивись моей просьбе, — сказала старуха. — Прежде чем я тебе ее скажу, обещай мне пощаду!

— Пощада будет тебе, — сказал султан. — Говори.

Мать Аладдина еще раз поцеловала землю перед султаном и сказала:

— О владыка султан! Мой сын Аладдин шлет тебе в подарок вот эти камни и просит тебя отдать ему в жены твою дочь — царевну Будур.

Она сдернула с блюда платок — и весь диван осветился: так засверкали камни! А везирь и султан оторопели при виде таких драгоценностей.

— О везирь, — сказал султан. — Видел ли ты когда-нибудь такие камни?

— Нет, о владыка султан, не видал, — отвечал везирь.

А султан сказал:

— Я думаю, что человек, у которого есть такие камни, достоин быть мужем моей дочери. Каково твое мнение, о везирь?

Когда везирь услышал эти слова, его лицо пожелтело и он позавидовал Аладдину великой завистью: у него был сын, которого он хотел женить на царевне Будур, и султан уже обещал ему выдать Будур замуж за его сына. Но султан очень любил драгоценности, а в его казне не было ни одного такого камня, как те, что лежали перед ним на блюде.

— О владыка султан! — сказал везирь. — Не подобает твоему величеству отдавать царевну замуж за человека, которого ты даже не знаешь. Может быть, у него ничего нет, кроме этих камней, и ты выдашь дочь за нищего. По моему мнению, самое лучшее — это потребовать от него, чтобы он подарил тебе сорок таких же блюд, наполненных драгоценными камнями, и сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять. Тогда мы узнаем, богат ли он или нет.

А про себя визирь думал: «Невозможно, чтобы кто-нибудь мог все это достать! Он будет бессилен это сделать, и я избавлюсь от него».

— Ты хорошо придумал, о везирь! — закричал султан и сказал матери Аладдина: — Ты слышала, что говорит везирь? Иди и передай твоему сыну, если он хочет жениться на моей дочери, пусть присылает сорок золотых блюд с такими же

[1] Диван — собрание придворных султана. Так же называется и зал, в котором происходят такие собрания.

— Вот то, что ты требовал,— сказал джин и исчез.

камнями, и сорок невольниц, и сорок рабов.

Мать Аладдина поцеловала перед султаном землю и пошла домой. Она шла и говорила себе, качая головой:

— Откуда же Аладдин возьмет все это? Ну допустим, что он пойдет в подземный сад и наберет там еще камней. Но откуда возьмутся рабы и невольницы?

Так она разговаривала сама с собой всю дорогу, пока не дошла до дому. Она вошла к Аладдину грустная и смущенная. Увидя, что у матери нет в руках блюда, Аладдин спросил:

— О матушка, я вижу, ты сегодня говорила с султаном? Что же он ответил тебе?

— О дитя мое, лучше было бы мне и не ходить к султану и не говорить с ним, — сказала старуха. — Послушай только, что он мне сказал!

И она передала Аладдину слова султана, а Аладдин засмеялся от радости и воскликнул:

— Успокойся, матушка, это — самое легкое дело!

Он взял лампу и потер ее, и, когда мать увидела это, она бегом бросилась в кухню, чтобы не видеть джина. А джин сейчас же явился и сказал:

— О господин, я к твоим услугам. Чего ты хочешь? Требуй — получишь.

— Мне нужно сорок золотых блюд, полных драгоценных камней, сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять, — сказал Аладдин.

— Будет исполнено, о господин, — ответил Маймун, раб лампы. — Может быть, ты хочешь, чтобы я разрушил город или построил дворец? Приказывай!

— Нет, сделай то, что я тебе сказал, — ответил Аладдин, и раб лампы исчез.

А через самое короткое время он появился снова, а за ним шли сорок прекрасных невольниц, и каждая держала на голове золотое блюдо с драгоценными камнями, а невольниц сопровождали рослые, красивые рабы с обнаженными мечами.

— Вот то, что ты требовал, — сказал джин и исчез.

Тогда мать Аладдина вышла из кухни, осмотрела рабов и невольниц, а потом выстроила их парами и гордо пошла впереди них ко дворцу султана.

Весь народ сбежался смотреть на это невиданное шествие, и стража во дворце онемела от изумления, когда увидела этих рабов и невольниц.

Мать Аладдина привела их прямо к султану, и все они поцеловали землю перед султаном и, сняв блюда с головы, поставили их в ряд. Султан совсем растерялся от радости и не мог выговорить ни слова. А придя в себя, он сказал везирю:

— О везирь, каково твое мнение? Разве недостоин тот, кто имеет такое богатство, стать мужем моей дочери, царевны Будур?

— Достоин, о владыка! — отвечал везирь, тяжело вздыхая: он не смел сказать «нет», хотя зависть и досада убивали его.

— О женщина, — сказал султан матери Аладдина, — пойди и передай твоему сыну, что я принял его подарок и согласен выдать за него царевну Будур. Пусть он явится ко мне: я хочу с ним познакомиться.

Мать Аладдина торопливо поцеловала землю перед султаном и со всех ног побежала домой так быстро, что ветер не мог угнаться за ней. Она прибежала к Аладдину и закричала:

— Радуйся, о сын мой! Султан принял твой подарок и согласен, чтобы ты стал мужем царевны! Он сказал это при всех! Иди сейчас же во дворец: султан хочет с тобой познакомиться. Я выполнила поручение — теперь кончай дело сам!

— Спасибо тебе, матушка, — сказал Аладдин, — сейчас я пойду к султану. А теперь уходи: я буду разговаривать с джином.

Аладдин взял лампу и потер ее, и тотчас же явился Маймун, раб лампы. И Аладдин сказал ему:

— О Маймун, приведи мне сорок восемь белых невольников: это будет моя свита. И пусть двадцать четыре невольника идут впереди меня, а двадцать четыре — сзади. И еще доставь мне тысячу динаров и самого лучшего коня.

— Будет исполнено, — сказал джин и исчез.

Он доставил все, что велел Аладдин и спросил:

— Чего ты хочешь еще? Не хочешь ли ты, чтобы я разрушил город или построил дворец. Я все могу.

— Нет, пока не надо, — сказал Аладдин.

Он вскочил на коня и поехал к султану, и все жители сбежались посмотреть на красивого юношу, ехавшего с такой пышной свитой. На рыночной площади, где

было больше всего народа, Аладдин достал из мешка горсть золота и бросил ее окружавшим его людям. Все кинулись ловить и подбирать монеты, а Аладдин бросал и бросал, пока мешок не опустел.

Он под'ехал к дворцу, и все везири, эмиры, и приближенные встретили его у ворот и проводили к султану. Султан поднялся к нему навстречу и сказал:

— Добро пожаловать тебе, Аладдин, — жаль, что я не познакомился с тобой раньше. Я слышал, что ты хочешь жениться на моей дочери. Я согласен на это, и сегодня будет свадьба. Ты все приготовил для этого?

— Нет еще, о владыка султан, — ответил Аладдин. — Я не выстроил еще для царевны Будур дворца, подходящего ее сану.

— А когда же будет свадьба? — спросил султан. — Ведь дворец в короткое время не выстроишь.

— Не беспокойся, о владыка султан, — сказал Аладдин, — и подожди немного.

— А где ты собираешься построить дворец, о Аладдин? — спросил султан.— Не хочешь ли ты выстроить его перед моими окнами, вот на этом пустыре?

— Как тебе будет угодно, о владыка, — ответил Аладдин.

Он простился с царем и уехал домой вместе со всей своей свитой.

Дома он взял лампу, потер ее и, когда появился джин Маймун, сказал ему:

— Ну, теперь выстрой дворец, но такой, какого еще не было на земле. Можешь сделать это?

— Могу! — воскликнул джин голосом, подобным грому. — К завтрашнему утру будет готово. Будешь доволен!

И в самом деле, на следующее утро на пустыре возвышался великолепный дворец. Стены были сложены из золотых и серебряных кирпичей, а крыша была алмазная. Чтобы взглянуть на нее, Аладдину пришлось взобраться на плечо джина Маймуна: так высок был дворец. Аладдин обошел все комнаты во дворце и сказал Маймуну:

— О Маймун, я придумал одну шутку, Сломай вот эту колонну и пусть султан думает, что мы забыли выстроить ее. Он захочет построить ее сам и не сможет этого сделать, и тогда он увидит, что я сильнее и богаче его.

— Хорошо, — сказал джин и махнул рукой, и колонна исчезла, как будто ее и не было. — Не хочешь ли ты еще что-нибудь разрушить?

— Нет, сказал Аладдин. — Теперь я пойду и приведу сюда султана.

А султан утром подошел к окну и увидел дворец, который так блестел и сверкал на солнце, что на него больно было смотреть. Султан поспешно позвал везиря и показал ему дворец.

— Ну, что скажешь, о везирь? — спросил он. — Достоин ли быть мужем моей дочери тот, кто в одну ночь построил такой дворец?

— О владыка султан! — закричал везирь. — Разве ты не видишь, что этот Аладдин — колдун? Берегись, как бы он не отобрал у тебя твое царство!

— Завистливый ты человек, о везирь, — сказал султан. — Мне нечего бояться, а ты говоришь все это из зависти.

В это время вошел Аладдин и, поцеловав землю у ног султана, попросил его посмотреть дворец.

Султан с везирем обошли весь дворец, и султан не уставал восхищаться его красотой и пышностью. Наконец, Аладдин привел гостей к тому месту, где Маймун разрушил колонну. Везирь сейчас же заметил, что не хватает одной колонны и закричал:

— Дворец не достроен! Одной колонны здесь не хватает.

— Не беда, — сказал султан. — Я сам поставлю эту колонну. Позвать сюда главного строителя!

— Лучше не пробуй, о султан, — тихо сказал ему везирь, — тебе это не под силу. Посмотри: эти колонны такие высокие, что не видно, где они кончаются, и они сверху донизу выложены драгоценными камнями.

— Замолчи, везирь! — гордо сказал султан. — Неужели я не смогу выстроить одну колонну?

Он велел созвать всех каменотесов, какие были в городе, и отдал все свои драгоценные камни, но их не хватало. Узнав об этом, султан рассердился и крикнул:

— Откройте главную казну, отберите у моих подданных все драгоценные камни! Неужели всего моего богатства не хватит на одну колонну?

Но через несколько дней строители пришли к султану и доложили, что камней и мрамора хватило только на четверть колонны. Султан велел отрубить им

головы, но колонны все-таки не поставил. Узнав об этом, Аладдин сказал султану:

— Не печалься, о султан! Колонна уже стоит на месте, и я возвратил все драгоценные камни их владельцам.

В тот же вечер султан устроил великолепный праздник по случаю свадьбы Аладдина и царевны Будур, и Аладдин с женой стали жить в новом дворце.

Вот пока все, что было с Аладдином. Что же касается магрибинца, то он вернулся к себе в Ифрикию и долго горевал и огорчался. Он испытал столько бедствий и мучений, стараясь раздобыть волшебную лампу, но она все-таки не досталась ему, хотя была совсем близко. Только одно утешение осталось у магрибинца. «Раз этот Аладдин погиб в подземелье, значит, и лампа находится там же. Может быть, мне удастся завладеть ею без Аладдина?» — думал он.

Так он раздумывал об этом целыми днями и неделями. И вот однажды он захотел убедиться, что лампа цела и находится в подземелье. Он погадал на песке и увидел, что все в сокровищнице осталось, как и было, но лампы там больше нет. Сердце его замерло, он стал гадать дальше и узнал, что Аладдин спасся из подземелья и живет в своем родном городе. Быстро собрался магрибинец в путь и поехал через моря, через горы и пустыни, в далекую Персию. Снова пришлось ему терпеть беды и несчастья, и, наконец, он прибыл в тот город, где жил Аладдин.

Магрибинец пошел на рынок и стал слушать, что говорят люди. А в это время как раз кончилась война у персов с кочевниками и Аладдин, который стоял во главе войска, вернулся в город победителем. На рынке только и было разговоров, что о подвигах Аладдина.

Магрибинец походил и послушал, а потом подошел к продавцу холодной воды и спросил его:

— Кто такой этот Аладдин, о котором здесь все говорят?

— Сразу видно, что ты не здешний, — ответил продавец, — иначе ты знал бы, кто такой Аладдин. Это самый богатый человек во всем мире, а его дворец — настоящее чудо!

Магрибинец протянул водоносу динар и сказал ему:

— Возьми этот динар и окажи мне услугу. Я и вправду чужой в вашем городе, и мне хотелось бы посмотреть на дворец Аладдина. Проводи меня к этому дворцу.

— Никто лучше меня не покажет тебе дорогу, — сказал водонос. — Идем!

Он привел магрибинца к дворцу и ушел, благословляя этого чужеземца за щедрость. А магрибинец обошел кругом дворца и, осмотрев его со всех сторон, сказал про себя:

— Такой дворец мог построить только джин, раб лампы. Наверное, она находится в этом дворце.

Долго придумывал магрибинец хитрость, с помощью которой он мог бы завладеть лампой, и, наконец, придумал.

Он пошел к меднику и сказал ему:

— Сделай мне десять медных ламп возьми за них какую хочешь плату только поторопись. Вот тебе пять динаров в задаток.

— Слушаю и повинуюсь,—ответил медник.— Приходи к вечеру: лампы будут готовы.

Вечером магрибинец получил десять новеньких ламп, блестевших как золотые. Он провел ночь без сна, думая о хитрости, которую он устроит, а на рассвете поднялся и пошел по городу крича:

— Кто хочет обменять старые лампы на новые? У кого есть старые медные лампы? Меняю на новые!

Народ толпой ходил за магрибинцем, а дети прыгали вокруг него и кричали:

— Бесноватый, бесноватый!

Но магрибинец не обращал на них внимания и кричал свое:

— У кого есть старые лампы? Меняю на новые!

Наконец, он пришел к дворцу Аладдина. Аладдина в это время не было дома: он уехал на охоту, и во дворце была только его жена, царевна Будур.

Услышав крики магрибинца, Будур послала старшего привратника узнать, в чем дело, и привратник, вернувшись, сказал ей:

— Это какой-то бесноватый дервиш. У него в руках новые лампы, и он дает за каждую старую лампу новую.

Царевна Будур рассмеялась и сказала:

— Хорошо бы проверить, правду ли он говорит или обманывает? Нет ли у нас во дворце какой-нибудь старой лампы?

— Есть, госпожа, — сказала одна из невольниц. — Я видела в комнате господина нашего Аладдина медную лампу. Она вся позеленела и никуда не годится.

А Аладдину, когда он уезжал на охоту, понадобились припасы, и он вызвал джина Маймуна, чтобы тот принес, что нужно. Когда джин принес заказанное, раздался звук рога, и Аладдин, заторопившись, бросил лампу на постель и выбежал из дворца.

— Принеси эту лампу, — приказала Будур невольнице, — а ты, Кафур, отнеси ее магрибинцу и пусть он даст нам новую!

И привратник Кафур вышел на улицу и отдал магрибинцу волшебную лампу, а взамен получил новенький медный светильник. Магрибинец сильно обрадовался, что его хитрость удалась, и спрятал лампу за пазуху. Он купил на рынке осла и уехал. А выехав за город и убедившись, что никто его не видит и не слышит, магрибинец потер лампу, и джин Маймун явился перед ним. Магрибинец крикнул ему:

— Хочу, чтобы ты перенес дворец Аладдина и всех, кто в нем находится, в Ифрикию и поставил бы его в моем саду, возле моего дома! И меня тоже перенеси туда!

— Будет исполнено, — сказал джин. — Закрой глаза и открой глаза — и дворец будет в Ифрикии. А может быть, ты хочешь, чтобы я разрушил город.

— Исполняй то, что я тебе приказал, — сказал магрибинец и не успел договорить этих слов, как увидел себя в своем саду в Ифрикии, у дворца, и вот пока все, что с ним было.

Что же касается султана, то он проснулся утром и выглянул в окно и вдруг видит, что дворец исчез, и там, где он стоял, ровное, гладкое место. Султан протер глаза, думая, что он спит, и даже ущипнул себе руку, чтобы проснуться, но дворец не появился.

Султан не знал, что подумать, и начал громко плакать и стонать. Он понял что с царевной Будур случилась какая-то беда. На крики султана прибежал везирь и спросил:

— Что с тобой случилось, о владыка султан? Какое бедствие тебя поразило?

— Разве ты ничего не знаешь? — закричал султан. — Ну, так взгляни в окно: что ты видишь? Где дворец? Ты мой везирь и отвечаешь за все, что делается в городе, а у тебя под носом пропадают дворцы, и ты ничего не знаешь об этом! Где моя дочь, плод моего сердца? Говори!

— Не знаю, о владыка султан, — ответил испуганный везирь. — Я говорил тебе, что этот Аладдин — злой волшебник, но ты мне не верил.

— Приведи сюда Аладдина! — закричал султан, — и я отрублю ему голову!

В это время Аладдин как раз возвращался с охоты. Слуги султана вышли на улицу, чтобы разыскать его, и, увидев его, побежали к нему навстречу.

— Не взыщи с нас Аладдин, господин наш, — сказал один из них. — Султан приказал скрутить тебе руки, заковать в цепи и привести к нему. Нам будет тяжело это сделать, но мы люди подневольные и не можем ослушаться приказа султана.

— За что султан разгневался на меня? — спросил Аладдин. — Я не сделал и не задумал ничего дурного против него и против его подданных.

Тогда пришел кузнец и заковал ноги Аладдина в цепи. Пока он делал это, вокруг Аладдина собралась толпа. Жители города любили Аладдина за его доброту и щедрость, и, когда они узнали, что султан хочет отрубить ему голову, они все сбежались к дворцу. А султан велел привести Аладдина к себе и сказал ему:

— Прав был мой везирь, когда говорил, что ты колдун и обманщик. Где твой дворец и где моя дочь Будур?

— Не знаю, о владыка султан, — ответил Аладдин. — Я ни в чем перед тобой не виновен.

— Отрубить ему голову! — крикнул султан, и Аладдина снова вывели на улицу, а за ним вышел палач.

Когда жители города увидели палача, они обступили Аладдина и послали сказать султану:

— Если ты, о султан, не помилуешь Аладдина, то мы опрокинем на тебя твой дворец и перебьем всех, кто в нем находится. Освободи Аладдина и окажи ему милость, а то тебе придется плохо.

— Что мне делать, о везирь? — спросил султан, и везирь сказал ему:

— Сделай так, как они говорят. Они любят Аладдина больше чем нас с тобой, и если ты его убьешь, нам всем не сдобровать.

— Ты прав, о везирь, — сказал султан и велел расковать Аладдина и сказать ему от имени султана такие слова:

«Я пощадил тебя, потому что тебя любит народ, но если ты не отыщешь мою дочь, то я все-таки отрублю тебе голову.

Аладдин потер кольцо, и тотчас явился перед ним джин Дахнаш.

Даю тебе сроку для этого дела сорок дней».

— Слушаю и повинуюсь,—сказал Аладдин и пошел из города.

Он не знал, куда ему направиться и где искать царевну Будур, и горе так давило его, что он решил утопиться. Он дошел до большой реки и сел на берегу, грустный и печальный.

Задумавшись, он опустил в воду правую руку и вдруг почувствовал, как что-то соскальзывает с его мизинца. Аладдин быстро вынул руку из воды и увидел на мизинце кольцо, которое надел ему магрибинец и о котором он совсем забыл.

Аладдин потер кольцо, и тотчас явился перед ним джин Дахнаш, сын Кашкаша, и сказал:

— О владыка кольца, я перед тобой. Чего ты хочешь? Приказывай!

— Хочу, чтобы ты перенес мой дворец на прежнее место! — сказал Аладдин.

Но джин, слуга кольца, смущенно опустил голову и ответил:

— О господин, тяжело мне в этом признаться, но я не могу этого сделать. Дворец построен рабом лампы, и только он один может его перенести. Потребуй от меня чего-нибудь другого!

— Если так, — сказал Аладдин, — снеси меня туда, где находится сейчас мой дворец!

— Закрой глаза, — сказал джин, и, когда Аладдин закрыл и снова открыл глаза, он увидел себя в саду, перед своим дворцом.

Он вбежал наверх по лестнице и увидел свою жену Будур, которая горько плакала. Увидев Аладдина, она вскрикну-

ла и заплакала еще громче — теперь уже от радости. Успокоившись немного, она рассказала Аладдину обо всем, что с ней произошло, а затем сказала:

— Этот проклятый магрибинец приходит ко мне и уговаривает меня выйти за него замуж и забыть тебя. Он говорил, что султан, мой отец, отрубил тебе голову и что ты был сыном бедняка, так что о тебе не стоит печалиться. Но я не слушаю речей этого злого магрибинца, а все время плачу о тебе.

— А где он хранит волшебную лампу? — спросил Аладдин, и Будур ответила:

— Он никогда с ней не расстается и всегда держит при себе.

— Слушай меня, о Будур, — сказал Аладдин. — Когда этот проклятый опять придет к тебе, будь с ним ласкова и приветлива и обещай ему, что выйдешь за него замуж. Попроси его поужинать с тобой и, когда он начнет есть и пить, подсыпь ему в вино вот этого сонного порошка. А когда магрибинец уснет, я войду в комнату и убью его.

— Мне будет нелегко говорить с ним ласково, — сказала Будур. — Но я постараюсь. Он скоро должен придти. Иди, я тебя спрячу в темной комнате, а когда он уснет, я хлопну в ладоши — и ты войдешь.

Как только Аладдин успел спрятаться, в комнату Будур вошел магрибинец. На этот раз она встретила его весело и приветливо сказала:

— О господин мой, подожди немного, я принаряжусь, а потом мы с тобой вместе поужинаем.

— С охотой и удовольствием, — сказал магрибинец и вышел.

А Будур надела свое лучшее платье и приготовила кушанья и вино. Когда магрибинец вернулся, Будур сказала ему:

— Ты прав был, о господин мой, когда говорил, что Аладдина не стоит любить и помнить. Мой отец отрубил ему голову, и теперь нет у меня никого кроме тебя. Я выйду за тебя замуж, но сегодня ты должен исполнять все, что я тебе прикажу.

— Приказывай, о госпожа моя, — сказал магрибинец.

И Будур стала его угощать и поить вином и, когда он немного опьянел, сказала ему:

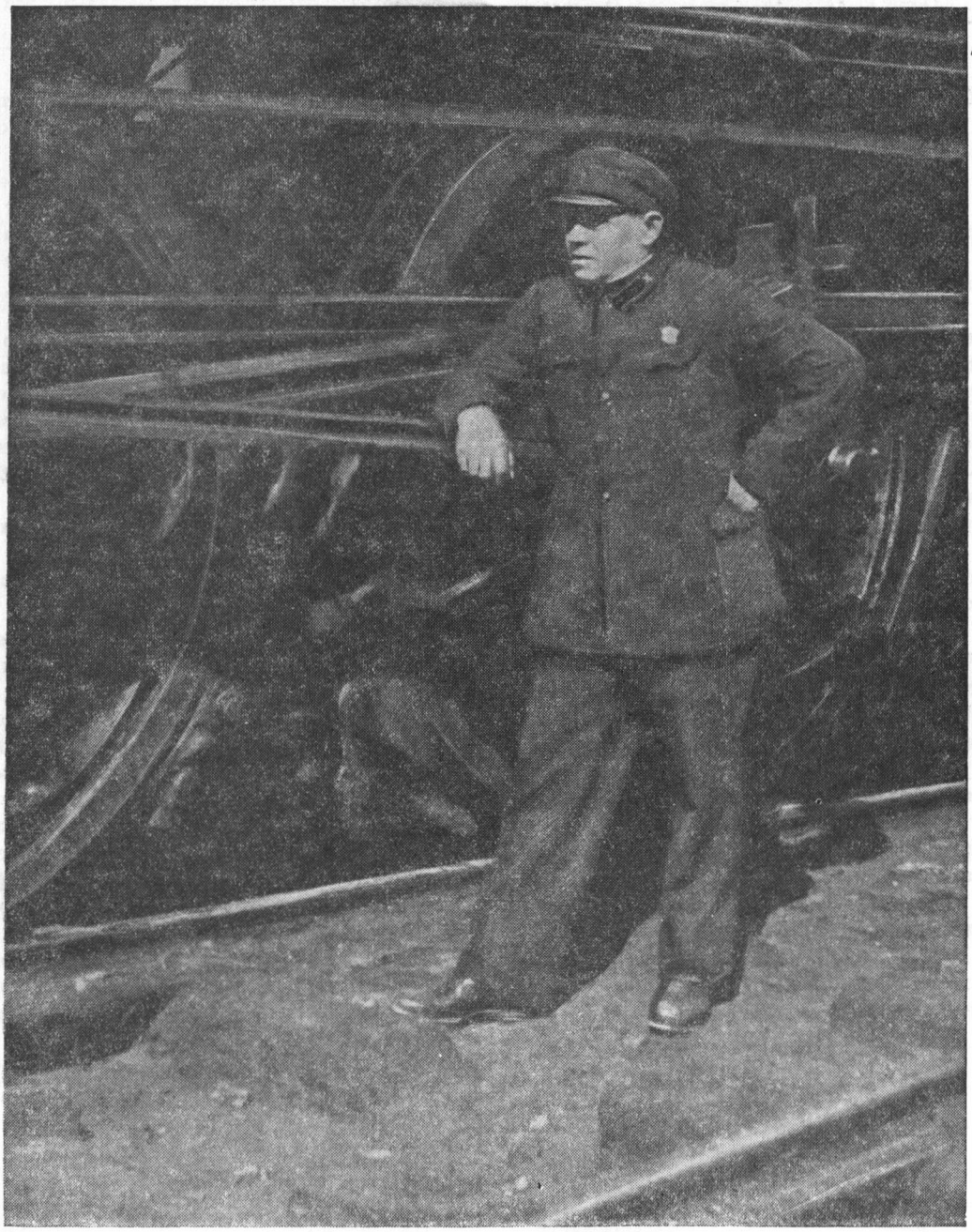
— В нашей стране есть один обычай: когда жених и невеста едят и пьют вместе, то последний глоток вина каждый выпивает из кубка другого. Дай же мне твой кубок, я отопью из него глоток, а ты выпьешь из моего.

И Будур подала магрибинцу кубок вина, в которое она заранее подсыпала сонного порошка. Магрибинец выпил его и сейчас же упал как пораженный громом и захрапел, а Будур хлопнула в ладоши. Аладдин только этого и ждал. Он вбежал в комнату и, размахнувшись мечом, отрубил голову магрибинцу. А затем он вынул у него из-за пазухи лампу и потер ее, и сейчас же появился Маймун, раб лампы, и Аладдин приказал ему:

— Отнеси дворец на прежнее место!

Через мгновение дворец уже стоял напротив дворца султана, и султан, который в это время сидел у окна и горько плакал о своей дочери, чуть не лишился чувств от изумления и радости. Он сейчас же прибежал во дворец, где была его дочь Будур. Аладдин с женой встретили султана, плача от радости.

И султан просил у Аладдина прощения за то, что хотел отрубить ему голову. И с этого дня прекратились несчастия Аладдина, и он долго и счастливо жил в своем дворце вместе со своей женой и матерью, пока не пришла к нему смерть.



Михаил Тарасович Обухов, один из старейших и лучших машинистов Ленинской железной дороги, награжденный за свою работу орденом Ленина.

На снимке: тов. Обухов у своего паровоза.

Двадцать шесть лет на паровозе

Рассказ машиниста М. Т. Обухова

Крушение под станцией Конобеевкой

Хороший машинист все время помнит, что в его руках тысяча человеческих жизней.

Вот идет пассажирский поезд. Пассажиры удобно расположились, разговаривают, смотрят в окна. И никто не думает, что, может, в этот момент паровозная бригада переживает очень трудные минуты, напрягает все силы и уменье, чтобы безопасно и вовремя доставить пассажиров. И доставляет. У хорошего машиниста все идет гладко, но это не значит, что он может успокоиться: ведь только тогда и идет все гладко, когда машинист начеку, когда каждая мелочь проверена и все предусмотрено.

Товарные поезда еще труднее водить чем пассажирские. Тут ведешь огромный, тяжелый состав. Он может оборваться где-нибудь на под'еме, а это значит опоздание, срыв графика движения, убытки государству.

Едет машинист и все прислушивается к вагонам: как они берут горку, как идут под уклон, все ли в порядке.

А то бывает, стоишь зимней ночью перед закрытым семафором. Вьюга. Ветер так и рвет крышу с паровозной будки. Главному кондуктору по сугробам не пробраться ко мне. Наметает снегу перед колесами. Ждешь, когда дадут путь, и думаешь, как-то еще стронешь с места состав, чтобы и взять сразу через сугробы и не рвануть слишком, не оборвать.

Чтобы вы поняли, как нужны машинисту находчивость, выдержка и внимание, я расскажу вам один случай.

В 1926 году, 20 октября, было у меня крушение поезда. Случилось это глубокой ночью, в темноте. Я подходил к Конобеевке. А оттуда навстречу мне упустили хвост поезда в 40 вагонов. Потом выяснилось, что на станции составляли товарный поезд и делали маневры, не сцепив вагонов, вот часть из них и укатила, да вдобавок на станции никто этого не заметил. А за станцией сейчас же начинается уклон. Вагоны разбежались вовсю.

Увидел я эти вагоны—давай скорей тормозить, чтоб хоть ослабить удар. Состав у меня был товарный, в 75 вагонов, быстро такой состав не остановишь. Все же я успел сделать почти полную остановку. Поэтому мои вагоны пострадали мало. Ну, паровоз, конечно, помяло и завалило на бок, а из того состава 16 вагонов—вдребезги. Меня как-то даже не ранило. Выбираюсь я взглянуть поскорей, что же мы тут наделали, и первое, что вижу,—три огня впереди. Встречный пассажирский!.. А на пути наворочена гора обломков — выше моего паровоза. Что делать? Ни души кругом, и фонаря нет: нечем сигнал подать.

— Жив? — кричу я помощнику.

— Жив!

— Ну, бежим скорей, встречный!

А сам уже лезу через обломки. Нельзя потерять ни одной секунды: поезд саженях в ста.

Перебрались мы через обломки, бежим по полотну. Потом, за несколько шагов до встречи с поездом повернули назад, чтоб бежать в одном с ним направлении, чтоб он не так быстро промелькнул мимо нас. Паровоз догнал, мы бежим изо всех сил рядом, машем руками и кричим:

— Крушение! Стой! Крушение!

Бежали мы на некотором расстоянии друг от друга. Это нарочно: так у машиниста больше шансов нас увидеть. Вот паровоз обогнал помощника, вот обогнал меня. Но машинист уже нас заметил. Экстренным торможением он затормозил поезд. Тот остановился в трех метрах от горы обломков.

Три метра! Подумайте, что это для поезда! Даже не минутное, а секундное дело. Значит, на миг растеряйся мы с помощником или машинист пассажирского, задержись мы на минуту, буквально только на минуту, и крушения нам бы уж не предотвратить.

А поезд был местный. Народу в нем было полно. Большинство ехало в Зарайск, на базар, за яблоками.

После этого случая приказом по дороге я получил благодарность. В приказе было сказано, что я сделал для спасения поезда все, что может сделать машинист.

А вот вам другой случай. Тут в самых спокойных условиях машинист наделал беды только из-за своей беспечности.

Было это давно, в 1912 году. Теперь у нас таких случаев уж не бывает. Машинист Губин с помощником Прошкиным вели товарный на станцию Симоново. Это тут, в Москве. Тупик, куда им надо было загнать состав, обрывался прямо в Москву-реку. Вот едут наши герои и, проезжая мимо Симонова монастыря, заспорили. Губин говорит:

— Монастырь выше Ивана Великого.

А Прошкин:

— Нет, Иван Великий выше. Хоть на 2 кирпича, да выше.

Спорят и не видят, что путь-то уж пошел под уклон. Спохватились только, когда колеса заговорили полным голосом. Скорей тормозить, да где там! Задерживать поезд перед уклоном надо заранее, а когда он раскатился вниз, тут уж поздно, тут его не удержишь.

Кондуктора увидали, что дело плохо, попрыгали с поезда, а спорщики наши вместе с паровозом так и влетели в реку. Хорошо еще, что берег там пологий и мелкий. Паровоз застрял в грунте у самого берега.

На трудном участке

Очень велика наша страна. И по всему простору ее протянуты железнодорожные пути. Грохочут по ним поезда. Везут людей, почту, грузы. Везут уголь, лес, нефть, хлопок. Везут машины для новостроек, трактора для колхозов, разные товары для населения. Всего этого много. Все это нужно доставить быстро. Страна наша быстро растет и богатеет. Страна много требует от транспорта.

А мы, по совести сказать, отстали. Не справились. И вот наш нарком тов. Каганович Лазарь Моисеевич поставил перед нами задачу—наладить транспорт так, чтобы он был достоин нашей страны. Важная роль тут выпала нам, машинистам.

Однажды вызвал меня к себе начальник дороги тов. Кучмин и сказал:

— Придется тебе, товарищ Обухов, поехать в депо Рыбное на прорыв. Подбери себе спаренную бригаду, бери новый паровоз «ФД» и поезжай.

А в Рыбном в это время то и дело были обрывы поездов, машинисты бросали в пути составы, возили их по частям, техническая скорость не выполнялась. Прямо позор! Участок там, правда, трудный. Все время под'емы и спуски. Как по-нашему, по-железнодорожному говорится, профиль пути там ломаный. Но мы доказали, что и на этом участке можно ездить отлично. За 3 месяца, что мы проработали в Рыбном, у нас не было ни одного обрыва поезда.

Приехали мы в Рыбное и стали изучать участок. Присматривались, где рвутся поезда, как ездят в этих местах. Рассчитали, как надо здесь ездить, и показали тамошним машинистам: «Вот в чем беда у вас, ребята!»

Около станции Биркино путь очень трудный, а вдобавок, когда подходишь к ней, то выходного семафора не видно. Машинист не знает заранее, задержут его здесь или нет, и приходится ему авансом, на всякий случай, притормаживать, а дело-то на под'еме. Выходит, из-за этого семафора машинист не может брать под'ем как следует. А потом увидит, что путь свободен, и дает пар на самом перевале. Вот поезд и обрывается. Мы предложили здесь и в других местах, где подобная картина, поставить перед станцией диски сквозного следования. В 5 дней это было исполнено. И на участке Кораблино—Биркино стало работать легче.

Каверзный путь между Старожиловым и Шевцовым. Особенно у блокпоста № 5. Там длинный товарный поезд бывает сразу в трех положениях: на под'еме и на двух спусках. Машинисту надо очень сложно комбинировать, чтоб его не разорвать. Трудно и между Старожиловым и Хрущевым.

Вот мы освоили все эти трудные места и стали передавать тамошним машинистам секрет своей безаварийной езды. Мы собирались в депо. Чертили на доске профили пути. И километр за километром рассказывали, как мы едем. Вот тут я еду с паром,

тут выключаю его сразу, тут постепенно. Тут растягиваю состав так, чтобы все сцепления были натянуты, вагон за вагоном потихоньку забираю и натягиваю.

И что же вы думаете—помогло. Когда мы приехали, в Рыбном насчитывали по 90 обрывов поездов в месяц, а когда уезжали, их почти не было, и заданная наркомом скорость — 40 километров в час — была достигнута.

Для машиниста первое дело—знать путь, как говорится, назубок. Ведь если за под'емом идет спуск, то под'ем надо брать иначе чем тогда, когда дальше ровная площадка. У меня сын—машинист. Когда он начинал ездить, я очень за него беспокоился и составил ему инструкцию в особом блокноте. На каждом листке—перегон. Указан профиль пути и где что делать. Доехал до станции, переворачивай листок, на следующем — новый перегон. Два месяца мой сын ездил с этим блокнотом. Лежал он у него перед глазами на полочке, рядом с часами. Теперь-то уж с того времени пять лет прошло. Сын мой—отличный машинист, не имеет ни одной аварии.

В путь

За 25 минут до отправления машинист, помощник и кочегар ведут свой паровоз на контрольный пост. А до этого еще у машиниста уж весь паровоз просмотрен и выверен. С контрольного поста двигаем к поезду. И тут бригада не стоит без дела в ожидании свистка. Мы сцепляемся с поездом, соединяем рукава тормоза. Автоматчики докладывают, сколько тормозов. Приходит главный кондуктор. В пути следования это начальник поезда. Он берет маршрут. Сообщает машинисту предупреждения, если они есть. Например:

— На 31-м километре ремонт путей. Скорость такая-то.

Сообщает вес поезда, количество вагонов. Машинисту все это обязательно нужно знать. Затем мы секунда в секунду сверяем свои часы.

Теперь все готово. Бригада ждет сигнала отправления.

Видите, ребята, дело машиниста не такое уж легкое, вроде приятного развлечения: кати себе на паровозе да поглядывай в окошко! Нет, это—дело очень тяжелое и ответственное, но зато интересное и важное. Я это свое дело всей душой люблю и стараюсь выполнять как можно лучше.

За мою четкую, хорошую работу правительство наградило меня высшей наградой: в этом году, 26 апреля, я получил орден Ленина.

□ □ □

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

АСТРОНОМИЯ

Самая маленькая планета в мире

Между Землей и Марсом и между Марсом и Юпитером носится множество маленьких планет, которые называются «планетоидами», или «астероидами». Астрономы предполагают, что это остатки какой-то большой планеты, которая разбилась от неведомых причин еще в первые времена существования солнечной системы.

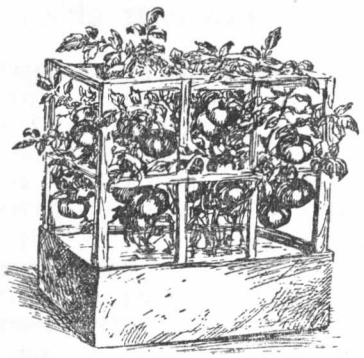
Астероидов сейчас известно больше тысячи. И постоянно астрономы открывают все новые и новые. О некоторых открытиях уже сообщалось в «Пионере».

Недавно бельгийский астроном Дельпор открыл еще один астероид, который он назвал «Антерос». Это — самое маленькое небесное тело, какое только известно астрономам (если не считать, конечно, метеоров). Поперечник Антероса — всего полкилометра, — не больше, чем «Дворец советов», который строится в Москве!

7 февраля этого года Антерос подходил к Земле на расстояние 2 400 000 километров. Ни одно небесное тело (кроме Луны и одной или двух комет) никогда не подходило к Земле так близко!

БОТАНИКА

Земледелие без земли



Давно известно, что растения можно выращивать не в земле, а, скажем, в банке с водой, в которой растворены все нужные растению питательные соли. Такие опыты часто показывают на уроках биологии в школах.

Ну а если развести целый огород в банках?

Такая странная на первый взгляд мысль пришла недавно в голову американскому профессору Герике из Калифорнии. Но так как банки малы для целого города, то он завел вместо них большие четырехугольные баки. Сверху баков он натянул частую проволочную сетку, чтобы класть на нее семена. На дно каждого бака бросил по бутылке с питательными солями — удобрениями. В пробках, которыми заткну-

ты бутылки, просверлены по две маленьких дырочки: через них проходит вода и растворяет соли.

Семена прорастают, корни опускаются в воду и сосут ее вместе с солями. На место выпитой растениями воды тонкой струйкой течет из крана свежая и вымывает из бутылки новые порции удобрений.

На дно баков Герике положил электрические грелки, чтобы вода не становилась слишком холодной.

Что же, вышло что-нибудь из странной затеи американского профессора? И еще как вышло! Растения стали расти так сильно, как никогда не растут в земле. Самые обыкновенные табаки, которые у нас в садах редко достигают метра в высоту, доросли до 7 метров — прямо, как дерево! С четырех баков с помидорами площадью по 2 квадратных метра Герике собрал больше 500 килограммов помидоров. Цветы гладиолусы выросли огромные. А картофеля было столько, что с одного гектара вышло бы 188 тонн — 12 полных железнодорожных вагонов!

Этих замечательных результатов Герике добился не сразу. Очень важно, сколько каких солей положить, насколько нагреть воду, какой величины делать дырочки.

Что же, выходит, что теперь на табачных плантациях будут расти табаки величиной с дерево и с каждого огорода картофель придется отправлять поездами? Нет, конечно, об этом еще рано говорить. Ведь нельзя же строить такие баки, чтобы они занимали целые гектары. Но опыты Герике показывают, что уже сегодня мы можем заставить растения расти так, как они никогда не росли в природе. Сейчас мы можем сделать это в лаборатории, а завтра вырастим гиганты и на полях!

МЕДИЦИНА

Гигантский рентгеновский аппарат

Электрическая лампочка у вас на столе горит от тока в 110—120 вольт.

Ток, двигающий трамвайные вагоны, имеет напряжение раз в пять больше — 600 вольт.

А мощные рентгеновские аппараты требуют тока напряжением почти в 200 раз больше чем трамвайный — 100 000 вольт. Эти аппараты дают рентгеновские лучи, насквозь пронизывающие предметы и живые существа. Рентгеновские лучи позволяют узнать, что делается внутри запертой шкатулки, куска металла и даже внутри живого человека. Рентгеновскими лучами лечат также страшную болезнь — рак.

Чтобы быстрее и лучше лечить больных, рентгеновские аппараты стараются делать все сильнее и сильнее. В последние годы построили гигантские аппараты, которые работают от тока уже не в 100 000 вольт, а в 400 000 и даже 800 000 вольт! Таких аппаратов всего несколько штук во всем мире.

А сейчас в Америке заканчивают постройку аппарата, который будет работать при 1 200 000 вольт! По виду этот аппарат похож на небольшой двухэтажный дом. Высота его — 11 метров, а ширина — 10.

Новым аппаратом можно лечить не одного, а четырех человек сразу. Но не для того строили такую удивительную машину, чтобы заменить ею четыре обыкновенных. Она лечит скорее и лучше их.

Когда с помощью обыкновенных аппаратов лечат больные внутренние органы человека (желудок, печень), то до больного места доходит только часть лучей. Остальные застревают в коже. Если дольше светить, можно сильно обжечь кожу.

Новый аппарат дает более проникающие лучи. Эти лучи легко проникают через кожу, не обжигая ее, и, не потеряв силы, доходят до больного места.

Но мало сделать такой аппарат, надо еще позаботиться о врачах, которые им управляют: их ведь тоже могут обжечь эти удивительные лучи. Чтобы оградить их, аппарат окружен со всех сторон толстым чехлом из свинца. Через свинец рентгеновские лучи проходят хуже всего. Толщина свинцового чехла — 10 сантиметров. В чехле сделаны отверстия, чтобы лучи выходили и попадали на больных.

Но оказалось, что и этого чехла мало. Тогда между аппаратом и местом докторов построили бетонную стенку толщиной в целый метр.

Но как же смогут доктора лечить, сидя совсем в другой комнате, за толстыми стенами?

Наблюдать за больными доктора будут через перископ — прибор, которым пользуются на подводных лодках, чтобы следить за тем, что делается на поверхности. А говорить с больными врачи будут по особому громкоговорящему телефону. Тут не надо подносить трубку к уху: телефон слышно через всю комнату. И говорить можно не в трубку, а тоже через комнату — слышит этот телефон не хуже, чем говорит.

Вот какие замечательные вещи получаются, когда физики, техники и врачи об'единяются для того, чтобы вместе бороться с болезнями!

ЗООЛОГИЯ

Живой единорог

В старых сказках часто говорится о единороге — странном животном, похожем на быка, но с одним единственным рогом во лбу.

Никаких единорогов на свете никогда не было. А сейчас один единорог появился.

Это сказочное животное самым настоящим образом сделал американский биолог Франклин Дов.

Три года назад он взял новорожденного бычка, вырезал у него крошечные кусочки кожи в том месте, где растут рога, и пересадил их на середину лба. И вот рога выросли на новом, необычном месте. Оба кусочка были посажены так близко друг от друга, что и рога слились в один рог. Зато этот единственный рог вдвое больше, чем обычные рога у быка.

Зачем же все это понадобилось? Разве не было у американского ученого более нужного дела?

Каждая операция «пересадки» помогает ученым узнать законы жизни и роста разных частей тела животного. Сейчас уже пересаживают кожу, хрящи и кости у людей, чтобы исправить уродство или увечье. Напри-

мер вырезают кусочки кожи со спины и делают заплатку раненому, у которого вырван клок кожи с лица, делают искусственные носы.

Смелое превращение быка в сказочного единорога — один из тех опытов, которые помогают науке раскрыть законы развития живых существ.

Миролюбивые пчелы

Можно ли вывести такую породу пчел, которая бы никогда не жалила?

Пчел научила жалить борьба за существование. Если бы они не охраняли жалами свои гнезда, то кто бы только из диких зверей, лакомых до меда, не разворовывал их!

Можно ли заставить пчел забыть то, чему выучила весь пчелиный род борьба за существование?

Эта задача оказалась разрешимой. После долгих усилий в зоологическом парке английского города Бристоля выведены пчелы, отличающиеся необыкновенным миролюбием. Эти пчелы почти никогда никого не жалят. Если бы кто-нибудь захотел нарочно раздразнить этих пчел, то он устал бы раньше, чем пчелы начали его жалить.

Сейчас в Бристольском зоопарке пытаются вывести таких пчел, которых нельзя будет и раздразнить: они должны вовсе утерять способность кусаться.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Находка в книжном переплете

В Украинском отделении Академии наук составляли каталог старой библиотеки. Начали описывать одну книгу, изданную еще в XVI столетии, в 1557 году, в Женеве. Сосчитали, сколько в книге страниц, рассмотрели рисунки и вдруг заметили, что у этой книги очень странный переплет: сверху он немного растрепался, и среди растрепанных листков переплета показались буквы и знаки какого-то еще неведомого текста. Тогда осторожно расправили листки переплета и отделили их друг от друга, освободив от клея. Это были остатки еще более старинной книги, напечатанной первым во всем мире печатником — Гутенбергом — в 1455—1456 году! Скоро этой книге будет 500 лет, а сейчас ей 481 год. Это одна из самых старых печатных книг на земном шаре. На всей земле есть еще только две книги, напечатанные в этом году. Эти книги — турецкий календарь и послание папы Каллиста III.

Но как попало вновь найденное издание Гутенберга из Женевы в Киев? Где находятся остальные книги этого же издания?

Вот вопросы, над которыми думают сейчас ученые.

Возникает и еще один важный вопрос: быть может, и в других переплетах старинных книг удастся сделать такие же находки, как удивительная находка на Украине?

А. С. Пушкин.

Портрет работы художника Тропинина.

Талисман

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга
От печальных чуждых стран
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

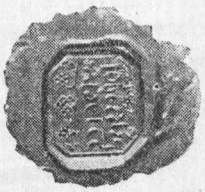
Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя:
Милый друг! От преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!» .

Вещи Пушкина

Н. Ашукин

Вещи Пушкина нам дороги как живая память о нем. Они помогают нам воссоздать быт эпохи, в которую он жил, живее всяких слов они рассказывают нам об условиях, в которых Пушкин писал свои произведения, свыше ста лет уже вызывающие восхищение и благодарность людей.

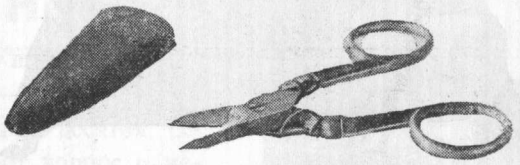
Из вещей Пушкина уцелело немногое, но то, что дошло до нас, мы бережно храним в наших музеях.



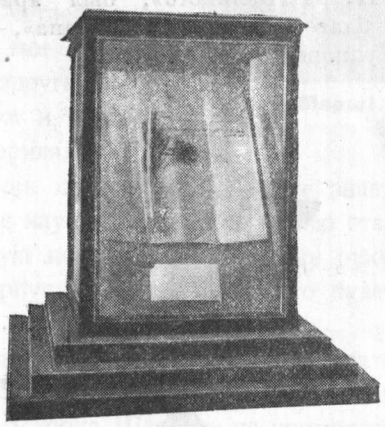
Утерян интересный перстень Пушкина. Перстень этот Пушкину подарила Е. К. Воронцова, она придавала ему значение талисмана, то есть такого предмета, который будто бы имеет таинственную силу оберегать человека от всяких бед.

Этот перстень золотой с резным восьмиугольным сердоликом. Воронцова считала его чудодейственным, так как на сердолике была вырезана непонятная, таинственная еврейская надпись. Ни сама Воронцова, ни Пушкин содержания надписи не знали. А позже специалисты эту надпись прочитали и убедились, что содержание ее было самым обычным. Вот его перевод: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа-старца, да будет память его благословенна». Талисман оказался простой именной печатью, но в пушкинское время общество очень увлекалось всем таинственным и склонно было всюду его находить. Пушкин очень дорожил этим перстнем. Он отчасти и сам придавал ему суеверное значение и посвятил ему свое стихотворение «Талисман».

Употреблял он его для запечатывания своих писем вместо печатки и носил его, по моде своего времени, на большом пальце правой руки. После смерти Пушкина перстень перешел к поэту Жуковскому, а сын Жуковского подарил его И. С. Тургеневу, который завещал его певице Полине Виардо. Она подарила его в Пушкинский музей при лицее, в котором учился Пушкин. В девяностых годах прошлого века перстень был оттуда выкраден, а в 1917 году исчезла и копия, сделанная по снимку и по оттискам. Таким образом, единственная память о перстне — это напечатанная здесь фотография.



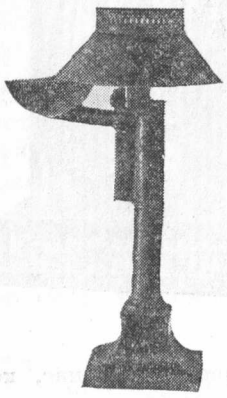
В Институте литературы Академии наук СССР хранятся стальные ножницы с чехольчиком, принадлежавшие поэту. Пушкин подарил их своей сестре Ольге Сергеевне. А ее сын Л. Н. Павлищев пожертвовал их в музей.



Особенно ценны для нас, конечно, вещи поэта, связанные так или иначе с его творчеством. Так, в Институте литературы, в Ленинграде, хранится в стеклянной витринке перо, которым писал Пушкин,— не стальное или алюминиевое перо, каким пишем теперь мы, а гусиное перо, каким писали наши деды, перо, которое очини-

валось ножичком и по мере употребления становилось все короче. Со стола Пушкина в день его смерти взято было несколько таких перьев.

Сохранилась чернильница Пушкина, изображающая арапа-грузчика с двумя тюками. Эту чернильницу подарил Пушкину в 1832 году его друг П. В. Нащокин и написал ему при этом: «Посылаю тебе твоего предка с чернильницами» (прадед Пушкина, изображенный им в повести «Арап Петра Великого», был арапом). «Очень благодарю тебя за арапа», — ответил Пушкин другу.



Там же, в Институте литературы, хранится лампа, при свете которой работал

Пушкин. Лампа эта жестяная, и горело в ней масло.

Кроме всех этих маленьких вещей, связанных с памятью величайшего нашего поэта, Институт литературы хранит еще его библиотеку, которая свидетельствует о широких культурных интересах ее владельца. Пушкин с любовью всю жизнь собирал книги, даже в годы безденежья, когда это ему было трудно. Он сам шутил, что «похож на стекольщика, разоряющегося на покупку необходимых алмазов». Пушкин был одним из самых образованных людей своего времени. Он собрал библиотеку, книги которой (на русском, французском, английском и латинском языках) относятся к таким разнообразным отраслям, как мировая литература, языковедение, критика, философия, география, политическая экономия, медицина и т. д. Многочисленные пометки и записи в книгах показывают, как живо Пушкин отзывался на прочитанное. Они помогают нам разобраться в том, что Пушкин читал, а чтение наряду с наблюдениями над жизнью составляет первую стадию творческой работы писателя.

СПОРТ

ДЕТСКИЕ РЕКОРДЫ 1936 года

В прошлом номере журнала мы поместили таблицу детских спортивных рекордов к 1 января 1936 года. Сейчас мы помещаем рекорды ребят, установленные в 1936 году.

МАЛЬЧИКИ 14—15 ЛЕТ

БЕГ НА 100 МЕТРОВ

Рыженко (Киев) — 12 секунд.

ПРЫЖОК В ВЫСОТУ С РАЗБЕГА

Каргин (Воронежская область)— 156 сантиметров.

ПРЫЖОК В ДЛИНУ С РАЗБЕГА

Галицкий (Ростов на Дону) — 5 метров 85 сантиметров.

ТОЛКАНИЕ ЯДРА (4 килограмма)

Балатанов (Москва) — 13 метров 69 сантиметров.

ДЕВОЧКИ 14—15 ЛЕТ

ПРЫЖОК В ДЛИНУ С МЕСТА

Ольшевская (Москва) — 2 метра 42 сантиметра.

В следующем номере мы дадим детские рекорды по зимнему спорту: конькам и лыжам.

□ □ □

Низкий старт

Хорошо взять старт для спринтера — половина победы. Каждая десятая секунда решает вопрос о месте на финише.

Приготовиться.

Внимание.

Марш!

И когда в 1887 году во время легкоатлетических состязаний студентов США легкоатлет Шерриль на старте встал на четвереньки, публика и даже участники состязания начали смеяться. Этот сумасшедший думает, что он попал на состязания четвероногих! Судья не мог допустить такого надругательства над стартом и начал отчитывать Шерриля:

— Станьте как следует. Если вы не знаете, как надо брать, я вас научу. Станьте на линию старта одной ногой. Другую поставьте сзади, одну руку выносите вперед. Корпус наклоните. Вот это будет классический старт...

Шерриль начал отстаивать свое право брать старт так, как он находит нужным. Судья же отказывался дать сигнал к бегу, пока Шерриль не примет нормального положения. В спор вмешался тренер Шерриля — Мэрфи. Ему удалось уговорить судью оставить Шерриля в покое. Судья отошел, недовольно пожимая плечами, а бегуны радовались: одним соперником меньше.

Но лица их вытянулись, когда Шерриль на финише оказался первым. Низкий старт, изобретенный тренером Мэрфи, помог Шеррилю одержать победу. С по-

История волейбола

Ни в одной стране мира волейбол так не распространен, как в СССР. В волейбол у нас играют начиная от больших и кончая октябрятами. Он стал национальной игрой.

Родиной волейбола являются США. Его придумал в 1895 году преподаватель физкультуры в г. Гелиоке — Виллиам Морган. Из Америки волейбол начал распространяться по всему миру.

В Россию он попал во время империалистической войны, и первое время в него играли только на Средней Волге. С 1922 года волейбол начинает свое победное шествие по всему СССР. В 1935 году был устроен всесоюзный розыгрыш первенства по волейболу пионеров и школьников. В финальных играх в Туле встретились три команды-победительницы: Москвы, Тбилиси (Тифлиса) и Московской области. Первое место заняла команда Москвы, третье—Тбилиси.

Переходящий приз „Пионера“

18 сентября на Стадионе юных пионеров происходили легкоатлетические соревнования детских команд на переходящий приз журнала «Пионер».

Борьба между детскими командами Стадиона юных пионеров, «Динамо» и профсоюза медиков была очень напряженной. Победу могло принести лишнее очко, и поэтому каждый из бегунов, прыгунов и метателей старался показать наилучший для себя результат, чтобы завоевать приз своей команде.

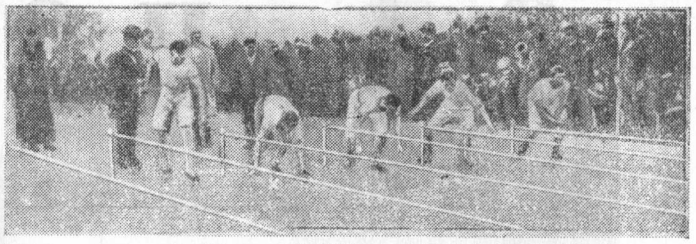
Переходящий приз завоевала команда Стадиона юных пионеров, набрав 80 очков. Всего на полтора очка от нее отстала команда «Динамо». Команда профсоюза медиков набрала 78 очков.

Разница в 2 очка между первым и третьим местом показывает, насколько упорной была борьба.

Переходящий приз — серебряная фанфара — передана Стадиону юных пионеров на собрании всех юных физкультурников стадиона.

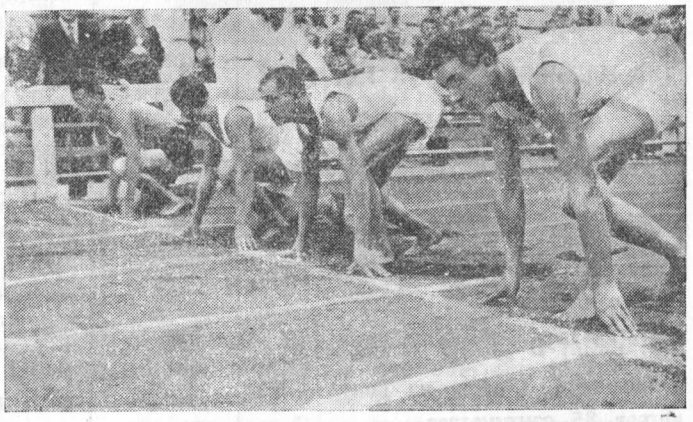
Редакция «Пионера» поздравляет победителей, завоевавших приз в борьбе с сильными противниками.

мощью этого старта бегун мог начинать бег сразу же быстро и экономя силы.



Старт в 1898 году.

Один за другим переходили спринтеры на низкий старт, и теперь нет ни одного судьи и спринтера, который не понимал бы преимуществ низкого старта. Сейчас все смеялись бы над тем спринтером, который на старте вместо четверенек стал бы прямо.

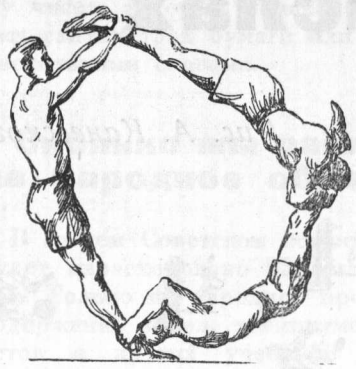


Старт в 1936 году.

Мы помещаем два снимка двух стартов. Первый из них — старт в беге на 100 метров во время первых международных олимпийских игр в Афинах (Греция) в 1898 году. Посмотрите, как по-разному берет старт каждый бегун. Победителем, конечно, оказался американец Бурке (отмеченный крестиком), единственный из бегунов, применивший низкий старт.

Второй снимок изображает старт на 100 метров во время всеукраинской колхозной спартакиады в Киеве в сентябре 1936 года.

Все бегуны применяют низкий старт.

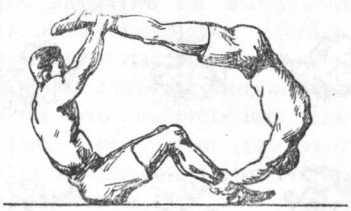


„ТАНК“

Так называется забавное акробатическое упражнение. Оно напоминает вращение гусеницы танка.

Делается оно вдвоем и втроем.

Один из участников «А» ложится на спину и поднимает вверх ноги. Другой участник «Б» становится у головы «А», лицом к его ногам, и крепко захватывает их руками у лодыжек. «А» тоже захватывает закинутыми назад руками ноги «Б» у лодыжек. Затем «Б» передает тяжесть тела вперед и делает кувырок. «А» сгибает ноги в коленях и, крепко держа ноги «Б», приподнимается вверх. «Б» занимает место «А», а «А» начинает делать кувырок. Если хорошо натренироваться и согласовать движения, такой «танк» может довольно быстро кататься. Можно сделать «танк» и втроем. Но это гораздо сложнее и требует большой тренировки. Движение начинает тот, кто стоит на ногах.



Советы тренера

Почти все мировые рекорды по легкой атлетике принадлежат США. Таких успехов американцы достигли благодаря правильной тренировке. В Америке работают лучшие тренеры мира. Прочитайте несколько советов, которые дает всем спортсменам один из лучших тренеров Америки Михаил Мэрфи в своей книжке «Тренировка в легкой атлетике».

«Чистое здоровое тело — первое, необходимое условие, чтобы сделаться хорошим спортсменом. Поэтому я твердо верю в замечательное действие утреннего купанья, сопровождаемого сильным обтиранием, глубоким вдыханием и несколькими простыми гимнастическими упражнениями.

После того как тело хорошо высушено, нужно сделать массаж. Начинать его надо с ног: каждую часть тела нужно сильно растирать по крайней мере минут пять. Массаж очень прост: нужно лишь растирать кожу руками кругообразными движениями. Спину можно растирать так же, как руки и ноги, — мохнатым полотенцем сильными движениями по телу взад и вперед. Такое растирание будет хорошо укреплять кожу. После массажа тело будет гореть от крови, приливающей к каждой части тела. Хорошие спортсмены после массажа несколько минут делают упражнения в глубоком вдыхании.

Очень полезно сделать еще несколько простых гимнастических упражнений для рук, спины и живота. Их нужно делать в хорошо проветренной комнате или около открытого окна.

Спортсмену, который тренируется к состязанию, я советую делать упражнения Джоржа, установившего мировой рекорд в пробеге на одну милю. Упражнение это очень простое: оно состоит в танце на месте, на носках, чтобы привести в движение те мускулы, которые употребляются при беге. Спортсмен должен попеременно поднимать каждую ногу так, чтобы колено было почти на уровне бедер, но не выше. Левая рука должна качаться вперед в соответствии с подниманием правой ноги, точно так же, как и во время ходьбы.

Это упражнение я сам употреблял с большим успехом перед соревнованием зимой, когда невозможно было бегать на воздухе. Нужно только иметь в виду, что это упражнение нельзя применять на слишком твердом полу. Особенно ценно это упражнение для мальчиков и юношей.

Я знавал многих спортсменов, которые прекрасно укрепили мускулы своих ног и усилили свое дыхание этими упражнениями. Три—пять минут таких упражнений по утрам дают поразительные результаты.

Система в числах

Я. Линский *Рис. А. Каневского*

Как легче считать?

Сколько изображений «Тут и там», вы сосчитаете на рисунке № 1?

Вам пришлось затратить на этот подсчет некоторое время и труд. Посмотрите теперь на рисунок № 2.

С одного взгляда на этот рисунок можно сделать подсчет, но и здесь вы не сразу ответите на вопрос, сколько «Тут и там» держат в руках ракетку, у скольких «Тут и там» в руках флажок и у скольких — мяч. По рисунку № 3 можно быстро ответить и на этот вопрос. В чем же дело? Мы ничего не изменили в самых изображениях, а только расположили их в таком порядке, который облегчает возможность быстро произвести нужный подсчет.

Прислушайтесь к гудкам паровоза. Когда машинист хочет, чтобы на станции могли сосчитать сигналы, он дает прерывистый гудок ту-ту-ту, ту-ту-ту, ту-ту-ту, с расстановками.

Если бы машинист дал гудок ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту без расстановки, на станции могли бы сбиться со счету и не понять сигнала. Даже такое небольшое число, как десять гудков паровоза или двенадцать «Тут и там» на наших рисунках, легче сосчитать, когда они разбиты на одинаковые группы и расположены в определенном порядке.

Сколько бы места заняло в вашей тетради, если бы вы писали миллион отдельными палочками? Каждая клетка в тетради занимает полсантиметра, и вам пришлось бы исписать строчку длиной в пятьсот тысяч сантиметров или в пять километров. На одной странице поместится тысяча отдельных палочек. Нужна была бы тетрадь в тысячу страниц, чтобы отдельными палочками написать число «миллион». Благодаря тому, что условились придавать значение цифре в зависимости от ее места, разделять на разряды и классы, т. е. выработали систему счисления, число «миллион» займет в тетради семь клеток, или три с половиной сантиметра вместо пяти километров.

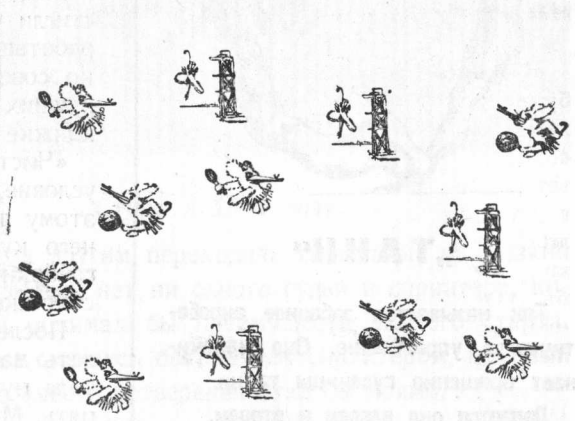


Рисунок 1

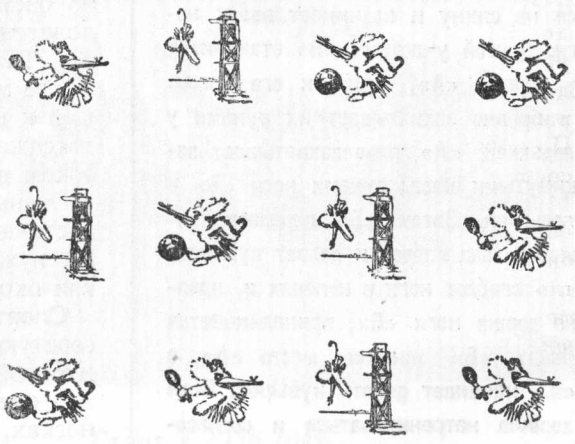


Рисунок 2

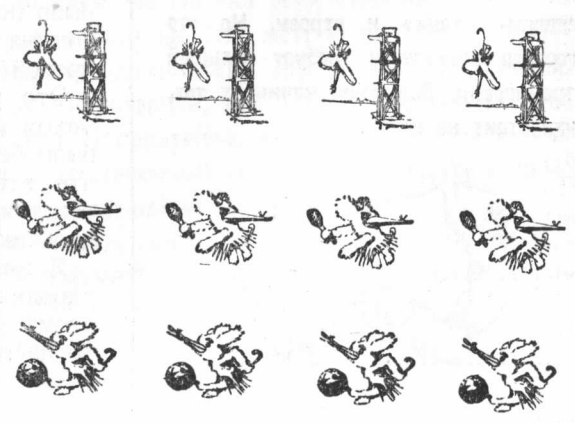


Рисунок 3

Мы часто не представляем себе величину чисел, которые написаны на нескольких сантиметрах бумаги или произнесены несколькими словами.

Сколько мы расходуем на народное образование

В нашем Советском союзе в 1936 году будет израсходовано 83 миллиарда рублей. Только на народное просвещение — содержание школ, техникумов, университетов и других учебных заведений — в этом году расходуется около 12 миллиардов рублей. Большие это или маленькие числа? Сколько времени нужно было бы потратить, чтобы считать подряд от единицы до 83 или хотя бы до 12 миллиардов рублей. Не берите в руки часы, чтобы провести этот опыт на практике. Попробуем проще ответить на этот вопрос.

В минуту вы сосчитаете до 60, за час — до 3600. Если будете ежедневно без перерыва считать 8 часов, то за рабочий день сочтете 28 800 и в течение 300 дней рабочего года — 8 миллионов 640 тысяч. Почти 60 лет придется потратить, чтобы сосчитать до половины миллиарда. Больше 1400 лет нужно потратить, чтобы, таким образом, сосчитать число рублей нашего бюджета по народному просвещению и почти десять тысяч лет для подсчета ассигнований по всему бюджету нашего Союза.

Минуты и тысячелетия

Одна минута нам кажется очень коротким промежутком времени, и вас, вероятно, удивит, когда вы узнаете, что в 10 часов 40 минут 1902 года прошел только один миллиард минут с начала нашей эры. Это высчитал немецкий математик Шуберт, затратив на вычисление 15 минут. При этом математик Шуберт принял во внимание и все високосные годы. Если високосные годы во внимание не принимать, можно это вычисление сделать гораздо скорее. Достаточно для этого один миллиард разделить на число минут, которые содержатся в году.

Наша десятеричная система счисления дает возможность быстро производить вычисления при помощи четырех действий арифметики. Конечно, необходимо знать, какое действие надо произвести над числами. Как-то мать одного ученика пришла к директору школы и жаловалась, что учитель математики задал ее сыну слишком большую домашнюю работу. По словам матери, над этой работой ее сын просидел весь вечер и все же не мог ее выполнить до конца. Директор потребовал к себе тетрадь ученика. Вопрос был такой: «Сколько раз можно вычесть из миллиона число 4?»

Директор об'яснил матери, что ответить на вопрос учителя можно очень быстро — нужно миллион разделить на 4. Ученик же вычел из миллиона 4, из остатка снова сделал вычитание и так далее. Конечно, он этой работы не закончил. Если предположить, что каждое вычитание продолжалось у ученика одну минуту, он сделал бы последнее вычитание на 417-й день, работая ежедневно по 10 часов.

При помощи десяти цифр мы можем написать любое число. Много ли слов нам нужно для названия любого числа? Таких самостоятельных слов мы имеем всего 14. Десять слов для названия первых десяти чисел, затем слова: сорок, сто, тысяча и миллион. Все остальные слова для названия любого числа мы производим от этих 14 слов. Для названия больших чисел существует международная договоренность. Миллион миллионов называют словом «биллион», миллион биллионов — «триллион», и т. д.

В 1871 году такой договоренности еще не было. В этом году закончилась война между Германией и Францией. Немцы наложили на французов контрибуцию в 4 миллиарда рублей. Французы были очень напуганы, так как не знали, сколько в миллиарде: тысяча миллионов или миллион миллионов, — и успокоились только тогда, когда получили письменное требование, где сумма контрибуции была указана цифрами — 4 000 000 000.

Числа в астрономии

С большими числами особенно часто приходится иметь дело при изучении астрономии. Это связано с теми огромными пространствами, которые отделяют друг от друга отдельные звезды. Немецкий народный поэт Гебель советует своим читателям не пугаться, если с солнца в них

будут стрелять из пушки. Можно успеть не торопясь уйти с того места, куда направлено жерло пушки. И в самом деле, если снаряд будет лететь со скоростью 750 метров в секунду, он пролетит 150 миллионов километров, которые нас отделяют от солнца, почти через 6 лет. Время, как видите, достаточное, чтобы уйти от обстрела.

Вся наша звездная система имеет вид чечевицы, в которой содержится около 50 миллиардов звезд. Ученые высчитали, что собой представляет эта чечевица, в которой собраны звезды. Поперечник этой чечевицы приблизительно равен 500 тысячам биллионов километров. Для того чтобы такие большие числа были более понятны, в астрономии вычисляют пространство «световыми годами». Свет пробегает в одну секунду 300 тысяч километров. И вот при этой скорости свет может пробежать поперечник чечевицы звездной системы в 50 тысяч лет.

Песчинки Архимеда

Наша система счисления вырабатывалась постепенно. Еще за 2300 лет до наших дней знаменитый греческий математик Архимед написал ученый труд «Псаммит» — исчисления песчинок в пространстве, равном шару неподвижных звезд. Зачем Архимеду нужно было заниматься определением числа песчинок, которое могло бы быть помещено в пространстве вселенной?

Вычисляя, сколько может быть таких песчинок, Архимед давал названия большим числам и создавал числовую систему. Кроме того Архимед доказал, что число песчинок меньше чем то число, которое он может назвать. Но чтобы написать это огромное число Архимеда, нужно приписать справа от единицы 80 тысяч биллионов нулей. Если бы 800 тысяч человек непрерывно писали нули, они могли бы написать все это число через 1900 лет, а лентой из бумаги, на которой это число было бы написано, можно было бы 4970 раз опоясать земной экватор.

В то время, когда жил Архимед, нашей системы исчисления не существовало. Арабскими цифрами еще не писали, про нули не знали. Архимед мог называть свои огромные числа, но изобразить их цифрами он не мог бы. Современные математики легко справляются с этой задачей при помощи возведения в степень ($10^{10^{8}\cdot 10^{8}}$) — вот большое число, которое назвал Архимед.

Архимед.
Старинный барельеф.

БИОСКОП

или разные сообщения о вещах, известных и неизвестных, крупных и мелких, видимых и невидимых

В Новой Зеландии живет ворона, у самца которой клюв похож на клюв дятла. Этим клювом самец продалбливает кору дерева. Самка в продолбленное отверстие сует свой тонкий и загнутый клюв и достает жирную личинку. Затем обе птицы мирно делятся пищей, которую они добыли совместными усилиями.

●

Некоторые большие гусеницы сумеречных бабочек разукрашены странным узором из пятен. Два пятна, как два глаза, находятся у них на голове. Знаменитый зоолог Вейсман решил, что безобидные пятнистые гусеницы защищаются своим сходством с маленькими змейками. Вейсман положил одну такую гусеницу на поднос, на который обычно насыпался корм для птиц. Едва только воробей, севший на край подноса, увидел гусеницу, он остановился в нерешительности. Затем к нему присоединилось еще несколько небольших птичек, но ни одна из них не решилась подойти к середке подноса. Корм так и оставался нетронутым, пока Вейсман не убрал гусеницу с подноса.

●

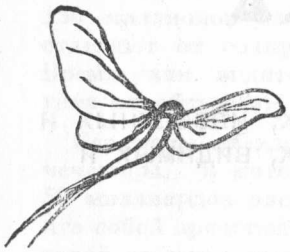
Английского ученого Леббока очень поражало, что муравьи одного муравейника узнают друг друга. Он всячески старался сбить их с толку. Разделил муравейник на две половины и целый год и девять месяцев держал обе половины отдельно. Однако и после этого муравьи узнали «своих». Тогда Леббок решил напоить их пьяными. Он поставил муравьиное гнездо на стол, окруженный желобком с водой, взял из гнезда 25 муравьев, опустил их на несколько мгновений в водку, пометил красной краской и снова положил на стол. Затем он проделал то же с 25 муравьями другого гнезда и, пометив их белым, перемешал с первыми. Леббок утверждает, что трезвые муравьи очень скоро утащили всех своих пьяных товарищей в гнездо, а чужих утопили в желобке с водой.

●

Как бы далеко ни отлетела пчела, она всегда найдет обратную дорогу в улей. Знаменитый французский ученый Фабр решил во что бы то ни стало заставить пчел заблудиться. Он пометил белыми пятнами несколько диких пчел, положил их в мешок и отнес за полкилометра от гнезда, на перекресток. Там он стал быстро вертеть мешок над головой, к изумлению проезжающих крестьян. Проделав это в течение

нескольких минут, он отнес пчел еще на добрых три километра в сторону и там, наконец, выпустил. Фабр рассказывает, что треть пчел все-таки нашла дорогу домой.

●



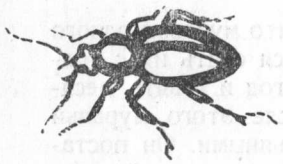
Есть животное, которое в течение всей своей жизни ничего не ест. Слабые челюсти его и желудок даже не приспособлены к пище. Это насекомое — поденка. Как только оно становится поденкой, то есть из личинки делается взрослой, оно теряет способность есть. Жизнь поденки продолжается всего один день. В этот день поденки спариваются и откладывают яйца. Но если взрослая поденка однодневна, то зато личинки поденок живут несколько недель и так обжорливы, что растут с невероятной быстротой.

●

Париж построен из камня, состоящего из раковинок микроскопических животных — корненожек. Полуостров Флорида в Северной Америке, занимающий площадь свыше 100 тысяч квадратных километров, состоит целиком из обломков кораллов и остатков раковин. Под Белгородом на много километров тянутся меловые горы. А в каждом кубическом дюйме мела больше миллиона раковин микроскопических организмов. Мы живем в облаках мельчайших живых существ. В кубическом метре воздуха большого города носятся тысячи бактерий. И даже на высоких горах и в открытом море в любой пробе воздуха, если исследовать ее в бактериологической лаборатории, можно найти несколько десятков живых существ.

●

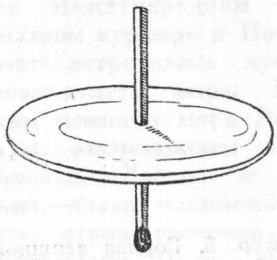
Однажды путешественник Бурчел вышел ночью на берег большой южноамериканской реки, чтобы заняться астрономическими наблюдениями. Внезапно вокруг него на земле раздались слабые взрывы. Он не мог разглядеть ничего, кроме множества ползающих крошечных существ. Как только он пытался их схватить, они издавали звук выстрела, причем около них в самом деле показывался беловатый дымок. Обжегши руки, Бурчел все-таки поймал нескольких стрелков. Это были жуки-жужжелицы, снабженные необычайным орудием защиты: они выбрасывали в сторону врага струйку беловатой едкой жидкости со звуком, напоминающим слабый выстрел.

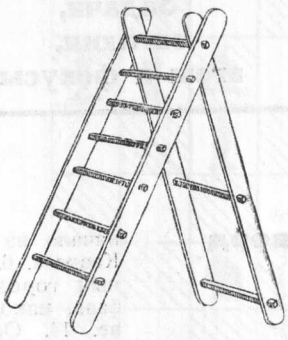


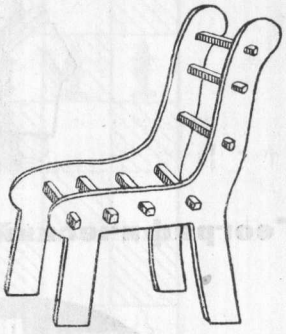
●

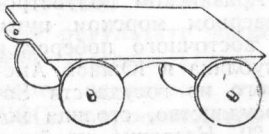
Знаменитый путешественник Александр Гумбольдт видел в городе Майпуресе, в Южной Америке, попугая, говорящего на языке, которого никто не понимал. Удивленный Гумбольдт расспрашивал всех, откуда взялся попугай. Оказалось, что некогда существовало воинственное племя индейцев атуров. Но войны с людоедами-караибами постепенно уничтожили его. Атуры бежали из дремучих лесов Ориноко к городу Майпуресу и там вымерли уже много десятилетий назад. Говорящий попугай был очень стар. Раньше он принадлежал атурской семье. Он был последним, знавшим еще атурский язык.

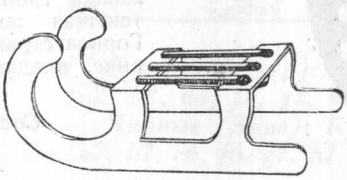
●

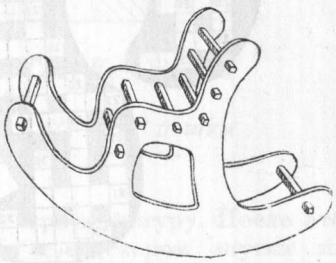


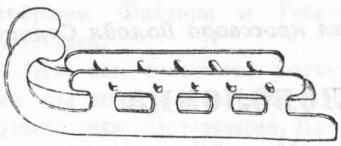












Спичечное мекано

Из спичек и кусочков картона можно сделать много забавных игрушек своим маленьким братьям или сестрам.

Самая простая и едва ли не самая интересная игрушка — волчок. Возьмите циркуль и радиусом в 2,5—3 сантиметра начертите на картоне круг. Вырежьте его и в центре проткните спичкой: волчок лучше вертится на круглой головке.

Стул. Из картона вырежьте боковые стороны, проколите в них шилом дырки и соедините спичками, головки лучше отломать.

Табуретка делается так же, как и стул, но без спинки.

Для стремянки (раздвижной лестницы) нужно вырезать из картона четыре узких длинных полоски одинаковой величины. Наложив их одну на другую, проткните шилом дырки и соедините спичками. В верхней части спичка соединит обе части стремянки.

Санки можно сделать двумя различными способами. Либо вырезать полозья и соединить их поперек спичками, либо вырезать санки целиком из картона и из спичек сделать только продольный настил.

Для телеги понадобится четыре одинаковой величины колеса и корпус. В корпусе дырки для спичек надо сделать большими, чтобы спички в них могли свободно вращаться. В колеса же спички должны входить туго.

На качалку можно даже посадить небольшую куклу.

Можно сделать еще клетку, корзинку, кровать, стол, диван, скамейку и много других вещей, стоит только подумать.

Задачи, загадки, игры и фокусы

Географический кроссворд

СЛОВА ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

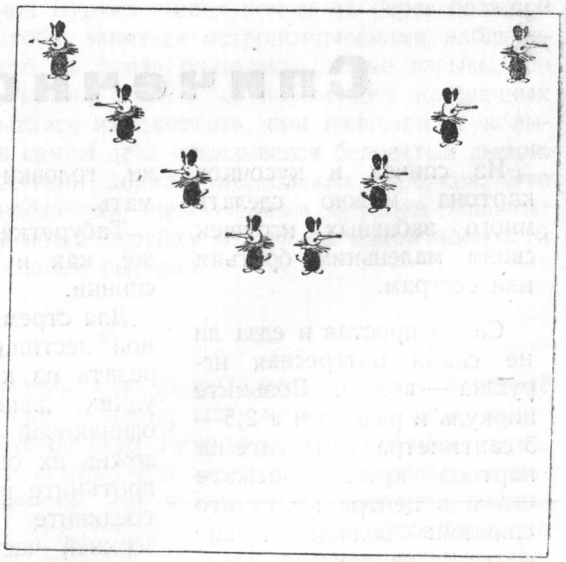
1. Остров в Средиземном море. 3. Государство в Европе. 8. Река в Сибири. 9. Остров, входящий в состав Малайского архипелага, принадлежащий Голландии. 10. Река во Франции. 12. Республика в Центральной Америке. 13. Город в Испании. 16. Государство, частично омываемое Каспийским морем. 17. Озеро в Средней Азии. 18. Приток Волги. 19. Город на восточном побережье Черного моря. 21. Самые высокие горы в Европе. 23. Река в Африке. 24. Остров в Карском море. 25. Река в Индии. 26. Город в Турции. 27. Озеро в Австралии. 28. Мыс, самая южная точка Америки. 31. Остров, входящий в состав Больших Антильских. 33. Один из островов центральной группы Малайского архипелага. 34. Озеро в Центральной Африке. 37. Полуостров в Баренцевом море. 38. Большое плоскогорье в Центральной Азии.

СЛОВА ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Государство с самым большим числом жителей. 2. Река на Кавказе. 4. Река, берущая начало из озера Селигер. 5. Горная вершина Кавказа. 6. Пустыня в Африке. 7. Промышленный город на Кавказе. 11. Военная морская база, находящаяся на Аравийском полуострове. 14. Остров на Северном морском пути. 15. Большой остров у восточного побережья Черного моря. 20. Республика в Южной Америке. 22. Столица одного из государств Западной Европы. 26. Государство, столица которого Буэнос-Айрес. 29. Название хвойных лесов СССР. 30. Страна-колония, принадлежащая трем государствам Европы. 32. Река, текущая по Ламбардской низменности. 35. Горная страна в Средней Азии. 36. Река в Африке, впадающая в Гвинейский залив.

Составил кроссворд Володя Саппак

Головоломка



Эту фигуру надо разрезать на четыре части одинакового размера и формы. Но разрезать так, чтобы в каждой части были два Тут-Итама, смотрящих в разные стороны.

О турнире в Ноттингеме

В недавно закончившемся Международном шахматном турнире в Ноттингеме встретились лучшие шахматисты мира. Были там чемпион мира Эйве и три экс-чемпиона: Капабланка, Ласкер и Алехин,—были чемпионы разных стран, гроссмейстеры Ботвинник, Файн, Флор, Ржешевский, Тартаковер и другие.

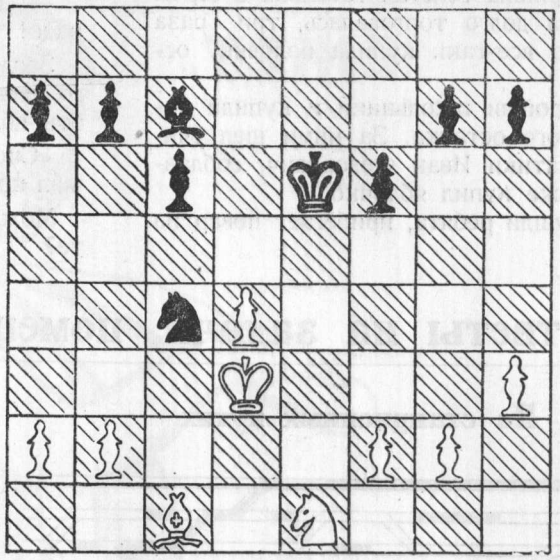
В результате напряженной борьбы 1-е и 2-е места завоевали чемпион СССР гроссмейстер Ботвинник и экс-чемпион мира Капабланка. Чемпион мира Эйве разделил только 3-е, 4-е и 5-е места с американскими гроссмейстерами Файном и Ржешевским.

Все вы, конечно, хотели бы играть так же хорошо, как Ботвинник, Капабланка или Эйве. Многие из вас, вероятно, так и будут играть, а может быть, и лучше.

Однако вы не очень завидуйте: случается, что и самые сильные шахматисты делают плохие ходы. В доказательство приводим окончание партии, игранной в Ноттингемском турнире, между экс-чемпионом мира Ласкером и чемпионом мира Эйве (смотрите диаграмму). Силы у противников равные. Правда, у Ласкера—изолированная пешка на d4, но она бьет важные поля в центре. У Эйве конь под боем, но сейчас его ход, и он может либо увести коня либо защитить. Однако Эйве не стал этого делать, а сыграл здесь:

23 . . . . Сс7—а5.

Если Ласкер возьмет теперь коня, то и Эйве берет коня. Однако случилось совсем неожиданное: Ласкер ухитрился выиграть фигуру. После этого (с Ласкером шутки плохи) Эйве, сделав несколько ходов, вынужден был сдаться.



Белые (Ласкер): Крd3, Сс1, Ке1, пешки a2, b2, d4, f2, g2, h2 (9).
Черные (Эйве): Крe6, Сс2, Кс4, пешки a7, b7, c6, f6, g7, h7 (9).

Ну, а вы, ребята, сумеете в таком положении выиграть фигуру у черных (конечно, после хода черных 23. . . . Сс7—а5)? Если сумеете, то, значит, вы хорошо играете. А если вам это не удастся, то смотрите в следующем номере, как тут сыграл Ласкер, и учитесь у него.

Яблоки

Привез один колхозник на базар мешок крупных антоновских яблок.

Вот подходит покупатель:

— Почем яблоки?

— По гривеннику.

Покупателю яблоки понравились, и он купил половину всего количества. После этого колхозник с'ел одно яблоко.

Второй покупатель пришел с маленькой девочкой. Она увидала яблоки, схватила самое большое и стала есть.

— Ничего, я заплачу,— сказал покупатель, отдал колхознику гривенник и купил половину оставшихся яблок.

Тут подбегают пятеро ребят:

— У нас всего 34 копейки, а нам яблок хочется...

Дал им колхозник за 34 копейки пяток

яблок. «Ладно,— думает,— пускай полакомятся!»

Затем, пришла толстая тетенька в сером платке. Она долго торговалась, три раза уходила, но все-таки купила половину остатка.

Потом прошли школьники и купили половину нового остатка. За ними шел учитель математики Иван Федорович, соблазнился и тоже купил яблочко.

Только ушли ребята, прибегает повар из столовой.

— Есть яблоки?

— Есть.

— Давай сотню, мне нынче пироги печь надо!

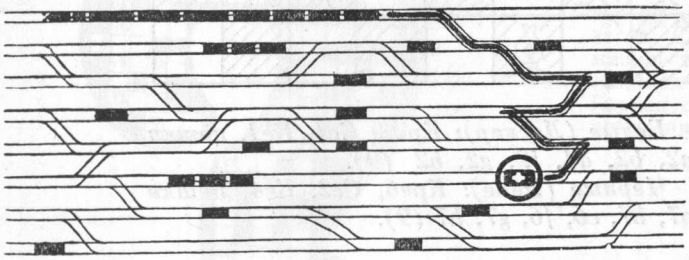
Заглянул колхозник в мешок, а там всего десять яблок осталось. Но повар купил эти яблоки и помчался дальше.

«Сколько же яблок я продал?» — подумал колхозник, но никак не мог вспомнить.

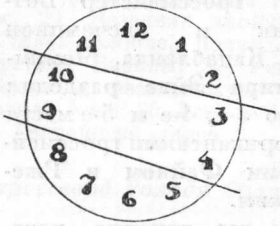
Может, вы, дорогие читатели, сообразите?

Ответы на задачи, помещенные в № 8

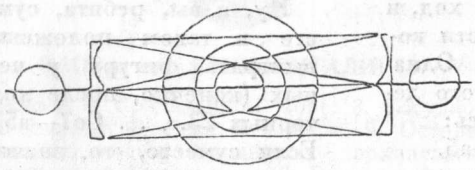
На станционных путях



Как это сделать?



Замысловатая фигура

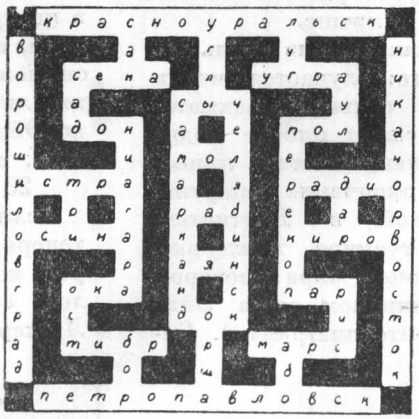


Мы получили очень много правильных ответов на задачи, помещенные в № 8. Но здесь мы помещаем фамилии только тех ребят, которые прислали решения НА ВСЕ ЗАДАЧИ.

Вот эти ребята:

Сережа ПЕТУНИН (Москва), Миша ЛИЧИНИЦЕР (Одесса), Давид БЕРГЕР (Каменец-Подольск), Коля МАТВЕЕВ (Углич), Л. БАКИРОВ (Башкирия), Андрюша АЛЕКСЕЕВ (Севастополь), Сеня РЕЗНИК (Жмеринка), Женя ФУКС (Москва). Ростя Кушев (Оренбург), Алеша Осоков (Архангельск).

Кроссворд



Кроссворд правильно решили: Таня Кавчуновская (Москва), Юра Литвак (Москва), Олег Канецкий (Москва), Соля Шульман (Днепропетровск), Толя Дорин (Белая церковь).

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 7/X 1936 г. Подписано к печати 21/X 1936 г. Изд. № 966

Уполномоченный Главлита № Б—29885. 82×110—1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 2009. Тираж 75 000

Ц. 1936
Акт № 238
Правды, л.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР

ГЛАВПАРФЮМЕР

„ТЭЖЭ"

**КАЖДЫЙ ШКОЛЬНИК ЗНАЕТ ЧЕТКО
ЭТУ ФРАЗУ НА ЗУБОК:
УТРОМ ВСТАЛ-ЗУБНАЯ ЩЕТКА,
А ЗА НЕЮ ПОРОШОК!**

Цена 1 р. 30 коп.

М 7244

П 29
34